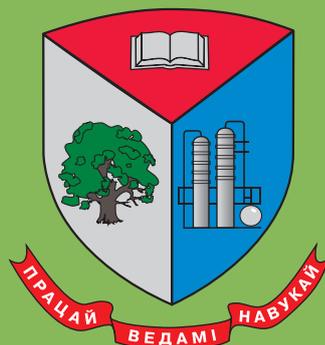

ISSN 2520-6885

ТРУДЫ БГТУ

Научный журнал

Серия 6

ИСТОРИЯ,
ФИЛОСОФИЯ

№ 2 (203) 2017 год

История

Философия

Минск 2017

Учреждение образования
«Белорусский государственный
технологический университет»

ТРУДЫ БГТУ

Научный журнал

Издается с июля 1993 года

Серия 6

**ИСТОРИЯ,
ФИЛОСОФИЯ**

№ 2 (203) 2017 год

Выходит два раза в год

Минск 2017

Educational institution
“Belarusian State Technological University”

PROCEEDINGS OF BSTU

Scientific Journal

Published monthly since July 1993

Issue 6

**HISTORY,
PHILOSOPHY**

No. 2 (203) 2017

Published biannually

Minsk 2017

Учредитель – учреждение образования «Белорусский государственный технологический университет»

Главный редактор журнала – Войтов Игорь Витальевич, доктор технических наук, доцент, Республика Беларусь

Редакционная коллегия журнала:

Дормешкин О. Б., доктор технических наук, доцент (заместитель главного редактора), Республика Беларусь;
Жарский И. М., кандидат химических наук, профессор (заместитель главного редактора), Республика Беларусь;
Кунтыш В. Б., доктор технических наук, профессор, Республика Беларусь;
Прокопчук Н. Р., член-корреспондент НАН Беларуси, доктор химических наук, профессор, Республика Беларусь;
Водопьянов П. А., член-корреспондент НАН Беларуси, доктор философских наук, профессор, Республика Беларусь;
Новикова И. В., доктор экономических наук, профессор, Республика Беларусь;
Наркевич И. И., доктор физико-математических наук, профессор, Республика Беларусь;
Долгова Т. А., кандидат физико-математических наук, доцент, Республика Беларусь;
Торчик В. И., доктор биологических наук, Республика Беларусь;
Захарук Т., доктор педагогических наук, профессор, Республика Польша;
Пайвинен Ристо, доктор наук, профессор, Финляндская Республика;
Барчик Стэфан, доктор наук, профессор, Словацкая Республика;
Жантасов К. Т., доктор технических наук, профессор, Республика Казахстан;
Харша Ратнавира, доктор наук, профессор, Королевство Норвегия;
Рангелова Е. М., доктор педагогических наук, профессор, Республика Болгария;
Шкляр Бенцион, профессор, Государство Израиль;
Хассель Л. Г., доктор наук, профессор, Королевство Швеция;
Файгле В., доктор наук, профессор, Федеративная Республика Германия;
Флорик Е. А., кандидат биологических наук, доцент (секретарь), Республика Беларусь.

Редакционная коллегия серии:

Водопьянов П. А., член-корреспондент НАН Беларуси, доктор философских наук, профессор (главный редактор серии), Республика Беларусь;
Шадурский В. Г., доктор исторических наук, профессор (заместитель главного редактора серии), Республика Беларусь;
Забавский Н. М., доктор исторических наук, профессор, Республика Беларусь;
Короткая Т. П., доктор философских наук, профессор, Республика Беларусь;
Решетников С. В., доктор политических наук, профессор, Республика Беларусь;
Черота И. А., доктор филологических наук, профессор, Республика Беларусь;
Пунченко О. П., доктор философских наук, профессор, Украина;
Шалаев В. П., доктор философских наук, профессор, Российская Федерация;
Рангелова Е. М., доктор педагогических наук, профессор, Республика Болгария;
Захарук Т., доктор педагогических наук, профессор, Республика Польша;
Острога В. М., кандидат исторических наук, доцент (ответственный секретарь серии), Республика Беларусь.

Адрес редакции: ул. Свердлова, 13а, 220006, г. Минск.

Телефоны: главного редактора журнала – (+375 17) 226-14-32;

главного редактора серии – (+375 17) 327-71-95.

E-mail: root@belstu.by, <http://www.belstu.by>

Свидетельство о государственной регистрации средств массовой информации

№ 1329 от 23.04.2010, выданное Министерством информации Республики Беларусь.

Журнал включен в «Перечень научных изданий Республики Беларусь для опубликования результатов диссертационных исследований»

Publisher – educational institution “Belarusian State Technological University”

Editor-in-chief – Voitau Ihar Vital’evich, DSc (Engineering), Associate Professor, Republic of Belarus

Editorial (Journal):

Dormeshkin O. B., DSc (Engineering), Associate Professor (deputy editor-in-chief), Republic of Belarus;
Zharskiy I. M., PhD (Chemistry), Professor (deputy editor-in-chief), Republic of Belarus;
Kuntyshev V. B., DSc (Engineering), Professor, Republic of Belarus;
Prokopchuk N. R., Corresponding Member of the National Academy of Sciences of Belarus, DSc (Chemistry), Professor, Republic of Belarus;
Vodop’yanov P. A., Corresponding Member of the National Academy of Sciences of Belarus, DSc (Philosophy), Professor, Republic of Belarus;
Novikova I. V., DSc (Economics), Professor, Republic of Belarus;
Narkevich I. I., DSc (Physics and Mathematics), Professor, Republic of Belarus;
Dolgova T. A., PhD (Physics and Mathematics), Associate Professor, Republic of Belarus;
Torchik V. I., DSc (Biology), Republic of Belarus;
Zakharuk T., DSc (Pedagogics), Professor, Republic of Poland;
Paivinen Risto, DSc, Professor, Republic of Finland;
Barcik Štefan, DSc, Professor, Slovak Republic;
Zhantasov K. T., DSc (Engineering), Professor, Republic of Kazakhstan;
Harsha Ratnaweera, DSc, Professor, Kingdom of Norway;
Rangelova E. M., DSc (Pedagogics), Professor, Republic of Bulgaria;
Shklyar Benzion, Professor, State of Israel;
Hassel L. G., DSc, Professor, Kingdom of Sweden;
Faigle W., DSc, Professor, Federal Republic of Germany;
Flyurik E. A., PhD (Biology), Associate Professor (secretary), Republic of Belarus.

Editorial (Issue):

Vodop’yanov P. A., Corresponding Member of the National Academy of Sciences of Belarus, DSc (Philosophy), Professor (managing editor), Republic of Belarus;
Shadurskiy V. G., DSc (History), Professor (sub-editor), Republic of Belarus;
Zabavskiy N. M., DSc (History), Professor, Republic of Belarus;
Korotkaya T. P., DSc (Philosophy), Professor, Republic of Belarus;
Reshetnikov S. V., DSc (Politics), Professor, Republic of Belarus;
Cherota I. A., DSc (Philology), Professor, Republic of Belarus;
Punchenko O. P., DSc (Philosophy), Professor, Ukraine;
Shalaev V. P., DSc (Philosophy), Professor, Russian Federation;
Rangelova E. M., DSc (Pedagogics), Professor, Republic of Bulgaria;
Zakharuk T., DSc (Pedagogics), Professor, Republic of Poland;
Ostroga V. M., PhD (History), Assistant Professor (executive editor), Republic of Belarus.

Contact: 13a, Sverdlova str., 220006, Minsk.

Telephones: editor-in-chief (+375 17) 226-14-32;
managing editor (+375 17) 327-71-95.

E-mail: root@belstu.by, <http://www.belstu.by>

ИСТОРИЯ

УДК 947.6-21«18/19»

Т. В. Воронич

Белорусский государственный экономический университет

ДЕТИ В ГОРОДСКОЙ СРЕДЕ БЕЛАРУСИ ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ XIX – НАЧАЛА XX В.

Урбанизационные процессы и модернизация городской среды Беларуси последней трети XIX – начала XX в. выдвинули перед горожанами целый ряд сложных проблем. Многочасовой рабочий день и тяжелое материальное положение малоимущих и неимущих групп горожан, особенно женщин, отсутствие доступной системы общественного воспитания и целый ряд других вопросов обострили проблему присмотра и воспитания детей. Дети, как правило из малообеспеченных семей, были самой уязвимой группой населения в городской среде рассматриваемого периода. Практически с самого рождения они становились тяжелым бременем прежде всего для своих матерей. И женщины стремились избавиться от своих нежеланных детей самыми различными способами. В лучшем случае детей оставляли на улице, где был шанс, что их заметят. Но нередко женщины убивали собственных детей. И если ребенку повезло остаться живым сразу после рождения и прожить хотя бы год, то после его воспитывала улица. Дети становились жертвами несчастных случаев, зачастую со смертельным исходом. Неблагоприятная социальная среда создавала предпосылки для девиантного поведения детей, в том числе занятия проституцией.

Ключевые слова: город, модернизация, детство, дети, преступность, последняя треть XIX – начало XX в.

T. V. Voronich

Belarus State Economic University

CHILDREN IN THE CITY ENVIRONMENT OF BELARUS OF THE LAST THIRD XIX – THE BEGINNING OF THE XX CENTURY

The processes of urbanization and the modernization of the urban environment of Belarus in the last third of the XIX and early XX century represented a number of complex problems for citizens. Heavy financial situation of the poor groups of citizens, especially women, the lack of an accessible system of public education and a number of other issues exacerbate the problem of childcare and upbringing. Children, as a rule, from low-income families, were the most vulnerable group of the population in the urban environment during the period under review. Almost from birth, children have become a heavy burden primarily for their mothers. And women sought to get rid of their unwanted children in various ways. At best, the children were left on the street, where there was a chance that they were noticed. But often women killed their children. But even if a child is lucky to stay alive right after birth and live at least a year, then after he was brought up on the street. And the children became victims of accidents, often with a fatal outcome. The unfavorable social environment created prerequisites for the deviant behavior of children, including prostitution.

Key words: city, modernization, childhood, children, crime, the second half of the XIX and the beginning of the XX century.

Введение. Быстро растущий и модернизирующийся город Беларуси последней трети XIX – начала XX в. ставил перед горожанами целый ряд сложных проблем. Многочасовой рабочий день и тяжелое нестабильное материальное положение малоимущих и неимущих групп горожан, особенно женщин, отсутствие доступной всем слоям жителей города системы общественного воспитания и целый ряд других

вопросов обостряли проблему присмотра и воспитания детей. Дети, как правило из малообеспеченных семей, были самой уязвимой группой населения в городской среде.

Основная часть. Практически с самого рождения дети становились тяжелым бременем прежде всего для своих матерей. И женщины стремились избавиться от своих нежеланных детей самыми различными способами. В лучшем

случае детей оставляли на улице, где был шанс, что их заметят. Ежегодно в Вильне в конце XIX – начале XX в. на улицах в самых разных частях города находили от 120 до 150 живых оставленных детей. Возраст найденных детей был самый разный – от одного-семи дней до 10–15 лет. Но чаще всего находили детей в возрасте от 2–3 недель до 2–3 месяцев... Реже, но бросали детей и в возрасте от 6–8 месяцев до полутора лет. Осенью 1896 г. в Жандармском переулке в Вильне во дворе одного из домов была обнаружена девочка-калека 15 лет с запиской следующего содержания: «Этот ребенок еврейских честных, но бедных родителей, 15 лет от роду» [1, л. 252]. Находили детей в самых разных общественных местах – в городских скверах, на площадях, на улицах, у заборов, в воротах и во дворах жилых домов и общественных зданий: там, где детей могли быстрее найти и оказать им помощь. Зимой, вероятно, чтобы у детей был шанс выжить, чаще всего оставляли там, где было хоть немного теплее, чем на улице, – на лестницах, в коридорах, сенях и парадных домов.

Но нередко детей находили в таких местах, где шансы на выживание были ничтожны или их не было вообще, либо там, где женщина, оставляющая ребенка, могла остаться сама незамеченной. В Вильне в августе 1896 г. трехнедельная девочка была найдена на огороде одного из домов, а в сентябре новорожденный мальчик был найден в лесу одного из предместий города. Развитие транспортных средств сообщения дало еще одну возможность женщинам незаметно для окружающих избавиться от своих детей. Их стали оставлять в вагонах поездов.

Но очень часто детки, которых находили на улицах города, были уже мертвы. Оставленные без помощи, они погибали от холода и голода. Нередко трупы детей были с признаками насильственной смерти. Женщины, пытаясь избавиться от своих нежеланных детей, не оставляли им даже ни малейшего шанса на выживание. В уголовной статистике городов жертвами убийств в 60–100% всех случаев были дети.

Маленькие детские трупы находили в самых разнообразных местах города – на лестницах и у ворот домов, во дворах, садах и огородах городских усадеб, на городских кладбищах, в общественных садах и на площадях города, на территории промышленных предприятий, на мостовых, в ренштоках улиц.

В Гродно в декабре 1897 г. трупик новорожденного был найден на еврейском кладбище [2, л. 34 об.], а в июне 1898 г. – «на православном кладбище в отверстии одной из могил».

В марте 1898 г. трупик новорожденного был найден в колодце во дворе одного из гродненских мещан, а в августе 1899 г. – просто в одной из городских луж. Очень часто детей топили в городских реках [2, л. 16 об.].

Но чаще всего детей топили в городских туалетах. Маленькая человеческая жизнь заканчивалась там, где и начиналась. Женщины рожали в туалетах и там же своих детей лишали жизни. Матери топили своих детей в человеческих испражнениях. Зачастую трупы детей, нередко разложившиеся, находили ассенизаторы во время очистки туалетов.

Лаконичность официальных строк подчеркивает ужас и в то же время повседневность того, что происходило на улицах городов, – убийство детей. Сухая констатация фактов оставляет широкое поле для фантазии. Можно лишь только догадываться о том, что и как реально происходило. Убийство младенцев было обычной и распространенной практикой не только в белорусских, но и европейских городах. Можно предполагать, что большинство этих преступлений так и остались невыявленными.

Брошенные, убитые дети не были желанными для своих матерей и нередко становились результатом физического насилия над женщиной. В то же время и сами женщины довольно часто не были обременены какими-либо моральными нормами и принципами. К тому же маленький ребенок требовал постоянных заботы и ухода и, тем самым, лишал женщину возможности работать. Система общественного воспитания в городах отсутствовала, а средств для найма прислуги для присмотра за ребенком у женщин не было. Это еще сильнее подталкивало женщину к совершению преступления.

Но если даже ребенку и повезло остаться живым сразу после рождения и прожить хотя бы год, то после его воспитывала улица, улица же его и «убивала». С одной стороны, это происходило из-за недосмотра и равнодушия родителей. С другой стороны, родители не имели средств, чтобы нанять прислугу для присмотра за детьми. Учреждения по присмотру и воспитанию детей – первые детские сады и ясли – только-только начинали появляться в городах. Родители, вынужденные работать с утра до позднего вечера, оставляли своих детей на воспитание улице, без надзора взрослых. Предоставленные сами себе, дети становились жертвами многочисленных несчастных случаев. В Гродно в июне 1894 г. «...еврейские мальчики Янкель и Юдель Сегаловичи, положив на сруб строящегося дома бревно, устроили качель. Потеряв равновесие, качавшиеся мальчики соскочили с бревна, от чего последнее упало на находившегося внизу мальчика Якеля Штам-

нера, 12 лет, и разбило ему череп, отчего Штамнер умер» [3, л. 50].

Самых маленьких детей очень часто закрывали одних дома, и они становились жертвами своего детского любопытства. Так, в Вильне в мае 1898 г. 11-месячный Станислав Крым обнаружил дома ушат с водой. Взвзвись за край ушата, мальчик приподнялся и перевесился, желая заглянуть внутрь посуды. Однако потерял равновесие, упал в ушат с водой и утонул. Такая трагедия разыгрывалась в городских квартирах постоянно.

Смертельно опасной игрушкой для детей с момента своего изобретения были спички. В Вильне в декабре 1895 г. 4-летний Шмуель, оставленный без присмотра, играя со спичками, зажег на себе одежду. От сильных ожогов, несмотря на оказанную медицинскую помощь, мальчик умер.

Город всегда в сознании людей ассоциируется с многоэтажными зданиями, которые тоже таили в себе угрозу для детей. Дети постоянно выпадали из открытых окон верхних этажей. В Вильне в апреле 1896 г. «по Конной улице в доме Левина сын еврейского учителя Макса Антовила Овсей более года от рождения, сидя на подоконнике, нечаянно открыв окно, упал со второго этажа на мостовую». К счастью, мальчик остался жив.

Летом дети свободное время любили проводить на реке и, оставленные без присмотра, очень часто тонули. На улицах города они попадали под колеса городского транспорта.

Дети регулярно становились жертвами физического насилия со стороны взрослых. В Вильне в декабре 1896 г. Антон Лукойц «за детский проступок» жестоко избил 4-летнюю добранную дочь своей жены. В тяжелом состоянии девочка была отправлена в больницу.

Дети становились жертвами и сексуального насилия со стороны взрослых. Чаще всего сексуальным домогательствам и насилию подвергались девочки-подростки. Но наиболее уязвимыми в силу своей полной незащитности были дети младшего возраста. В декабре 1895 г. в Вильне по Георгиевскому проспекту денщик генерал-майора Бутурлина Осип Бартошо в отсутствие родителей Ильи и Евдокии Цыпкиных «растлил их, Цыпкиных, 5 летнюю дочь».

Особую группу риска составляли дети, работавшие прислужкой. Как правило, именно они в силу своего зависимого, подчиненного положения наиболее часто подвергались сексуальному насилию со стороны своих хозяев. В марте 1900 г. дворянин Генрих Генрихов Гейнинг изнасиловал 12-летнюю виленскую мещанку Ядвигу Буткевич, работавшую у него прислужкой.

Дети беззащитны и не могут оказать сопротивления взрослым, чтобы защитить себя. Но вместе с тем дети становятся отражением общества, частью которого они являются. И копируют нормы и модели поведения взрослых, какими бы безнравственными они ни были. Неблагоприятная социальная среда создавала предпосылки для девиантного поведения самих детей. Дети сами становились преступниками, выбирая в качестве жертв более слабых. В сентябре 1900 г. в предместье г. Вильны два мальчика, одному из которых было 13 лет, изнасиловали двух девочек 4 и 6 лет...

Город стал благодатной средой для детской проституции. Дети начинали заниматься проституцией в силу разных причин уже с восьми-девяти лет. Нередко занятие проституцией было обусловлено той социальной средой, в которой росли и воспитывались дети. Зачастую девочки становились жертвами изнасилований, что в дальнейшем приводило их к проституции. Наиболее незащищенными были девочки, работающие прислужкой либо находящиеся «в ученье» в какой-нибудь мастерской. Как правило, они подвергались сексуальным домогательствам со стороны как самого хозяина, так и его детей или кого-либо из прислуги.

Но чаще всего девочек просто продавали их родители, старшие братья или сестры либо опекуны. А нередко занятие проституцией становилось семейным бизнесом. Мать-проститутка привлекала к своему ремеслу своих дочерей, либо старшие сестры помогали «взрослеть» младшим. В списках гродненских проституток постоянно фигурируют группки по две-три женщины с одинаковыми фамилиями и проживающие, к тому же, в одном доме [4, л. 184–185]. В начале 1895 г. в Минске было задержано шесть девочек в возрасте от 11 до 14 лет, предлагавших свои услуги прохожим за 15 копеек. По словам одной из них, девочку к ремеслу приобщили ее собственные подружки, которые еще два года назад «завели ее в гостиницу». Четверо из девочек оказались круглыми сиротами. А матери двух остальных зарабатывали на жизнь проституцией своих собственных дочерей и их подруг [5, с. 161].

По правилам для проституток 1844 г. в Российской империи в бордели можно было принимать женщин только с 16 лет. В начале XX в. заниматься проституцией было разрешено с 18 лет, а работать в борделях с 21 года.

Поскольку возрастная планка занятия проституцией, а следовательно, и подчинения надзору была ограничена, особые проблемы возникали с регистрацией малолетних проституток. По закону они должны были отдаваться на попечение родственникам или благотворительным и прочим

подобным учреждениям. По постановлениям Минской городской думы о санитарном надзоре за проституцией, если отдать детей на попечительство не получалось, то они ставились на санитарный учет. В итоге в Минске санитарные билеты проституток получали девочки 10–11 лет [5, с. 161–162].

Заключение. Дети становились жертвами социальной нестабильности быстро изменяющегося современного города. Город заставлял детей быстро взрослеть. Детства у неимущих и малоимущих слоев горожан фактически не существовало, а детская жизнь практически ничего не стоила.

Литература

1. Литовский государственный исторический архив (ЛГИА), Вильнюс. Ф. 378 б/с. Оп. 1896. Д. 6а.
2. ЛГИА, Вильнюс. Ф. 378 б/с. Оп. 1897. Д. 6 III б.
3. ЛГИА, Вильнюс. Ф. 378 б/с. Оп. 1894. Д. 6 III б.
4. Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно. Ф. 9. Оп. 2. Д. 638.
5. Грацианов П. А. К вопросу о реорганизации надзора за проституцией в России // Вестник общественной гигиены, судебной и практической медицины, издаваемый Медицинским Департаментом. 1895. Т. XXVIII. Кн. 2. Ноябрь. С. 139–169.

References

1. Lithuanian State Historical Archive (LSHA), Vilnius. Fund 378 b/s. 1. 1896. F. 6a.
2. LSHA, Vilnius. Fund 378 b/s. 1. 1897. F. 6 III б.
3. LSHA, Vilnius. Fund 378 b/s. 1. 1894. F. 6 III б.
4. National Historical Archive of Belarus in Grodno. Fund. 9. 1. 2. F. 638.
5. Gratsianov P. A. On the issue of reorganizing the supervision of prostitution in Russia. *Vestnik obshchestvennoy gigieny, sudebnoy i prakticheskoy meditsiny, izdavaemyy Meditsinskim Departamentom*, 1895, vol. XXVIII, book. 2, November, pp. 139–169 (In Russian).

Информация об авторе

Воронич Татьяна Владимировна – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры экономической истории. Белорусский государственный экономический университет (220070, г. Минск, Партизанский пр-т, 26, Республика Беларусь). E-mail: vtv1@mail.ru

Information about the author

Voronich Tatyana Vladimirovna – PhD (History), Associate Professor, Assistant Professor, of Department of Economic History. Belarus State Economic University (26, Partizanskiy Ave., 220070, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: vtv1@mail.ru

Поступила 30.06.2017

УДК 37-054./7«19/20»

В. М. Острога

Белорусский государственный технологический университет

**ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ УЧИТЕЛЕЙ
СРЕДНИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ БЕЛАРУСИ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В.**

В статье рассматриваются условия и особенности педагогической деятельности и повседневной жизни учителей средних учебных заведений Беларуси во второй половине XIX – начале XX в. Подчеркивается, что существовавшие инспекции и контроль над педагогической деятельностью со стороны правительственных органов и учебного начальства во многом регламентировали и загоняли в жесткие правовые рамки не только образовательную и воспитательную деятельность педагога, но и помогали проверять организацию их свободного времени, увлечения, круг друзей и т. д. Поэтому автор уделяет внимание режиму работы учителей и условиям труда и быта, основным формам досуга, а также месту педагогов средней школы в городском обществе.

Ключевые слова: педагогическая интеллигенция, среднее учебное заведение, учебно-воспитательный процесс, повседневная жизнь, бытовые условия, формы досуга.

V. M. Ostroga

Belarusian State Technological University

**DAILY LIFE OF TEACHERS OF SECONDARY SCHOOLS BELARUS
IN THE SECOND HALF OF XIX – EARLY XX CENTURY**

The article deals with the conditions and peculiarities of pedagogical activity and everyday life of teachers of secondary schools of Belarus in the second half of the XIX – early XX century. It is emphasized that the existing inspections and control over pedagogical activity by government bodies and educational authorities largely regulated and drove into the strict legal framework not only the educational and upbringing activities of the teacher, but helped to check the organization of their free time, hobbies, the circle of friends etc. Therefore, the author pays attention to the mode of work of teachers and conditions of work and life, the main forms of leisure, as well as the place of teachers of secondary schools in urban society.

Key words: educational intelligentsia, secondary educational institution, educational process, everyday life, everyday conditions, leisure activities.

Введение. История Беларуси конца XIX – начала XX в. свидетельствует о возрастании роли и значимости интеллигенции в жизни общества. Значительную часть в социальной структуре общества занимала педагогическая интеллигенция. Профессиональная деятельность учителя часто осознавалась современниками как одна из форм общественного служения. Состоящими на государственной службе считались все штатные преподаватели гимназий и прогимназий. Такое положение в обществе возлагало на них дополнительную ответственность за поведение, нравственность и даже образ мыслей. От учителей ожидалась безупречность не только в служебной деятельности, но и в частной жизни. Вместе с тем состояние сохранившихся исторических источников и имеющаяся историография не позволяет с достаточной полнотой охарактеризовать повседневную жизнь учителей и условия их труда, поэтому в определенной степени раскрыть данный вопрос помогли косвенные данные: отчеты о состоянии гимназий, исторические записки, воспоминания учителей и др.

Основная часть. В рассматриваемый период профессия учителя становится массовой, значительно возрастает общественная значимость педагогического труда. Но, несмотря на достаточно высокий уровень доходов и степень материальной обеспеченности, которые автор анализировала в предыдущих публикациях, учителя гимназии не пользовались должным престижем и уважением не только со стороны лиц, имеющих высшее и среднее образование, но и значительной части тогдашнего общества. Это четко демонстрируют условия и особенности педагогической деятельности, а также сама повседневная жизнь учителей.

В этой связи определенный интерес вызывает режим дня педагога. Занятия в средних учебных заведениях начинались, как обычно, в 8.30–9.00. За несколько минут до звонка весь педагогический коллектив и ученики собирались в актовом зале на общую утреннюю молитву, после которой все расходились по классам. Один урок длился около часа с перерывами в 10–15 минут. Рабочая неделя состояла

из 6 дней (за год примерно 180), выходными были воскресенье и праздники. Средняя рабочая нагрузка на каждого учителя по гимназическому уставу 1871 г. составляла 12 часов. Исходя из нее начислялось и жалование. Но, несомненно, учителя работали значительно больше, преподавая по 20–25 уроков в неделю, особенно если ощущался дефицит педагогических кадров или открывались новые параллели. В крупных губернских городах, как правило, учителя преподавали в нескольких учебных заведениях. Отдохнуть от напряженной работы в течение рабочего дня можно было в учительской комнате. Там педагоги беседовали, пили чай, курили. Наблюдение за детьми и их поведением во время перемен осуществляли инспектор, особые надзиратели, а также помощники классных наставников в мужских гимназиях и классные дамы в женских. Они также организовывали работу в классе, если по каким-то причинам отсутствовал учитель-предметник. Например, в Мстиславской мужской гимназии за 1915 г. все преподаватели пропустили 68 уроков, основными причинами чего стала болезнь или исполнение обязанностей присяжных заседателей в суде. Директор отмечал, что «вообще преподаватели к посещению уроков относились аккуратно» [1, л. 4].

Два раза в месяц во второй половине дня учителя собирались на педагогические советы, на которых обсуждались различные вопросы организации учебно-воспитательной работы. Тем педагогам, кто одновременно работал в нескольких учебных заведениях города, приходилось посещать и несколько советов. Большинство из них относились к присутствию на таких заседаниях «как к рутинной и скучной обязанности». Сохранившиеся в архивах протоколы содержат большой объем информации, из чего можно сделать вывод о кропотливости и тщательности обсуждения каждого вопроса учебно-воспитательной работы, а также о длительности такого мероприятия.

Инспектор и учителя обязаны были также осуществлять после работы внеклассный надзор за поведением учеников вне школы (проверка ученических квартир, дежурство на оживленных улицах, в парках, около театров, биллиардных, ресторанов, в кофейнях и т. д.). Такая работа часто выполнялась в позднее вечернее время. На вторую половину дня, а порой даже на воскресные и праздничные дни, приходился труд по проверке ученических тетрадей, который считался необходимым, но «исключительно монотонным и утомительным», требующим больших затрат времени и сил. Предстояло уделить должное внимание подготовке к занятиям на завтра. На все это ежедневно уходило по 3–4 часа.

В гимназиях и реальных училищах число учащихся в классе должно было быть не более 40 человек. Но и эта цифра считалась самими педагогами очень высокой. Большой численный состав классов не давал возможности учесть индивидуальные способности и интересы ребенка, охватить вниманием каждого, контролировать степень подготовки к занятиям и уровень усвоения материала, а также, что очень важно, поддерживать дисциплину и должную тишину, особенно в младших классах. Что касается Виленского учебного округа, то в основном число учащихся в классах соответствовало министерским нормам, хотя практически все учителя классы считали «невозможно переполненными», особенно начальные, жаловались на то, что очень долго не могут даже запомнить фамилии учащихся. Например, в Витебской мужской гимназии в 1884/1885 учебном году во всех классах обучалось 397 учеников: в przygotowительном – 60, в первом обоих отделений – 82, во втором обоих отделений – 65, в третьем обоих отделений – 71, в четвертом обоих отделений – 45, в пятом классе – 20, в шестом – 18, в седьмом – 18 и в восьмом – 18 [2, с. 17]. Проблема переполненности классов в средних учебных заведениях особенно обнажилась в годы Первой мировой войны, когда значительная часть учебных заведений запада Беларуси была эвакуирована вглубь страны. В данной ситуации численный рост гимназий и реальных училищ замедлялся, а имеющиеся работали в две смены.

В XIX в. здания, в которых размещались средние учебные заведения, нельзя было назвать удовлетворительными. Так же можно было охарактеризовать и состояние рабочего места учителя. Например, в 1867 г. для Гомельской прогимназии был нанят дом, «теплый и сухой, но оказался тесным и непригодным к потребностям учебного заведения. Классные комнаты были малы: в наибольшей с трудом могло поместиться 45 человек. Потолки в классах невысокие и сделаны сводами; окна средней величины. От этого воздух был спертым, и света было мало» [3, с. 26]. Многое «требовало ремонта и основательного исправления» в Слуцкой гимназии, где «печи не вытягивали вовсе из классов дурного воздуха. От этого происходили невыносимый жар и духота в классах и постоянные головные боли у учеников и учителей. На уроках... сидели бледными до мертвенности и беспокойно-тоскливыми» [4, с. 121]. В подавляющем большинстве отчетов по отношению к школьным помещениям отмечалось нарушение правил гигиены как по кубическому содержанию воздуха, так и по количеству света. Несколько улучшилась ситуация

в начале XX в. Параллельно, с указанием на недостатки в существующих учебных помещениях, все чаще встречаются и такие характеристики: «вообще здание гимназии обширно и достаточно благоустроено» (Витебск), «здание... снабжено вытяжной принудительной вентиляцией. Водоснабжение гимназии производится посредством водопровода» (Гомель), «построено на специальные средства гимназии каменное одноэтажное здание для гимнастики» (Бобруйск) и др. [5].

Со временем улучшалась также и методическая обеспеченность учительского труда. В середине XIX в. не хватало необходимых учебников и пособий. Так, в Могилевской гимназии ученическая библиотека была основана в 1857–1958 годах на добровольные взносы учеников. До конца 1880-х она не имела ни отдельного помещения, ни шкафов, ни составленных каталогов. И в таких условиях учителю приходилось работать и выполнять установленную программу [6, с. 100]. По данным отчета за 1913 г. в фундаментальных библиотеках «всех правительственных гимназий округа книг, периодических изданий и брошюр состояло в наличности 65204 названия в 150831 томе, в ученических – 42099 названий в 60298 томах». По сравнению с предыдущим годом число названий книг и томов увеличилось в среднем на 4 и 6% соответственно.

Если рассматривать конкретно по учебным заведениям, то, например, Быховская фундаментальная библиотека состояла из 24 названий книг в 99 томах и ученическая библиотека из 215 названий в 240 томах; в Витебской частной гимназии И. Р. Неруша в фундаментальной – 1700 томов, в ученической 947 названий книг в 1289 томах, в Минской частной гимназии С. П. Зубакина и К. О. Фальковича в фундаментальной – 184 тома, в ученической – 2093 тома. Руководство сделало вывод, что библиотеки округа «по количеству и разнообразию находящихся в них книг удовлетворяют в достаточной степени потребностям средних учебных заведений» [7]. В этой связи следует отметить, что книга для учителя являлась не только источником нового знания, но и главной для человека данной профессии формой досуга. В начале XX в. в Беларуси начали открываться учительские библиотеки с целью дать «возможность пополнить свое образование и тем содействовать успешному ходу классовых учебных занятий и более продуктивной работе школы». В 1904 г. такой вопрос обсуждался на заседании Городской думы Витебска, которая приняла решение ассигновать «посильное пособие на первоначальное устройство... и на ежегодное пополнение библиотеки книгами» [8, л. 3–4].

Вызывают также интерес и жилищные условия педагогов. Согласно существующим нормам и правилам, при наличии свободных помещений в школе их могли предоставить в качестве квартир учителям. Иногда это делалось бесплатно, если служащему в учебном заведении полагалась квартира по штатному расписанию. Право на получение квартир (квартирных денег) имели директора, инспектора, письмоводители, бухгалтера и помощники классовых наставников. Учителя гимназий не могли пользоваться квартирными деньгами или пособиями на наем квартир. Все выдачи таких пособий осуществлялись по распоряжению Попечителя Виленского учебного округа в таких случаях, как перемещение из одной должности в другую, из-за болезни, пожара и по другим уважительным причинам. Серьезным основанием для выделения квартирных денег служащим Минской мужской гимназии в сумме 300 руб. явились обстоятельства военного времени и вынужденная эвакуация [9, л. 6, 63]. Если гимназия располагала средствами, то она могла оплатить жилье для педагога.

Вместе с тем жилищные условия большинства учителей средних школ были хорошие. Например, считалось, что в 3–4-комнатных квартирах семейные педагоги не жили, а «ютились». Что же касалось холостых, то они имели, как правило, 2-комнатные квартиры [10, с. 187]. Достаточная и даже излишняя жилплощадь позволяла многим из них за определенную плату «содержать учеников-пансионеров», что разрешалось уставами самих средних учебных заведений.

Быт и условия жизни учителей гимназий и реальных училищ соответствовали примерно сложившимся стандартам в средних слоях городского населения. Скажем, домашняя работа (уборка квартиры, стирка одежды, приготовление пищи) выполнялась прислугой. В бюджетах женатых учителей значились расходы на кухарку, горничную, а если учитель имел детей, то и на няню. И это было своего рода нормой. Всеобщее осуждение и непонимание со стороны интеллигентного общества заслуживал отказ учителя, даже по причине дефицита семейного бюджета, от прислуги. Считалось очень зазорным, если жена «учащего» стирает белье, а он сам «выносит во двор помои». Так, учитель А. Б. Петрищев в своих «Заметках» отмечал, что «положение же обязывает меня держать прислугу... Я должен быть на службе в чистом крахмальном белье, в форменном костюме известного достоинства, иметь обувь и верхнее платье не ниже определенной свежести. И мы покорно тратим на прачку, на форму и на все прочее почти пятую часть заработка.

Бывая в церкви, я не могу положить в тарелку менее гривенника; говея, я не могу дать священнику за исповедь меньше двух рублей; сто-рожу, когда он меня поздравляет, я должен дать по крайней мере, полтинник, и проч., и проч. И по обязанности службы, и по долгу положения, даю, даю, даю. Этим я покупаю то внешнее и условное уважение к моей особе, отсутствие которого делало бы мне еще большее, чем теперь». Далее он продолжает: «Я люблю скрипку, но избегаю играть, чтоб не напомнить жене, что у нас нет рояля: она любит этот инструмент и когда-то хорошо на нем играла. ...В обществе мы почти не бываем: она – потому, что нет «выходных» костюмов, я потому, что здесь без жены бывать не принято. Да и бывать – значит приглашать к себе, а такой роскоши мы позволить не можем» [11, с. 195–196].

Большая педагогическая нагрузка приводила к тому, что возможности для дружеского общения с коллегами становились резко ограниченными. Педагогические корпорации были достаточно замкнуты: учителя, как правило, не смешивались с обществом других чиновников и служащих города. В свободное время практиковались так называемые собрания учителей «за чашкой чаю», которые проводились поочередно в квартирах их участников. Принципиальным было приглашение на такие «пирушки» директора гимназии и инспектора. Игнорирование и «манкировка» со стороны учителей таких вечеринок осуждались всем коллективом, несмотря на то, что у многих учителей на дороге «приемы» просто не было денег. Осуждались также те педагоги, которые играли в карты, бильярд, злоупотребляли алкоголем, особенно если это впоследствии сказывалось негативным образом на течение учебного процесса. Что же касается общественной деятельности, то ей учителя практически не занимались. Всякая подобная активность вызывала подозрения со стороны учебного начальства или прямые препятствия.

Резко ухудшаются материальное положение и условия труда народных учителей в годы Первой мировой войны, когда на фоне всей дестабилизации ситуации в стране сильно выросли цены на самые необходимые товары. Так, директор Полоцкой мужской гимназии просил военные власти «выдать из склада... для служащих гимназии (18 лиц персонала, многие с семейством) муки пшеничной, муки ржаной, крупы гречневой, постного масла, сахару и прочих продуктов, какие только имеются в складе и в каком количестве возможно». «О приобретении одежды не приходится и думать, т. к. на костюм, который в мирное время стоил 25–30 руб., в настоящее время необходимо затратить 250–300 руб., а необходимость в одежде для меня и семьи ощущается как в насущном» [12, л. 26, 11].

Заключение. Таким образом, учителя, которые являлись центральным звеном школьного образования, в своем подавляющем большинстве серьезно и ответственно относились к своим функциональным обязанностям, несли светоч знания в широкие народные массы. Стремление к контролю над учебной деятельностью и частной жизнью педагогов, даже вне стен гимназий и реальных училищ, свидетельствовало о той ответственности, которую возлагали министерские чиновники на всю систему народного образования. Учителя средних учебных заведений, находясь на государственной службе, относились к среднему чиновничеству и пользовались всеми принадлежащими им правами и привилегиями. Значительно лучше, по сравнению с учителями начальных сельских школ и городских училищ, они были обеспечены в материальном плане, качественно отличались их условия жизни и труда. Вместе с тем учителя средних школ не оказывали существенного влияния на свое социальное окружение, как правило, незаметно растворяясь в городской среде и замыкаясь в себе или в существующих педагогических группах и корпорациях.

Литература

1. Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ), Минск. Ф. 2416. Оп. 1. Д. 15.
2. Отчет о состоянии Витебской гимназии за 1884–85 учебный год. Витебск: Типо-литография Г. А. Молкина, 1886. 62 с.
3. Историческая записка о Гомельской шестиклассной прогимназии и отчет за 1885/6 учебный год / сост. И. П. Максимов. Гомель: Тип. Ш. А. Фридланда, 1886. 60 с.
4. Глебов И. А. Историческая записка о Слуцкой гимназии с 1617–1680–1901 гг. Вильно: Тип. А. Г. Сыркина, 1903. 217 с.
5. Отчет о состоянии учебных заведений и учреждений Виленского учебного округа. Вильно: Тип. А. Г. Сыркина, 1915. Разд. пач.
6. Созонов М. П. Историческая записка Могилевской мужской гимназии, 1809–1909. Могилев: Губернская тип., 1909. 213 с. С. 100.
7. Отчет о состоянии учебных заведений и учреждений Виленского учебного округа. Вильно: Тип. А. Г. Сыркина, 1915. Разд. пач.

8. НИАБ. Ф. 2496. Оп. 1. Д. 1676.
9. НИАБ. Ф. 466. Оп. 1. Д. 374.
10. Бюджет служащих в мужских гимназиях и реальных училищах по данным анкеты Прогрессивной группы // Русская школа. 1910. № 7/8. С. 182–194.
11. Петрищев А. Б. Заметки учителя. СПб.: Знание, 1905. 411 с.
12. НИАБ. Ф. 2608. Оп. 1. Д. 64.

References

1. National historical Archive of Belarus (NHAB), Minsk. Fund 2416. I. 1. F. 15. *Otchet o sostoyanii Mstislavskoy muzhskoy gimnazii za 1915 g.* [Report on the state of the Mstislavsky Men's Gymnasium for 1915 g.].
2. *Otchet o sostoyanii Vitebskoy gimnazii za 1884–85 uchebnyy god* [Report on the state of Vitebsk gymnasium for the 1884–85 school year]. Vitebsk, Tipografiya G. A. Molkina Publ., 1886. 62 p.
3. *Istoricheskaya zapiska o Gomel'skoy shestiklassnoy progimnazii i otchet za 1885/6 uchebnyy god* [Historical note on the Gomel Six-Class Progymnasium and the report for the 1885/6 academic year]. Sost. I. P. Maksimov. Gomel, Tip. Sh. A. Fridlanda Publ., 1886, 60 p.
4. Glebov I. A. *Istoricheskaya zapiska o Slutskoy gimnazii s 1617–1680–1901 gg.* [Historical note on the Slutsk gymnasium from 1617–1680–1901]. Wilno, tip. A. G. Syrkina Publ., 1903. 217 p.
5. *Otchet o sostoyanii c zavedeniy i uchrezhdeniy Vilenskogo uchebnogo okruga* [Report on the state of educational institutions and institutions of the Vilnius educational district]. Wilno, Tip. A. G. Syrkina Publ., 1903. Razd. pach.
6. Sozonov M. P. *Istoricheskaya zapiska Mogilevskoy muzhskoy gimnazii, 1809–1909* [Historical note of the Mogilev Men's Gymnasium, 1809–1909]. Mogilev, Gubernskaya tip. Publ., 1909. 213 p. P. 100.
7. *Otchet o sostoyanii uchebnykh zavedeniy i uchrezhdeniy Vilenskogo uchebnogo okruga* [Report on the state of educational institutions and institutions of the Vilnius educational district]. Wilno, Tip. A. G. Syrkina Publ., 1903. Razd. pach.
8. NHAB. Fund 2496. I. 1. F. 1676. *Po otnosheniyu Direktsii narodnykh uchilish ob otpuske gorodskogo posobiya na otkrytiye tsentral'noy uchitel'skoy biblioteki* [In relation to the Directorate of People's Colleges of National Schools on the leave of the city allowance for the opening of the central teacher's library].
9. NHAB. Fund 466. I. 1. F. 374. *O vydache sluzhashchim gimnazii sutochnykh i kvartirnykh deneg po voennym obshchym interesam* [On the issuance of daily and apartment money for the employees of the gymnasium for military reasons].
10. The budget of employees in men's gymnasiums and real schools according to the questionnaire of the Progressive Group. *Russkaya shkola* [Russian school], 1910, no. 7/8, pp. 182–194 (In Russian).
11. Petrishchev A. B. *Zametki uchitelya* [Teacher's Notes]. St. Petersburg, Znaniye Publ., 1905. 411 p.
12. NHAB. Fund 2608. I. 1. F. 64. *Perepiska s Popечителем Vilenskogo uchebnogo okruga* [Correspondence with the Trustee of the Vilnius Academic District].

Информация об авторе

Острога Валентина Михайловна – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории Беларуси и политологии. Белорусский государственный технологический университет (220006, г. Минск, ул. Свердлова, 13а, Республика Беларусь). E-mail: ostroha@belstu.by

Information about the author

Ostroga Valentina Mikhailovna – PhD (History), Associate Professor, Assistant Professor, the Department of History of Belarus and Political Science. Belarusian State Technological University (13a, Sverdlova str., 220006, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: ostroha@belstu.by

Поступила 01.09.2017

УДК 338.45+338.43:63(476)''1914/1918''

Н. Е. Семенчик

Белорусский государственный технологический университет

**СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО И ПРОМЫШЛЕННОСТЬ БЕЛАРУСИ
НАКАНУНЕ И В НАЧАЛЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ**

В статье дается общая характеристика трудов о состоянии и особенностях развития сельского хозяйства и промышленности Беларуси накануне и в начале Первой мировой войны. Определены направления деятельности государственных, муниципальных и общественных учреждений по оказанию помощи тем крестьянским хозяйствам, которые применяли новые методы обработки земли. Обращается внимание на положительную динамику в развитии сельского хозяйства. Отмечаются изменения в промышленности, связанные с подъемом сельского хозяйства. Характеризуются изменения в сельском хозяйстве и промышленности Беларуси, связанные с началом военных действий России против Германии.

Ключевые слова: сельское хозяйство, промышленность, Беларусь, Первая мировая война.

N. E. Semenchyk

Belarusian State Technological University

**AGRICULTURE AND INDUSTRY OF BELARUS BEFORE
AND AT THE BEGINNING OF THE FIRST WORLD WAR**

The article gives a general description of the state and features of the development of agriculture and industry in Belarus shortly before and at the beginning of the First World War. The author defines state, municipal and public institutions' activity directions to assist those household farms that applied new methods of cultivating the land. A special attention is paid to the positive dynamics in the development of agriculture. The article specifies changes in industry related to the agricultural ramp-up. In addition, the author describes changes in agriculture and industry in Belarus which were directly linked to Russia's launching military operations against Germany.

Key words: agriculture, industry, Belarus, the First World War.

Введение. Канун Первой мировой войны в научной литературе представляется временем высшего экономического подъема Российской империи. В этой связи было бы целесообразным определить его проявления в экономике Беларуси, включавшей Виленскую, Витебскую, Гродненскую, Минскую и Могилевскую губернии. Отечественные ученые достаточно часто освещали вопросы развития тогдашнего Северо-Западного края, и их труды до нашего времени не утратили своей научной значимости. Вместе с тем по причине существовавшей в СССР идеологической заданности общественных наук изучение экономики указанного времени фокусировалось на социальных аспектах, долженствовавших показать назревание в России, в том числе и Беларуси, революции. В результате на их основе почти все авторы формулировали политические выводы, а качественные изменения, происходившие, к примеру, в сельском хозяйстве и промышленности, оставались без должного внимания.

Основная часть. В начале XX века основная масса населения Беларуси – крестьяне – была занята сельским хозяйством. Жители городов и местечек – ремесленники, кустари (рабо-

чие немногочисленных предприятий) – обслуживали внутренний рынок. Как и ранее, экономика развивалась стихийно, без вмешательства властей. Коренных изменений в ее структуре не происходило. Можно говорить лишь о ее количественных и качественных сдвигах. По причине малоземелья у хлеборобов, недостатка инвентаря и удобрений, отсталой технологии земледелия и неразвитого животноводства их доля в производстве продукции в целом уступала помещикам. В то время как выращенные крестьянами рожь и картофель потреблялись ими самими, помещичьи хозяйства перерабатывали урожай на спирт с его дальнейшей продажей.

В тех же помещичьих хозяйствах было налажено производство молочных продуктов на рынок. Тем же занималась часть зажиточных крестьян, которые имели договоры с владельцами маслобоек либо располагались вблизи городов и транспортных коммуникаций. Для большинства же крестьян наличие коровы в хозяйстве являлось не только подспорьем для питания членов семьи, но и источником производства удобрения для земледелия. В их же хозяйствах находилась иная живность, в своем большинстве – свиньи. Овцы чаще всего

содержались для употребления их мяса в пищу, а шкур – для изготовления зимней одежды.

По обеспеченности инвентарем местные помещичьи хозяйства не уступали многим развитым земледельческим районам России. Переход же крестьянских хозяйств, главным образом зажиточных, к использованию передовых орудий и машин только начинался.

В прямой связи с наличием (или отсутствием) тягловой силы и орудий труда находилась и технология землеобработки. В то время как помещичьи и отдельные крестьянские хозяйства переходили к многопольному севообороту, хлеборобы, связанные общинным землепользованием, придерживались традиционных, «дедовских» приемов земледелия. Не случайно поэтому Правительство, озабоченное отставанием крестьянского хозяйства в масштабе всей страны, приступило к проведению аграрной реформы. В Беларуси усилиями губернских и уездных землеустроительных комиссий под руководством имперского Департамента земледелия вместо общинной учреждались подворно-участковая, надельная, отрубная и хуторская формы личного землепользования. До 1914 г. в Витебской губернии 28,6%, а в Могилевской – 56,7% дворов закрепили в собственность свои общинные участки. В России же за это время из общины вышли только 21,8% дворов. По мнению советских экономистов, «это свидетельствовало об интенсивной капиталистической перестройке белорусской деревни» [1, с. 113].

Организовать новое хозяйство для многих владельцев оказалось делом трудным. «Чтобы хозяйствовать менее-более порядочно, не опасаясь голода, нужно иметь у нас на Беларуси, по крайней мере, 10 десятин земли, – писала «Наша ніва», – а чтобы хозяйствовать образцово, то десятин 20–30 и дешевый кредит» [2].

В среднем на 1 двор крестьянина приходилось 10,6 дес. земли [1, с. 119], но шансы «встать на ноги» имели те хозяева, которые переходили от традиционной системы севооборота к многопольной, занимались травосеянием, применяли новые орудия земледелия, улучшали породистость животных и т. д. Со своей стороны служащие землеустроительных комиссий, земские гласные, члены сельскохозяйственных обществ оказывали им посильную практическую и моральную помощь. В каждой волости были устроены «опытные поля» по типу Тугановичского в Новогрудском уезде, а также показательные участки (главным образом с люпином и корнеплодами) [3, с. 96] для обучения крестьян многопольному севообороту, правильному травосеянию, использованию удобрений. Тем из них, кто принимал рекомендации агро-

номов по новому ведению хозяйства, предоставлялись в ссуду семена трав и минеральные удобрения. Так, в 1912 г. в Гомельском уезде крестьянам было продано и роздано бесплатно 130,5 пуд. семян трав и корнеплодов, а в 1914 г. уже в 44 раза больше [4, с. 382]. Очевидно, что в деревнях и на хуторах новая агротехника стала приобретать популярность.

В 1913–1914 гг. Минское губернское земство организовало месячные курсы для 100 крестьян и ассигновало 4000 руб. на проведение разного рода мероприятий, в том числе на экскурсии крестьян в Данию и Швецию [3, с. 90].

В 1914 г. Департамент земледелия выделил 112 655 руб. на оказание помощи «единоличным владельцам» Гродненщины. Эти средства предназначались на устройство прокатных станций, зерноочистительных дворов и маслоделательных пунктов, на снабжение сельскохозяйственными орудиями, семенами и удобрениями, на показательные мероприятия, приобретение и содержание племенных производителей, развитие пчеловодства, устройство выставок и другие цели [5, л. 24].

К 1914 г. в Беларуси число зерноочистительных и прокатных пунктов возросло до 87 [4, с. 378]. К примеру, посуточная плата составляла: за солморезку – 25, борону «Рондаля» – 20, луговую борону – 10, сеялку – 15, кочкорез – 10, плуг – 10, кустарниковую косу – 3 копейки. [6, с. 11]. В результате сельскохозяйственная техника становилась более доступной для крестьян.

Значительную помощь крестьянам оказывали сельскохозяйственные общества. Так, за два года своего существования к 1914 г. Давыд-Городокское общество открыло 3 склада семян и сельхозорудий, провело выставку, основало сельскохозяйственную библиотеку и прокатный зерноочистительный пункт, содержало породистого быка [7, с. 31]. Вертелишское общество открыло прокатный пункт с 27 единицами орудий труда и техники, устроило склад семян и минеральных удобрений, приобрело быка симментальской породы [8, л. 23а].

Переход крестьян к новым формам хозяйствования сопровождался повышением их земельных приобретений. В 1911 г. дворянское землевладение в Беларуси составляло 43,5% и продолжало сокращаться. Через 2–3 года четверть крестьянских угодий из 10391,5 тыс. дес. уже числились частновладельческими. А к 1913 г. крестьянские посеы основных культур превзошли помещичьи [1, с. 118].

Значительные изменения происходили и в животноводстве. В помещичьих молочных стадах продолжали доминировать коровы иноземных пород. Так, владельцы имения «Стефаново»

Рогачевского уезда разместили объявление о продаже с 1 апреля 1914 г. «160 штук рогатого скота симментальской породы» [9]. В крестьянских же хозяйствах преобладали коровы, лошади и свиньи местных пород, но хуторяне проявляли интерес к улучшению их породистости. Идя навстречу крестьянам, землеустроительная комиссия открыла в Могилевском уезде 11 случных пунктов с 12 производителями-быками ангельнской породы [6, с. 14]. «Как местную особенность» земская пресса называла организацию в Новогрудском, Слуцком, Мозырском и Пинском уездах земских случных пунктов по свиноводству [3, с. 96]. Следует заметить, что местное свиноводство было развито лучше, чем во многих губерниях Центральной России [1, с. 158].

18–20 мая 1914 г. на выставке животных в Минске экспонировались 102 коровы из Могилевской, Виленской, Гродненской, Седлецкой и Минской губерний. Из них 58 были голландской породы, 23 – швицкой, 1 – ярославской, 1 – кюненской, 1 – астрширской, 3 – красной, местной, а остальные – «метисы», то есть смешанные. При этом 90 голов скота принадлежали помещикам, а 12 – крестьянам [10, с. 109].

Постепенно породистый скот становился достоянием мелких хозяйств. Как показала выставка лошадей в г. Новогрудке 23 мая 1914 г., особой популярностью у крестьян пользовалась клейдесдальская порода. В числе тяжеловозных пород, которым отдавалось предпочтение, были ардены, реже – брабансоны и першероны. Характерно, что основная часть 109 выставленных для участия в конкурсе на призовые места лошадей принадлежала крестьянам и только 7 – помещикам. Подобная ситуация имела место и на выставке в Минске 18–20 мая 1914 г., когда по отделу коневодства премировались только крестьяне в числе 25 человек [10, с. 18].

Развитие животноводства в крае опиралось на укрепление ветеринарной базы. Так, за три года, к 1914 г. в Минской губернии смета на ветеринарию возросла на 90%. Число ветеринарных врачей увеличилось до 22, фельдшеров до 66, оборудованных амбулаторий – до 17 [3, с. 75]. Земство Витебской губернии учредило курсы для ветеринарных фельдшеров, а также возбудило ходатайство об открытии школы подготовки такого рода специалистов для всего Северо-Западного края [14].

Перемены к лучшему коснулись землевладельцев помещиков и крестьян, а также снимаемых ими урожаев. Уже в 1911 г. площадь крестьянских земель (46,9%) превышала помещичью (43,5), при этом четверть их были частновладельческими. К 1913 г. крестьянские посе

основных культур превзошли помещичьи [1, с. 118]. В итоге уже в ходе аграрной реформы проявились заметные положительные сдвиги в развитии крестьянского земледелия, а вместе с ним и в развитии всего сельского хозяйства. К этому времени валовой сбор зерна на душу населения увеличился на 19,4%, а картофеля – на 38,8% [1, с. 120]. Несмотря на разорение многих сельских хозяйств, объем урожаев зерновых и технических культур, а также рыночное производство спирта, мяса и масла только возросло.

Промышленность Беларуси по темпам развития отставала от сельского хозяйства, но и в ней наблюдались положительные сдвиги. Так, к 1913 г. количество предприятий, состоящих на учете фабричной инспекции, возросло до 1280, то есть на 60,2% [12, с. 361]. В то же время в начале 1914 г. в губернском Могилеве насчитывалось лишь 10 фабрик с 540 рабочими [13], а в уездном Слониме на 30 предприятиях было занято около 350 человек [14, л. 30]. Количество мелких предприятий, ремесленных и кустарных мастерских также увеличилось. В целом же доля мелкой промышленности в Беларуси составляла более половины, тогда как в России в целом она равнялась 31,4% [1, с. 120].

Наличие богатых лесных ресурсов обусловило развитие бумажной промышленности. В 1913 г. одна только Добрушская фабрика при 1400 рабочих выпустила бумаги на 3 млн руб. [12, с. 361]. Благодаря развитой деревообработке на долю Беларуси приходилось 44,8% спичечной соломки, 37,6% сапожных колодок, 24,4% дубовых шпал, 23,5% фанеры, 21,8% гнутой мебели. 13 местных спичечных заводов давали 11–12% всего объема производства спичек империи [1, с. 42, 57].

Кожевенное производство также развивалось на местном сырье и располагалось в местечках и городах. Только в Сморгони Ошмянского уезда размещалось около трети всех кожевенников и 30,8% производства кож. Кожевенно-обувное производство было налажено на 37 предприятиях, в том числе на двух минских и трех витебских фабриках. За 1911–1914 гг. кожевенная промышленность удвоила свое производство [1, с. 42, 71, 84].

К 1914 г. производство и обработка льна развивались только в северо-восточной части Беларуси. «Несомненно льноводство в Могилевской губернии промышленных целей, за редким исключением, не имеет, – писал земский корреспондент, – везде сеется лен для домашнего потребления» [6, с. 11]. Тем не менее на ткацких фабриках в местечках Высочаны Оршанского и Дубровно Горецкого уездов

было занято соответственно 594 и 497 рабочих. В то же время на одной только фабрике в Витебске «Двина» трудилось 1538 чел. [1, с. 65]. Но в целом льнопрядильная промышленность Беларуси составляла небольшую долю в общем объеме российской продукции.

Из предприятий пищевкусовой промышленности наиболее динамично развивалось производство спирта и табачных изделий. С 1913 г. выпуск последних возрос более чем на 35%. Наибольшую известность приобрели фабрики в Гродно, Лиде, Витебске и Могилеве [1, с. 72].

Значительная часть картофеля и ржи шла на изготовление спирта. Винокуренные заводы Беларуси производили 11,8% всего спирта Европейской России [4, с. 27].

В целом же в экономике продолжал преобладать аграрный сектор. Сельское хозяйство давало свыше 2/3 стоимости валовой продукции [1, с. 113]. Как справедливо отметил историк А. Киштымов, поскольку главным местом сбыта всей сельскохозяйственной продукции являлся местный рынок, то это отчетливо свидетельствовало и о достаточно высоком уровне развития промышленности [12, с. 376].

Объявленная Германией России война обязала властные структуры страны, в том числе и белорусских губерний, активизировать свою деятельность по учету необходимых для оборонных целей сил и средств. Отдаленность от Беларуси театра военных действий, имевшая место летом-осенью 1914 г., давала возможность сельскому населению своевременно собрать урожай, засеять поля, подготовить свои хозяйства к зимнему периоду, равно как и городские трудящиеся могли приспособиться к изменениям в промышленности. Перед угрозой бедствий и неизбежных потерь война спланивала власть и общество, заставляя их действовать сообща. В Беларуси об этом, в частности, свидетельствовали результаты мобилизации военнообязанных. Вместе с отправкой на фронт значительного количества крестьян в деревне успешно решалась проблема сбора урожая и посева озимых, в том числе на полях призванных на фронт.

С августа 1914 г. начало действовать посредническое бюро по поставке в интендантство ржи, овса, ячменя, муки, сена, соломы и скота. Данную продукцию могли поставлять помещики и крестьяне.

Одновременно в целях предотвращения искусственного роста цен власти запретили вывоз отдельных продуктов за пределы губерний. По мнению Минского губернского земства, «в этом году урожай ржи в губернии выше прошлогоднего на 15–18% или 8 пудов на десятину, и,

приняв еще во внимание изъятие из числа едоков лиц, призванных на войну, можно предположить, что крестьянскому населению хватит своего хлеба почти до “нови”, то есть на весь год» [10, с. 37].

Война стала приостанавливать осуществление динамично развивавшейся аграрной реформы. Местные власти были вынуждены свернуть ряд намеченных финансируемых программ. Так, на заседании Минского губернского земства от 12 августа 1914 г., помимо прочего, было принято решение в целях экономии средств сократить расходы на развитие сельского хозяйства на сумму 11 000 руб. [15, с. 39].

Определенные потери понесло Гродненское сельскохозяйственное товарищество (а вместе с ним земледельцы губернии), которое, по причине начавшейся войны, не успело вывезти купленные в Германии минеральные удобрения на сумму 40 000 руб. [16, л. 4].

Владельцы промышленных предприятий, кустарных и ремесленных мастерских, а также индивидуальные мастера-изготовители той или иной продукции были вынуждены приспосабливаться к изменившейся рыночной конъюнктуре. В условиях военного времени падал спрос на предметы роскоши, дорогую одежду и обувь, строительство жилья и др.

Начавшиеся мобилизации военнообязанных привели к сокращению рабочей силы как в сельском хозяйстве, так и промышленности. Введение в стране «сухого закона» обусловило постепенное закрытие предприятий по изготовлению спиртных напитков. Только в Бресте перестали действовать 5 винокуренных и 6 пивоваренных заводов [17, л. 5].

По причине резкого сокращения гражданского строительства упал спрос на деловую древесину, кирпич и изразцы. В первые месяцы войны в Беларуси перестали действовать около 20% всех предприятий [1, с. 90]. Производители мягкой мебели перешли к изготовлению оборудования для госпиталей.

Металлообрабатывающие предприятия Гомеля, Минска и других городов перешли на выпуск вооружения, боеприпасов, транспортных средств. Потребность армии в обуви давала заработок ремесленникам. В октябре 1914 г. земства, кустарные артели и цехи Виленской губернии получили «Описание шитья солдатских сапог», утвержденное Главным интендантом русской армии [18, л. 14]. До конца 1914 г. войны заказы военного ведомства выполняли 217 предприятий Беларуси. Две трети рабочих ценовой промышленности были заняты выпуском оборонной продукции [12, с. 440]. Для нужд армии стали

работать хлебопекарные и хлебосушильные предприятия. Действующая армия явилась крупнейшим потребителем табачных изделий. Ввиду того, в октябре 1914 г. фабрика Колбановского увеличила набор рабочих со 150 до 225, а к концу года до 260 человек. В конце года все табачные фабрики работали круглосуточно [1, с. 91].

До конца 1914 г., когда в обществе преобладала уверенность в неизбежности скорой победы российской армии, сельское хозяйство и промышленность Беларуси не ощущали заметных потрясений и в меру сил продолжали поддерживать жизнедеятельность местного населения и оказывать помощь действующей армии.

Заключение. Таким образом, в 1914 г., точнее к началу Первой мировой войны, сельское хозяйство и промышленность Беларуси динамично развивались, о чем свидетельствовали возрастание урожайности посевных культур, поголовье и породность животных, достижения местных предприятий и индивидуальных производителей. По сравнению с другими регионами империи, ее экономика базировалась на местных сырьевых и трудовых ресурсах, новых орудиях труда и методах хозяйствования. Преимущества аграрного сектора над промышленным давали местному населению дополнительный шанс избежать голода и безработицы в случае затяжной войны.

Литература

1. Экономика Белоруссии в эпоху империализма (1900–1917) / под ред. Г. Т. Ковалевского. Минск: Изд-во Академии наук БССР, 1963. 424 с.
2. Наша ніва. 1914. 7 марта.
3. Вестник Минского губернского земства. 1914. № 3–4.
4. Абезгауз З. Е., Бейлькін Х. Ю., Бухавец А. Р. Гісторыя сялянства Беларусі са старажытных часоў да нашых дзён. У 3 т. Т. 2. Мінск: Беларуская навука, 2002. 552 с.
5. Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ в г. Гродно). Ф. 14. Оп. 3. Д. 72.
6. Вестник Могилевского земства. 1914. № 3–4.
7. Вестник Минского губернского земства. 1914. № 2.
8. НИАБ в г. Гродно. Ф. 361. Оп. 1. Д. 26.
9. Могилевский вестник. 1914. 4 марта.
10. Вестник Минского губернского земства. 1914. № 6.
11. Могилевский вестник. 1914. 1 марта.
12. Гісторыя Беларусі. У 6 т. Т. 4. Беларусь у складзе Расійскай імперыі (канец XVIII – пачатак XX ст.) / М. Біч [і інш.]. Мінск: Экаперспектыва, 2005. 519 с.
13. Могилевский вестник 1914. 11 февраля.
14. НИАБ в г. Гродно. Ф. 14. Оп. 1. Д. 424.
15. Вестник Минского губернского земства. 1914. № 7.
16. НИАБ в г. Гродно. Ф. 24. Оп. 3. Д. 47.
17. НИАБ в г. Гродно. Ф. 14. Оп. 1. Д. 420.
18. Литовский государственный исторический архив, Вильнюс. Ф. 703. Оп. 1. Д. 198.

References

1. *Ekonomika Belorussii v epokhu imperializma (1900–1917)* [Economy of Belorussia in the epoch of imperialism (1900–1917)]. Minsk, Akademiya nauk Belorusskoy SSR Publ., 1963. 424 p.
2. *Nasha niva* [Our field], 1914, 7 March (In Belarusian).
3. *Vestnik Minskogo gubernskogo zemstva* [Bulletin of the Minsk province zemstvo], 1914, no 3–4 (In Russian).
4. Abezgauz Z. E., Beyl'kin Kh. Yu., Bukhavets A. R. *Gistoriya syalyanstva Belarusi sa starazhytnykh chasou da nashykh dzion. U 3 t. T. 2.* [History of peasantry of Belarus is from ancient times to our days. In 3 vol. Vol. 2]. Minsk, Belaruskaya navuka Publ., 2002. 552 p.
5. National Historical Arhive of Belarus (NHAB in Grodno). Fund 14. 1. 3. F. 72.
6. *Vestnik Mogilyovskogo gubernskogo zemstva* [Bulletin of the Mogiliov province zemstvo], 1914, no 3–4 (In Russian).
7. *Vestnik Minskogo gubernskogo zemstva* [Bulletin of the Minsk province zemstvo], 1914, no 2 (In Russian).
8. NHAB in Grodno. Fund 361. 1. 1. F. 26.
9. *Mogilyovskiy vestnik* [Mogilev Bulletin], 1914, 4 March (In Russian).
10. *Vestnik Minskogo gubernskogo zemstva* [Bulletin of the Minsk province zemstvo], 1914, no 6 (In Russian).

11. *Mogilyovskiy vestnik* [Mogilev Bulletin], 1914, 1 March (In Russian).
12. Bich M., Yanouskaya V., Rudovich S. *Gistoriya Belarusi. U 6 t. T. 4. Belarus' u skladze Rasiyskay imperii (kanets XVIII – pachatak XX st.)* [History of Belarus. In 6 vol. Vol. 4. Belarus in composition the Russian empire (an end of XVIII – XX of century began)]. Minsk, Ekoperspektiva Publ., 2005, p. 519.
13. *Mogilyovskiy vestnik* [Mogilev Bulletin], 1914, 11 February (In Russian).
14. NHAB in Grodno. Fund 14. I. 1. F. 424.
15. *Vestnik Minskogo gubernskogo zemstva* [Bulletin of the Minsk province zemstvo], 1914, no 7 (In Russian).
16. NHAB in Grodno. Fund 24. I. 3. F. 47.
17. NHAB in Grodno. Fund 14. I. 1. F. 420.
18. Lituianian State Historical Archive, Vilnius. Fund 703. I. 1. F. 198.

Информация об авторе

Семенчик Николай Ефимович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории Беларуси и политологии. Белорусский государственный технологический университет (220006, г. Минск, ул. Свердлова, 13а, Республика Беларусь). E-mail: polity@bk.ru

Information about the author

Semenchyk Nikolai Efimovich – DSc (History), Professor, Head of the Department of History of Belarus and Political Science. Belarusian State Technological University (13a, Sverdlova str., 220006, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: polity@bk.ru

Поступила 14.09.2017

УДК 325.2(44)«1918/1939»

В. У. Коваль

Беларускі дзяржаўны тэхналагічны ўніверсітэт

**ДЗЕЙНАСЦЬ БЕЛАРУСКАЙ ЭКАНАМІЧНАЙ ЭМІГРАЦЫІ
Ў ФРАНЦЫІ Ў МІЖВАЕННЫ ПЕРЫЯД**

Артыкул аналізуе маштабы эканамічнай эміграцыі беларусаў у Францыю ў міжваенны перыяд. Найбольшых маштабаў эміграцыйная хваля дасягнула ў 1920-я гады. Асноўная ўвага надаецца пытанням індывідуальнай адаптацыі і ўзроўню заробкаў беларускіх эмігрантаў у Францыі. Аўтар даследуе працэсы фарміравання і станаўлення беларускай дыяспары, міжнароднага супрацоўніцтва і развіцця нацыянальнай ідэнтычнасці ў асяродку беларусаў замежжа з 1918 па 1939 г.

У артыкуле раскрываецца сутнасць эміграцыйных працэсаў у Францыю з тэрыторыі Заходняй Беларусі. Асабліва ўвага надаецца аналізу арганізацыйнай працы беларускіх эмігрантаў. У артыкуле апісваецца і аналізуецца роля нацыянальных палітычных арганізацый у грамадскім жыцці беларускай дыяспары. Аўтар артыкула канстатуе, што працэс легалізацыі быў дастаткова працяглы і складаны для эканамічных эмігрантаў. Даследаванне прапануецца не толькі для беларускіх гісторыкаў, але і для спецыялістаў замежжа.

Ключавыя словы: эканамічная эміграцыя, беларуская дыяспара, нацыянальная ідэнтыфікацыя, міжнароднае супрацоўніцтва, нацыянальная арганізацыя, Францыя, Заходняя Беларусь.

V. U. Koval

Belarusian State Technological University

**ACTIVITIES OF BELARUSIAN ECONOMIC EMIGRATION
IN FRANCE DURING THE INTER-WAR PERIOD**

The article analyzes the scale of the economic emigration of Belarusians in France during the inter-war period. The largest scale emigration has reached in 1920th years. The main attention is made on the individual adaptation and the level of the salary for the Belarusian emigrants in France. The author examines the processes of the diaspora formation, international cooperation and the development of the national identity among Belarusians abroad from 1918 till 1939 years.

The article reveals the basic of the emigration process in France from West Belarus. Particular attention is paid to the analysis of the organization work among emigration. It describes and analyzes the role of the national political organization in the public life of Belarusian diaspora. The author states that the process of legalization was very long and difficult for the economic emigration. The research proposes to use not only for Belarusian historians, but also for the specialists abroad.

Key words: economic emigration, Belarusian diaspora, national identity, international cooperation, national organization, France, West Belarus.

Уводзіны. Гісторыя фарміравання беларускай дыяспары ў Францыі пачынаецца ў міжваенны перыяд, калі беларуская супольнасць пачала арганізацыйную работу па кансалідацыі эміграцыі, развіцці нацыянальнай ідэнтычнасці ў прымаючым грамадстве.

Асноўная частка. Масавая эканамічная эміграцыйная хваля беларусаў у Францыю ў вызначаны перыяд фарміравалася з ліку жыхароў Заходняй Беларусі. Афіцыйная палітыка польскіх улад стымулявала выезд беларускага насельніцтва за межы Другой Рэчы Паспалітай. Асноўную масу эмігрантаў складала моладзь з ліку збыдзелых малазямельных ці беззямельных сялян. Эканамічная эміграцыя беларусаў у Францыю мела пэўныя рэгіянальныя асаблівасці, аднак тэндэнцыі яе развіцця супадаюць з законамі міжваеннай эміграцыйнай хвалі. Найбольш спрыяльныя ўмовы для эміграцыі па

эканамічных прычынах у краіну-рэцыпіент склаліся ў 1920-я гады. Пасля Першай сусветнай вайны Францыя атрымала ад Германіі новыя тэрыторыі, дзе востра не хапала працоўнай сілы (у тым ліку ў індустрыяльных раёнах Эльзаса і Латарынгіі), таму эмігранты першапачаткова патрабаваліся для адбудовы эканомікі рэгіёна.

Яскравыя і пераканаўчыя апісанні жыцця эканамічных эмігрантаў у Францыі былі апублікаваныя на старонках газеты “Барацьба”, якая выдавалася беларусамі ў Берліне ў 1932–1933 гг. “Галоўная маса зах.-беларускай эміграцыі ў Францыі складаецца з работнікаў. Наследкам эканамічных і палітычных рэпрэсій на Зах. Беларусі, яны шалонамі хлынулі да Францыі дзеля пашукання куска хлеба. Па прыблізным падрахункам лічба зах.-беларускай эміграцыі вагаецца паміж 30–40 тысяч” [1], – пісала

газета “Барацьба” ў 1932 г. Варта адзначыць, што беларускай эміграцыйнай прэсе было ўласціва перабольшваць лічбы эмігрантаў у розных краінах свету. Карэспандэнты газет спецыяльна намагаліся павялічыць значэнне беларускай дыяспары пры дапамозе больш значнай колькасці яе прадстаўнікоў, якую яны пазначалі ў сваіх артыкулах.

Эміграцыя ў Францыю мела сталы і сезонны характар. Колькасць беларускіх эмігрантаў у прымаючым грамадстве не была стабільнай. Складанасць у падліках беларусаў у Францыі звязана з пытаннем нацыянальнай ідэнтычнасці жыхароў Заходняй Беларусі, бо далёка не ўсе з іх лічылі сябе беларусамі па нацыянальнасці. Афіцыйныя польскія дакументы не ствараюць поўную карціну эміграцыі, там прысутнічаў падзел эмігрантаў па веравызнанні, аднак не было падзелу на нацыянальнасці. Веравызнанне эмігрантаў сучасным даследчыкам таксама не дае дакладных адказаў. Сярод праваслаўных Заходняй Беларусі не ўсе ідэнтыфікавалі сябе беларусамі, разам з тым, не ўсе каталікі беларускіх ваяводстваў з’яўляліся палякамі, сярод іх было нямала беларусаў. Па прыблізных падліках колькасць беларусаў, якія выехалі ў міжваенны час у Францыю па эканамічных прычынах, складала каля 20 000 чалавек.

Значная частка беларусаў у Францыі працавала ў сельскай гаспадарцы, уладкоўвалася на вінаградніках ці цукровых заводах, была асабліва запатрабаванай у перыяд палявых работ. Эмігранты, якія працавалі ў галіне сельскай гаспадаркі Францыі, атрымлівалі заробкі ў 2–3 разы меншыя, чым прамысловыя рабочыя. Значная частка эмігрантаў-сялян шукала магчымасці змяніць сваю сельскагаспадарчую работу на працоўнае месца ў прамысловасці. Каб не дапусціць росту сацыяльнага напружання ў грамадстве, французскае Міністэрства ўнутраных спраў 30 лістапада 1926 г. выдала дэкрэт пра забарону іншаземным сельскагаспадарчым работнікам мяняць месца працы на працаўладкаванне ў прамысловаці [2]. Увядзенне закона паўплывала на рээміграцыйны рух некаторай часткі беларусаў, якія расчараваліся ў магчымасці замежных заробкаў.

Частка беларусаў у Францыі працавала ў прамысловасці краіны і сферы абслугоўвання. Нярэдка эмігрантаў бралі на фізічна цяжкую ці малааплачваемую працу. Фізічна выносна мужчыны працавалі шахцёрамі, чорнарабочымі на металургічных заводах, на прадпрыемствах па здабыванні жалезнай руды. Некаторыя эмігранты ўладкоўваліся на фабрыкі і заводы, працавалі на прадпрыемствах па вырабу штучнага шоўку, іх актыўна наймалі на будоўлі, а таксама на работу па меліярацыі зямлі ў ба-

лоцістай мясцовасці [3]. Жанчыны атрымлівалі працу абслуговага персаналу ў прыватных маёнтках ці гатэлях, а таксама месца рабочых на фабрыках.

Варта падкрэсліць, што беларускія эмігранты размяркоўваліся па краіне, згодна з размяшчэннем французскіх сельскагаспадарчых і індустрыяльных цэнтраў. Эміграцыйная газета “Барацьба” ўдакладняе найбольш буйныя беларускія калоніі: “Іх галоўныя асяродкі размешчаны па галоўным індустрыяльным раёнам Францыі. Найбольшая скупчанасць прыпадае на раёны паўночнай Францыі: Ліль, Рубэ, Падэ-Калэ; затым ідзе ўсходняя Францыя: Мосэй, Эльзас, Лётарынгія і далі: Ліён-Сан, Трацён, Парыж, дэпартамент Гард (недалёка ад Марселя), Бордо, Гавр і т. д. Прыблізна ¼ беларускай эміграцыі працуе ў сельскай гаспадарцы, найскупчэйшым раёнам якой ёсць Тулуза (паўднёвая Францыя). У раёне Марсель-Нім-Арль вырабілася профэсіянальная група сезоннікаў, якія канчаючы жніва, пераходзяць на зборку віна, т. зв. “вананс”, а затым апрацоўкай марской солі, сезон якой пачынаецца прыблізна ў канцы верасня” [4]. Такім чынам, у Францыі аформіліся пэўныя раёны, дзе склаліся спрыяльныя ўмовы для кансалідацыі беларускіх эмігрантаў.

Для працы ў Францыі агенты ў Заходняй Беларусі вербавалі пераважна маладых асоб, якія змаглі б вытрамаць складаныя ўмовы эміграцыі. Інфармацыя пра рэкрутацыю выезду размяшчалася ў выглядзе плакатаў. Для адбору на працу ў Францыю звычайна запрашаліся мужчыны ва ўзросце ад 21 да 40 гадоў, незамужнія маладыя жанчыны ці сем’і для работы ў сельскай гаспадарцы [5]. Жадаючыя легальна выехаць на заробкі ў Францыю праходзілі жорсткі адбор, бо пры найманні рабочай сілы ўважліва ставіліся да фізічнага здароўя кандыдатур.

Абмежаванні пры вярбоўцы ў Францыю сталі прычынай шматлікіх ашуканстваў, былі распрацаваныя цэлыя схемы афер з фальшывымі запрашэннямі і кантрактамі. Прычынай распаўсюджвання нелегалаў як з’явы ва ўнутрыкантынентальнай эміграцыі стала тэрытарыяльная блізкасць да прывабнай у эканамічным плане краіны-рэцэпіента, калі асобы маглі самастойна здзейсніць падарожжа. Найбольш знаходлівыя эмігранты выкарыстоўвалі легальную магчымасць для афармлення дакументаў, якія дазвалялі перасекчы мяжу. Напрыклад, жадаючыя выехаць у Францыю ў Консульстве афармлялі візы для ўдзелу ў міжнародных парыжскіх выставах [6], пасля чаго заставаліся ў краіне зарабляць грошы нелегальна. У падобных выпадках Эміграцыйны сіндыкат намагаўся дзейнічаць супольна з Консульствам Францыі ў

Другой Рэчы Паспалітай для спынення хвалі нелегалаў, аднак іх меры прымаліся не заўсёды своєчасова і аператыўна.

Цікавым пытаннем для даследавання сталі фінасавыя ўмовы эміграцыі ў Францыю. Пры вярбоўцы эмігрантаў агенты дамаўляліся, што аплата дарогі будзе ўлічвацца ў кошт будучага заробку. Прадстаўнікі эканамічнай эміграцыі пагаджаліся на такія ўмовы, бо першапачаткова ў іх не было грошай нават на чыгуначны білет. Працоўны дзень у сярэднім складаў 10 гадзін, пры гэтым сезонная праца ў сельскай гаспадарцы магла быць больш працяглай да 14–16 гадзін. Эмігранты атрымлівалі ніжэйшы заробак за французамі на аднолькавых работах, менавіта таму яны былі вымушаныя працаваць звыш нормы. Варта падкрэсліць, што 8-гадзінны працоўны дзень мелі толькі шахцёры.

Як ужо адзначалася, заробкі эмігрантаў на прамысловых прадпрыемствах былі значна вышэйшымі за тых, хто працаваў у сельскай гаспадарцы. Беларусамі прымушалі падпісваць кантракт, які звычайна ставіў іх у няроўныя ўмовы з французамі. Кожны працоўны з такім кантрактам меў заробак на 30–40% ніжэйшы, чым аўтэнтоннае насельніцтва. У 1930-я гады распаўсюджанай практыкай стала выплата меншых сум, чым пазначалася ў кантракце.

Кантракт для эканамічных эмігрантаў быў не адзіным патрэбным дакументам для паспяховай легалізацыі ў Францыі. Асобам неабходна было аформіць яшчэ працоўную ідэнтыфікацыйную карту. Афармленне карты было няпростай справай, аднак без дакументаў уладкавацца на працу не дазвалялася: “Дзеля таго, каб мець права на працу, а гэта значыць дастаць “карт д’ідэнцітэ”, неабходна скончыць было кантракт. Карта выдаецца ня больш, як на два гады. Цяпер, у звязку з крызісам, кожны эмігрант, які пражыў менш пяці год у Францыі, пры абмене такой карты мусіць знайсці і падпісаць новы кантракт” [7]. Працоўная карта дакладна абмяжоўвала сектар вакансій, бо з сельскагаспадарчай картай асоба не мела права ўладкавацца на працу ў прамысловасці.

Ігнараванне французскіх законаў не толькі стварала праблемы ў момант працаўладкавання, але і пагражала рэальным пакараннем. Напрыклад, пры аднаўленні пратэрмінаванай працоўнай ідэнтыфікацыйнай карты эмігранты штрафаваліся. Складанасці легалізацыі для беларусаў у Францыі перашкаджалі псіхалагічнай адаптацыі асоб, прымушалі іх яднацца ў саюзы і арганізацыі, каб разам імкнуцца да вырашэння праблем з падпісаннем кантрактаў ці афармленнем карт.

Сусветны эканамічны крызіс негатыўна адбіўся на эміграцыйнай кан’юнктуры, а з

сярэдзіны 1930-х гадоў праводзілася масавая дэпартацыя эмігрантаў з тэрыторыі Францыі. Больш спрыяльнымі гадамі для эканамічнай эміграцыі ў краіну сталі 1920-я гады, калі Францыя адбудоўвала гаспадарку і прамысловасць пасля разбурэнняў Першай сусветнай вайны. Аднак нават у адзначаны перыяд рэальныя заробкі эмігрантаў не былі неверагодна высокімі, пра што сведчаць матэрыялы прэсы за 1927 год: “J zahraničny pan tak jak i swoj starajecca wykarystać našaha brata pracu, bo za robotnikaў wializarnuju pracu daje tolki na prażyўleńnie pa 20 frankaў u dzień, z jakich za charčy treba zapłacić 15 fr., za kwateru 3 fr., astajecca 2 fr., za katoryja treba prakarmić žonku i dzaciej, jakija astalisia ў kraju” [8]. Развагі беларуса ў Францыі дэманструюць рэальнае становішча эканамічных эмігрантаў, яны фактычна развенчваюць міф пра замежныя заробкі, які сфарміраваўся ў грамадскай свядомасці жыхароў Заходняй Беларусі. Газета “Беларуская Крыніца” сістэматычна публікавала лісты беларускіх эмігрантаў з розных краін свету, дзе падабязна апісваліся іх праблемы і цяжкасці.

Беларускамоўная віленская прэса намагалася супрацьстаяць польскай прапагандзе па заахвочванні эміграцыі. На цяперашні момант цяжка ацаніць ступень уплыву атрыкулаў газет на чытацкую аўдыторыю, хаця матэрыялы былі дастаткова эмацыйныя і пераканаўчыя, з пэўнымі фактамі і развагамі. Тыповым прыкладам жыцця эміграцыі ў Францыі з’яўляецца матэрыял з газеты “Сын Беларуса”: “Дык вось, што піша мне знаёмы з Францыі: На эмігрантаў у Францыі глядзяць бадай што, як на рабоў, і надта ня любяць, калі хто-небудзь з гэтых “рабоў” ведае французскую мову. Кожны павінен падпісаць кантракт ці ўмову і да вызначанага часу жыць у лагеры без права выхаду. Плата значна меншая, чым нават можна было спадзявацца” [9]. Матэрыял газеты павінен быў падрыхтаваць чытачоў да несправядлівага стаўлення ў эміграцыі, да іх расчаравання ў памерах заробкаў. Дастаткова часта ў апісаннях лёсаў эмігрантаў выдаўцы прэсы выкарыстоўвалі лісты, бо апублікаваная карэспандэнцыя найбольш пераканаўча ўплывала на чытачоў, пазбаўляла іх міфаў пра лёгкія і вялізныя заробкі за мяжой.

Беларуская эміграцыя ў Францыі вызначалася сваёй арганізаванай дзейнасцю па абароне ўласных эканамічных інтарэсаў, найбольш паспяхова гэта праца праводзілася ў 1930-я гады. Нягледзячы на тое, што эмігранты спрабавалі арганізавацца значна раней, фактычна іх ініцыятыва не рэалізавалася. У эмігранцкай прэсе засталіся аналітычныя матэрыялы пра ступень актыўнасці беларускай дыяспары

ў Францыі: “Ня ведаючы французкае мовы, беларускія рабочыя ня мелі магчымасці наладзіць цесны кантакт з французкімі рабочымі профсаюзамі, а спробы стварыць свае ўласныя арганізацыі доўга не ўдаваліся” [3]. Яшчэ адной прычынай беспаспяховай спроб развіцця беларускіх арганізацый у 1920-я гады стала адсутнасць арганізацыйнага вопыту ў лідараў дыяспары, бо большасць з іх была тыповымі прадстаўнікамі эканамічнай эміграцыйнай хвалі, без адмысловай адукацыі і досведу грамадскай дзейнасці.

Беларускія эмігранты, якія вызначыліся спробамі абароны сваіх правоў ў Францыі, мелі пэўны палітычны вопыт барацьбы ў змаганні з польскімі ўладамі ў Заходняй Беларусі. З другой паловы 1920-х гадоў беларускія сяляне і працоўныя ў Францыі пачалі ствараць нацыянальныя арганізацыі ў гурткі. У канцы 1928 г. беларускі гурток ствараецца ў Парыжы, у гэтым жа годзе ўзнікае беларускі гурток з 12 рабочых у невялікім мястэчку Верпелье [10]. Беларускія аддзелы і гурткі пачынаюць працу з канца 1920-х гадоў пры польскіх, украінскіх і французскіх арганізацыях. Нягледзячы на першапачатковы ўздым палітычнай актыўнасці, на пачатковым этапе сваёй арганізацыі беларускія аб’яднанні хутка зніклі. Свае палітычныя няўдачы і пралікі самі эмігранты тлумачылі наступным чынам: “Паясніць гэта лёгка па першае незнаёмствам умоў новай і чужой краіны, а па другое бракам вырабленага актыву, які-б хутчэй з’ар’ентаваўся ў абставінах” [11]. Няўдалы палітычны вопыт беларусаў канца 1920-х гадоў можна таксама звязаць са слабой кансалідаванасцю беларускай дыяспары ў Францыі, адсутнасцю фінансавай базы для яе палітычнага развіцця, недахопам інтэлігенцыі.

Самай актыўнай і значнай арганізацыяй беларускай дыяспары ў міжваенны час стаў “Хаўрус беларускіх работнікаў у Францыі”. Арганізацыя была створана ў Парыжы ў верасні 1930 г., яе філіялы дзейнічалі ў Віянкуры, Марселе, Эльзасе, Нордзе, Ліёне, Гардзе, асобныя гурткі “Хаўрусу” працавалі на Корсіцы, у Пондэ Шэры, Мантаржы. Актыўнасць “Хаўрусу” беларускіх работнікаў у Францыі была няроўнай, часам спадала зусім. Праблемай для арганізацыі заўсёды заставалася слабая кансалідацыя беларускіх эмігрантаў, іх нізкая палітычная актыўнасць. Напрыклад, “Хаўрус” фактычна бяздзейнічаў у 1931 г., не маючы падтрымкі беларусаў з іншых краін свету, без сталай сувязі з палітычнымі цэнтрамі Заходняй Беларусі, але ў 1932 г. праца зноў пачала ажываць [12] і развівацца да акупацыі краіны ў Другой сусветнай вайне. Аб’яднанне эканамічных эмігрантаў у Францыі існавала больш

за дзесяцігоддзе, што дазваляе зрабіць выснову пра яе запатрабаванасць і значнасць.

“Хаўрус” выдаваў свой часопіс у Парыжы пад назвай “Бюлетэнь “Хаўрусу” беларускіх работнікаў у Францыі”, дзе публікаваліся навіны і матэрыялы пра дзейнасць беларускай дыяспары. Арганізацыя паспяхова праводзіла адукацыйную дзейнасць у асяродку эканамічных эмігрантаў, былі адкрыты спецыяльныя курсы для дарослых, дзе слухачоў вучылі вядзенню гаспадаркі, гісторыі Беларусі, беларускай мове і г. д.

Акрамя “Хаўрусу” ў Францыі дзейнічалі іншыя арганізацыі беларусаў, пра якія засталася мала звестак, што ўскладняе ацэнку іх ролі і ўплыву на супольнасць замежжа. З віленскай прэсы вядома, што бурна адгукнулася на несправядлівы прысуд польскага ўлад над Б. Тарашкевічам “Культурна-асветная арганізацыя імя Б. Тарашкевіча ў г. Саломін” [13], якая была створана беларускімі сялянамі і рабочымі з ліку эмігрантаў. Пра дзейнасць таварыства пісала не толькі беларуская прэса (газеты “Барацьба” і “Родны край”), але і перыёдыка іншых славянскіх дыяспар, асабліваю ўвагу на арганізацыю звяртала ўкраінская газета “Голас украінскіх работнікаў”.

Эканамічная міжваенная эміграцыя ў Францыю яскрава дэманстравала гендэрную няроўнасць за мяжой. Жанчыны-эмігранткі траплялі ў значна больш складаныя ў эканамічным плане ўмовы: “Шчэ ў больш варварскай эксплёатацыі знаходзіцца жанчына. Пры агульнай ніжэйшай аплаце яе працы на фабрыцы, яна яшчэ ў больш дзікіх формах прыгублена пры выкарыстанні яе, як дамашняй прыслугі. Толькі ў вялікіх гатэлях датрымліваецца 10-ці гадз. рабочы дзень і адзін выходны дзень у тыдзень. У рэшты-ж дамох, т. зв. “мэзон дэ буржуа”, дзе і працуюць на 80% нашы жанчыны, рабочы дзень рахуецца аж да 16 гадз., а выходны час – 3 гадз. на тыдзень пры нізкай месячнай зарплате” [14]. На медыцынскую дапамогу можна было разлічваць толькі ў выпадку сур’ёзнай траўмы ці няшчаснага здарэння на працоўным месцы. Беларускія жанчыны таксама спрабавалі праявіць сваю палітычную актыўнасць, у 1938 г. значных поспехаў у арганізацыйнай справе дасягнула Беларускае жаночае грамада ў Парыжы, якая ладзіла культурныя вечарыны і паспяхова супрацоўнічала з арганізацыямі ўкраінскай дыяспары.

Заклучэнне. Такім чынам, беларускія эканамічныя эмігранты ў Францыі сустрэліся са складанасцямі легалізацыі ў прымаючым грамадстве, што тлумачылася заканадаўствам краіны-рэцыпіента. Адметных поспехаў у арганізацыйнай справе беларусы

дасягнулі ў другой палове 1930-х гадоў, калі атрымалі пэўны палітычны вопыт у абароне эканамічных інтарэсаў. Віленская прэса намагалася супрацьстаяць польскай агітацыі па заахвочванні эміграцыі, на яе старонках

публікаваліся матэрыялы пра складанасці індывідуальнай і псіхалагічнай адаптацыі ў Францыі. Разам з тым эканамічная эміграцыйная хваля беларусаў у Францыю мела масавы характар.

Літаратура

1. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь (НАРБ). Ф. 458. Воп. 1. Спр. 182.
2. Качараба С. П. Эміграцыя з Заходняй Украіны 1919–1939. Львів: Львівскі нацыянальны ўніверсітэт імя Івана Франка, 2003. С. 341.
3. Берлінец. Працоўная беларуская эміграцыя ў Заходняй Эўропе пачынае арганізоўвацца // Беларуская школа ў Латвіі. 1932. № 7. С. 251.
4. НАРБ. Ф. 458. Воп. 1. Спр. 182.
5. Дзяржаўны архіў Брэсцкай вобласці (ДАБВ). Ф. 2082. Воп. 1. Спр. 102.
6. ДАБВ. Ф. 1. Воп. 4. Спр. 1335.
7. НАРБ. Ф. 458. Воп. 1. Спр. 182.
8. Monski J. Dola Bielaruskaha emihranta // Bielaruskaja Krynica. 1927. № 34. S. 3.
9. Запольскі М. Пісьмы з Сэрбіі // Сын Беларуса. 1924. № 32. С. 4.
10. НАРБ. Ф. 458. Воп. 1. Спр. 182.
11. М. Л. Зах.-бел. эміграцыя ў Францыі // Барацьба. 1932. № 2. С. 4.
12. НАРБ. Ф. 458. Воп. 1. Спр. 182.
13. У Францыі. Т-ва ім. Б. Тарашкевіча // Родны край. 1933. № 6. С. 6.
14. НАРБ. Ф. 458. Воп. 1. Спр. 182.

References

1. National Archives of the Republic of Belarus (NARB). Fund 458. I. 1. F. 182.
2. Kacharaba S. P. *Emigratsiya z Zakhidnoy Ukrainy 1919–1939* [Emigration from West Ukraine 1919–1939]. Lviv, Lvivskiy natsional'nyy universitet imeni Ivana Franka Publ., 2003. P. 341.
3. Berlinets. Labour Belarusian emigration in West Europe is beginning to organize. *Belaruskaya shkola u Latvii* [Belarusian school in Latvia], 1932, no 7, p. 251 (In Belarusian).
4. NARB. Fund 458. I. 1. F. 182.
5. State Archives of Brest Region (SABR). Fund 2082. I. 1. F. 102.
6. SABR. Fund 1. I. 4. F 1335.
7. NARB. Fund 458. I. 1. F. 182.
8. Monski J. Fate of the Belarusian emigrant. *Belaruskaya Krynitsa* [Belarusian Source], 1927, no. 34, p. 3 (In Belarusian).
9. Zapol'ski M. Letters from Serbia. *Syn Belarusa* [Son of Belarusian], 1924, no. 32, p. 4 (In Belarusian).
10. NARB. Fund 458. I. 1. F. 182.
11. M. L. West Belarusian emigration in France. *Barats'ba* [Struggle], 1932, no 2, p. 4 (In Belarusian).
12. NARB. Fund 458. I. 1. F. 182.
13. In France. Association named after B. Tarashkevich. *Rodny kray* [Native land], 1933, no. 6, p. 6 (In Belarusian).
14. NARB. Fund 458. I. 1. F. 182.

Інфармацыя пра аўтара

Коваль Вольга Уладзіміраўна – кандыдат гістарычных навук, старшы выкладчык кафедры гісторыі Беларусі і паліталогіі. Беларускі дзяржаўны тэхналагічны ўніверсітэт (220006, г. Мінск, вул. Свярдлова, 13а, Рэспубліка Беларусь). E-mail: sunny_san@rambler.ru

Information about the author

Koval Volha Uladzimirauna – PhD (History), Senior Lecturer, the Department of History of Belarus and Political Science. Belarusian State Technological University (13a, Svyardlova str., Minsk, Republic of Belarus). E-mail: sunny_san@rambler.ru

Паступіў 04.09.2017

УДК 94(470)(476):323.1

А. А. Райченко

Белорусский государственный технологический университет

**ЛИТОВСКО-БЕЛОРУССКАЯ ССР: НЕУДАЧНЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ
СОВЕТСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ**

В данной статье исследуются предпосылки возникновения такой формы реализации идеи белорусской государственности, как объединенная Советская Социалистическая Республика Литвы и Белоруссии (Литбел), провозглашенная в 1919 г. и просуществовавшая недолгое время. Рассматривается международный фон, который претерпел существенные изменения в результате политических и социальных катастроф, вызванных Первой мировой войной и революциями в Европе, приведшими к крушению большинства европейских империй, и который оказал существенное влияние на становление новых национальных государств. Анализируются конкретные формы воплощения Литбел как орудия внешнеполитической игры большевистской партии во главе с Лениным на фоне обострения отношений РСФСР с формирующимся польским государством по поводу предполагаемой государственной границы. Высказываются предположения о дальнейшей роли, отведенной Литбел руководством большевиков, связанной с культивируемой в их среде идеей мировой революции. Дается оценка действиям руководства Литбел в деле государственного строительства и степени их самостоятельности. Характеризуется влияние факта существования данной республики на дальнейшее развитие белорусского национального движения. Раскрываются причины нежизнеспособности данного государственного образования, приведшие к его скорому краху.

Ключевые слова: нация, национальное движение, национальный вопрос, самоопределение, Литбел ССР, Беларусь, Литва, Польша, РСФСР, мировая революция.

A. A. Raychonok

Belarusian State Technological University

**LITHUANIAN-BELARUSIAN SSR: THE FAILED EXPERIMENT
OF THE SOVIET STATE**

This article explores the prerequisites for the emergence of such form of realization of the idea of the Belarusian statehood as the unified Soviet Socialist Republic of Lithuania and Belarus (Litbel) which was proclaimed and existed for a short time in 1919. The international background which underwent significant changes as a result of political and social catastrophes caused by the First World War and revolutions in Europe led to the collapse of most European empires and which had a significant impact on the country new nation states is examined in the article. The concrete forms of the embodiment of Litbel as instruments of the foreign policy game of the Bolshevik party headed by Lenin are analyzed against the backdrop of the aggravation of the relations of the RSFSR with the emerging Polish state over the alleged state border. There are speculations about the further role of the leadership of the Bolsheviks, allotted to Litbel, connected with the idea of the World Revolution, cultivated in their midst. An assessment is given of the actions of the management of Litbel in the matter of state construction and the degree of their independence. It's given the characteristics of the degree of influence that had the fact of the existence of this republic on the further development of the Belarusian national movement. The reasons for the non-viability of the state education that led to his forty collapse are revealed.

Key words: nation, national movement, national question, self-determination, Litbel SSR, Belarussia, Lithuania, Poland, RSFSR, world revolution.

Введение. Декларация прав народов России, принятая 2 (15) ноября 1917 г. Советом народных комиссаров РСФСР, провозгласила:

- 1) равенство и суверенность народов России;
- 2) право народов России на свободное самоопределение, вплоть до отделения и образования самостоятельного государства;
- 3) отмена всех и всяких национальных и национально-религиозных привилегий и ограничений;

4) свободное развитие национальных меньшинств и этнографических групп, населяющих территорию России.

Однако несмотря на принятую декларацию, на практике большевики не торопились с ее реализацией, причиной чему были факторы как объективного, так и субъективного характера. Только поражение Тройственного союза в Первой мировой войне и начавшийся после этого процесс создания новых национальных

государств в Европе подтолкнули большевиков к более активным действиям.

Основная часть. 25 декабря в ЦК РКП(б) вызываются белорусские коммунисты во главе с С. Жилуновичем, и им предлагается составить список белорусского правительства. В тот же день И. Сталин ведет разговор по прямому поводу с Мясниковым, в котором ставит его перед фактом решения ЦК о создании Белорусской Советской Республики. Показательно, что в этом разговоре И. Сталин точно не объяснил судьбу Могилевской и Витебской губерний, что дает основание считать: с самого начала Беларусь планировалась в рамках двух губерний – Минской и Гродненской [1, с. 414].

Чем же было вызвано это довольно быстрое решение? На этот счет исследователи приводят различные мнения, но сами большевики объясняли этот шаг международными обстоятельствами. Наиболее часто говорилось о создании буферной республики, чтобы отгородить Советскую Россию от враждебного капиталистического окружения. Однако Беларусь с ее состоянием экономики и отсутствием собственных Вооруженных Сил не могла выполнять эту функцию, и поэтому это объяснение нельзя рассматривать как полностью серьезное.

Скорее целью создания буферной республики была не столько реальная попытка отгородиться от враждебной Европы, сколько возможность вести дипломатическую игру накануне Парижской мирной конференции, которая должна была подвести итоги Первой мировой войны.

В то время было хорошо известно, что Франция, как одна из стран-победителей, будет добиваться восстановления независимого польского государства в границах 1772 г. Польша должна была создать противовес Германии в Центральной Европе. Хотя это и не совсем нравилось Англии, но такое развертывание событий было вполне возможно, поскольку возрождение Польши поддерживали и США. В этих условиях большевики решили пойти на создание государства, которое могло бы претендовать на те же самые земли, поскольку они, хотя и входили некогда в состав Речи Посполитой, но были населены белорусами. Таким образом, создание белорусского государства давало возможность поставить мировое сообщество перед фактом существования другого центра консолидации белорусских земель, имеющего на это больше прав, чем Польша.

Дальнейшее объединение Беларуси и Литвы свидетельствует, на наш взгляд, о желании придать этим претензиям еще более основательный характер. Литбел фактически провозглашался в старых границах ВКЛ, которое, как

известно, было одной из «федеративных» частей Речи Посполитой. Более того, с учетом лозунга большевиков о «перманентной революции» такое образование давало возможность расширения революции и на Польшу и осуществление популярной в Польше идеи восстановления Речи Посполитой в границах 1772 г., но уже на советской основе.

В подтверждение этой мысли можно привести несколько документов того времени. Так, в протоколе объединенного экстренного заседания членов Белнацкома и представителей Центрального Бюро белорусских коммунистических секций РКП(б), которое состоялось 25 декабря 1918 г. в Москве, говорится: «тов. Жилунович сообщил собранию о том, что сегодня народный комиссар по делам национальностей т. Сталин, пригласив к себе по телефону ответственных сотрудников Белорусского национального Комиссариата, поднял вопрос о государственном устройстве Беларуси. Из обмена мнениями выяснилось, что вследствие сложившихся международных отношений и в целях укрепления международных отношений и расширения социалистической революции в мировом масштабе, в последнее время назрела необходимость провозглашения Беларуси как самостоятельной во всех отношениях нации, независимой социалистической Советской Республики» [2, с. 20].

Ссылки на международное положение имеются и в ряде других документов. Так, в докладе эмиссара ЦК РКП(б) А. Иоффе от 22 января 1919 г. говорится: «Сейчас, после краха германского империализма, снова наступает период националистических побуждений. Этими устремлениями стремятся воспользоваться империалисты для создания республик, через и при помощи которых они могли бы влиять в желательном смысле на Советскую Россию. Чтобы избежать этого, а также непосредственного воздействия империализма на Россию, ЦК решено создать буфер, который выдержит первый натиск империалистов. В частности, необходимо отгородиться от польского и петлюровского империализма. На основании этих соображений ЦК постановил образовать Литовскую и Белорусскую Республику». Кажется, речь идет непосредственно о буфере в прямом смысле этого слова, но дальше он объясняет, что создание этих республик имеет и свою отрицательную сторону – расширение национализма. Чтобы избежать этого, говорит он, «мы должны положить конец сепаратизму и ввести Республику в период переговоров с Советской Россией о федерации. Включение Белорусской Республики в Советскую Россию на правах федерации уничтожает всю пользу существования буферов-республик, поскольку тогда все

переговоры ведет Центральное правительство, т. е. самой России придется непосредственно принимать в них участие, поэтому ЦК решил лучшим в данном положении принять метод длительных переговоров о федерации. Исходя из этих соображений, ЦК предлагает: 1) ЦеБе ограничить размеры Белорусской Республики географически необходимыми пределами т. е. Минской и Гродненской губ.; 2) обратиться к РСФСР с предложением о федерации» [2, с. 45].

Созданию Белорусской Республики, безусловно, придавался и пропагандистский характер. В ожидании мировой революции большевикам был нужен пример образцовых советских республик как прообраза «мировой федерации советских республик», о которой мечтал В. Ленин.

Таким образом, из вышеизложенного можно сделать вывод, что существование Советской Беларуси с самого начала носило противоречивый характер. С одной стороны, она рассматривалась как часть РСФСР и руководствовалась ее правительством, с другой стороны, она должна была выступать в качестве субъекта международного права.

Понятно, что такая неопределенность в положении республики не могла способствовать ее укреплению. Более того, только углубляла раскол в ее руководстве между белорусскими коммунистами и деятелями бывшей Западной области.

Организационный разброд дополнялся еще тем, что решения о судьбе Беларуси принимались с ходу и иногда противоположные. Так, например, решение о судьбе Могилевской губернии (присоединять ее к России или оставить в составе Беларуси) в течение второй половины января принималось аж 4 раза.

Несмотря на протесты членов Центрального бюро КП(б)Б, которые отмечали разрушительный характер для национально-политического развития Беларуси решения об отсоединении восточных губерний Беларуси и слиянии оставшихся с Советской Литвой, 22 января под натиском А. Иоффе это постановление все-таки принимается.

Но белорусское руководство продолжает настаивать на его ошибочности. Так, 27 января 1919 г. ЦБ Беларуси решает «делегировать т.т. Пикель и Рейнгольд в ЦК для переговоров о границах Беларуси. ЦБ считает возможным исключить из состава Беларуси только одну Витебскую губернию» [2, с. 49]. Между тем центральное руководство, как видно из дальнейших событий, не согласилось даже на этот компромиссный вариант.

Поэтому на I Всебелорусском съезде Советов (2–3.02.1919) принимаются два почти про-

тивоположных решения. С одной стороны, утверждается провозглашение независимости ССРБ, а с другой – оно тут же расторгается принятием решения о ее фактической ликвидации и образовании нового государственного организма – Социалистической Советской Республики Литвы и Беларуси, официальное название которой утверждается на объединенном заседании ЦК и ЦБ КПЛиБ 28 февраля 1919 г.

Новое государственное образование существовало недолго. В условиях войны с Польшей ЦК РКП(б) уже в августе 1919 г. посчитал существование Литбел нецелесообразным.

Но то, что республикой придется пожертвовать, было понятно гораздо раньше. Так, уже на заседании КПЛиБ 5 марта 1919 г., обсуждая переговоры между Россией и Польшей, член ЦК Долецкий Я. Г. отметил: «мы должны обратить внимание, что здесь вопросы, которые касаются прежде всего нас, решаются абсолютно без нашего участия», на что член ЦК и военный комиссар Литбел Уншлихт И. С. ответил: «Интересы международного пролетариата выше национальных вопросов и за мир с Антантой можно отдать Литву и Беларусь» [3]. На наш взгляд, это свидетельствует о том, что и самим руководством ССРЛиБ республика рассматривалась именно как буферное государство, которое должно было сыграть в первую очередь внешнеполитическую роль.

Что касается правительства РСФСР, то его поведение диктовалось исключительно политической целесообразностью. Когда стало понятно, что Литбел не может выполнять возложенные на нее функции, республика уже с июля 1919 г., еще до ее ликвидации, исчезает из внешнеполитических документов. РСФСР напрямую ведет переговоры, не считая нужным даже вспоминать о ССРЛиБ. Сама же фактическая ликвидация Литбел происходит в августе 1919 г., когда государственный суверенитет над ее бывшими территориями отходит к РСФСР.

Между тем с прекращением деятельности Литбел процесс становления белорусской государственности не останавливается. Так, правительство БНР, представлявшее другое крыло белорусского национального движения, с отходом немецких войск перебирается в Гродно и предпринимает дальнейшие попытки добиться образования белорусского государства на национально-демократической основе. Потеряв надежду на немцев, оно радостно приветствует факт провозглашения ССРБ. В своем дневнике глава правительства А. Луцкевич пишет, что правительство БНР «...как один готовы ехать в Минск и работать вместе с большевиками»

[4, с. 169]. Но дальнейшие события разочаровывают национал-демократов. В связи с этим правительство БНР обращается к руководству стран Антанты в надежде, что оно поможет создать белорусское государство. Видя главную угрозу для белорусского государства со стороны Польши, представители БНР стремятся довести до международного сообщества требование считаться с интересами белорусского народа. Они решительно выступают против аннексионных планов польского руководства в отношении белорусских земель.

Что же касается Польши, то у ее руководителя Ю. Пилсудского фактически было два плана в отношении «восточных территорий». Первый из них предусматривал создание широкой конфедерации всех народов бывшего Великого княжества Литовского и Польши против большевиков. Второй – создание буферного государства между Польшей и Советской Россией. Значительная часть польской правящей элиты вообще считала нецелесообразным создание белорусского государства в какой бы то ни было форме. На решение данного вопроса значительно влияли соотношение политических сил между лагерем Пилсудского и польскими эндеками.

Но на первом этапе войны Пилсудский еще колебался, все зависело от дальнейшего развития событий. По сути все зависело от того, насколько Польше хватит сил на самостоятельное ведение войны и насколько серьезной будет помощь стран Антанты.

Поэтому в течение 1919 г. правительство Польши пытается выступить в качестве опекуна белорусского движения, оставляя надежду на помощь в национально-государственном строительстве.

Но, как показали дальнейшие события, настоящим желанием руководства Польши было то, чтобы представители белорусского национального движения фактически передали польскому правительству полномочия на инкорпорацию белорусских земель в состав Польши.

По этому поводу между поляками и белорусами состоялись многочисленные встречи, но фактически они так ничем и не закончились, поскольку представители даже пропольски настроенных партий и группировок не хотели поступиться суверенитетом и соглашались, самое меньшее, на широкую политическую автономию, в то же время поляки хотели получить поддержку белорусов в деле переговоров с большевиками, но взамен не хотели обременять

себя даже обещаниями в деле решения белорусского вопроса.

Все это усиливалось еще и взаимным недоверием. В результате договориться так и не удалось, а возраставший шовинизм поляков толкнул белорусских деятелей к поиску других союзников. Часть из них пыталась установить отношения со странами Антанты, а другие обратили свой взор к большевикам, которые в условиях начавшейся партизанской борьбы против польской оккупации выглядели как естественные союзники. Были попытки союза и с литовцами. Так, взамен на поддержку при литовской Тариге было создано министерство по делам белорусов, а в само правительство были включены два представителя белорусского национального движения. Взаимный интерес у представителей белорусского и литовского национально-демократических движений сохранялся вплоть до 1923 г. Однако после неудачного разрешения спора с поляками о принадлежности Вильно, связанного с делом так называемой «Средней Литвы», это сотрудничество сходит на нет, а белорусское министерство ликвидируется.

Выводы. Литовско-Белорусская республика показала свою нежизнеспособность как во внешнеполитическом, так и в военном плане, хотя именно этими целями было продиктовано ее образование. Поэтому она не получила дипломатического признания ни со стороны стран Антанты, ни со стороны Польши, несмотря на то, что СНК республики дал согласие на участие в конференции на Принцевых островах с целью избежать войны с Польшей. В военных делах успехи были также более чем скромные. Мужественное сопротивление белорусского народа и все усилия руководства организовать оборону Беларуси не принесли положительных успехов, Польским войскам до осени 1919 г. удалось захватить две трети территории Беларуси. Это, по мнению авторитетного исследователя вопроса белорусского государственности Круталевича В. А, привело к фактической ликвидации Литбел [5, с. 151]. Тем не менее юридически она была ликвидирована вторым провозглашением БССР в 1920 г. Таким образом, искусственно созданная и объединенная Советская Социалистическая Республика Литвы и Беларуси исчезла, так фактически и не приступив к серьезному государственному строительству и не выполнив той внешнеполитической миссии, которую возлагали на нее представители большевистского движения.

Литература

1. Борьба за советскую власть в Белоруссии. 1918–1920 гг.: сб. докл. и материалов. В 2 т. Т. 1 (февраль 1918 г. – февраль 1919 г.). Минск: Беларусь, 1968. 604 с.

2. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ) Ф. 60 . Оп. 3. Д. 498.
3. НАРБ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4.
4. Луцкевіч Антон. Дзёнік / Публікацыя А. Сідарэвіча // Польша. 1991. № 5. С. 168–192.
5. Круталевич В. А. История Беларуси: становление национальной державности (1917–1922 гг.) Минск: Право и экономика, 2003. 585 с.

References

1. *Bor'ba za sovetskuyu vlast' v Belorussii. 1918–1920 gg. Sb. dokl. i materialov. V 2 t. T. 1 (fevral' 1918 g. – fevral' 1919 g.)* [The struggle for Soviet power in Belarus. 1918–1920. Sat. doc. and materials. In 2 vol. Vol. 1. (February 1918 – February 1919)]. Minsk, Belarus' Publ., 1968. 604 p.
2. National Archives of the Republic of Belarus (NARB). Fund 60. I. 3. F. 498.
3. NARB. Fund 4. I. 1. F. 4.
4. Lutskevich A. Diary. *Polymya* [Fire], 1991, no. 5, pp. 168–192 (In Belarusian).
5. Krutalevich V. *Istorija Belarusi: stanovleniye natsional'noy derzhavnosti (1917–1922)* [History of Belarus: the formation of national power (1917–1922)]. Minsk: Pravo i ekonomika Publ., 2003. 585 p.

Информация об авторе

Райчонок Александр Александрович – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Беларуси и политологии. Белорусский государственный технологический университет (220006, г. Минск, ул. Свердлова, 13а, Республика Беларусь). raichenok@belstu.by

Information about the author

Raychenok Aleksandr Aleksandrovich – PhD (History), Assistant Professor, the Department of History of Belarus and Political Science. Belarusian State Technological University (13a, Sverdlova str., 220006, Minsk, Republic of Belarus). raichenok@belstu.by

Поступила 15.09.2017

УДК 821.161.3 «1920/1930»

І. У. Каляда

Беларускі дзяржаўны тэхналагічны ўніверсітэт

**ТЭАТРАЛЬНЫЯ ДЫСКУСІІ 1920-Х – 1930-Х ГГ.: СТАНАЎЛЕННЕ
ТЭАТРАЛЬНАГА ПРАФЕСІЯНАЛІЗМУ**

У артыкуле разглядаюцца пытанні станаўлення і развіцця беларускага тэатра ў 1920-я – 1930-я гады ў рэчышчы правядзення агульнадзяржаўнай праграмы нацыянальна-культурнага будаўніцтва – беларусізацыі. Гэты працэс актыўна суправаджаўся тэатральнымі дыскусіямі, у ходзе якіх вялося грамадскае абмеркаванне праблем тэатральнага мастацтва, дзейнасці тэатральных калектываў. Востра ставілася пытанне аб неабходнасці стварэння нацыянальнай тэатральнай школы. Усё гэта садзейнічала ўздыму ў развіцці беларускага тэатра, які, на жаль, быў нядоўгі. Ужо ў канцы 1920-х гг. назіраецца пагаршэнне сітуацыі, націск на літаратуру і тэатр з мэтай іх “пралетарызацыі” і ліквідацыі вынікаў нацыянальнага адраджэння.

Ключавыя словы: нацыянальная культура, палітыка беларусізацыі, тэатральнае мастацтва, тэатральныя дыскусіі, мастацкія плыні, беларускі тэатр.

I. U. Kolyada

Belarusian State Technological University

**THE THEATRICAL DEBATE OF THE 1920S AND 1930S:
FORMATION OF THEATRICAL PROFESSIONALISM**

In the article the questions of formation and development of Belarusian theatre in the 1920-ies – 1930-ies in the framework of the national program of national-cultural construction, Belarusization. This process is accompanied by a theatrical debate, in which conducted public discussion of the problems of theatre arts activities theatre groups. Sharply raised the question about necessity of creation of the national theatre school. All this contributed to the rise in the development of the Belarusian theater, which, unfortunately, was short-lived. At the end of the 1920s. observed the deteriorating situation, the pressure on literature and theater for their “proletarianization” and the elimination of the results of national revival.

Key words: national culture, the policy of Belarusization, theater, theatre, debate, art direction, the Belarusian theatre.

Уводзіны. Пра тэатральныя дыскусіі, якія праходзілі ў 1920-я – 1930-я гады, шмат пісалі, аднак мала што было вядома канкрэтна.

Тэатральныя дыскусіі – гэта публічныя абмеркаванні практычных і тэарэтычных праблем тэатральнага мастацтва і драматургіі, адна з форм тэатральнага жыцця, дзейнасці тэатральных калектываў. У больш вузкім значэнні – абвастрэнне тэатральных спрэчак, сутыкненне розных пунктаў погляду на гісторыю, сучасны стан і перспектыву развіцця тэатра. Асаблівае значэнне і вастрэнне тэатральныя дыскусіі набываюць у перыяды станаўлення тэатральнага прафесіяналізму (на Беларусі – у 1920-я гады), узнікнення новых мастацкіх плыняў.

Асноўная частка. Тэатральныя спрэчкі 1920-х гадоў зводзіліся да наступнага: стварэнне самабытнага сцэнічнага мастацтва, нацыянальнай тэатральнай школы ці ператварэнне тэатральнага мастацтва ў школу “пралетарскага” выхавання і ў трыбуну для пашырэння сацыялістычных ідэй.

Тэатральныя дыскусіі пачатку 1920-х гадоў вяліся на старонках газеты “Савецкая Бела-

русь”. І першым крокам стаў артыкул Кукса (псеўданім) “Аб сучасным беларускім тэатры” [1], дзе ён крытыкаваў Наркамасвет БССР за тое, што ён не турбуецца аб тым, каб тэатр развіваўся шляхам сапраўднага беларускага народнага мастацтва. Таму “лепшы беларускі рэпертуар у загоне, а іграюць пераклады, і ў прыдатку слабейшыя” [1].

У далейшым Янка Святляк у артыкуле “Аб святкаванні Купалля” прапанаваў выкарыстаць беларускі тэатральны рэпертуар для адраджэння традыцыйных народных свят і абрадаў, якія, у сваю чаргу, будуць садзейнічаць станаўленню беларускай тэатральнай школы [2]. У шэрагу артыкулаў Я. Святляка і Р. Судніка звярталася ўвага на з’яўленне ў вёсках і мястэчках шматлікіх аматарскіх гурткоў, якія жывяць беларускі тэатр. Але і ў іх адзначаліся хібы (напрыклад, ігралі сялян у галіфэ і высокіх шнураваных ботах).

Цэнтральнымі праблемамі тэатральных дыскусій 1920-х гадоў былі рэпертуар і нацыянальны стыль. Так, у артыкуле “Тэатр на Беларусі” З. Жылуновіч (пад псеўданімам

С. Смык) звярнуў увагу на тое, што ў беларускіх гарадах, як і да рэвалюцыі, пануе расійскі тэатр, а публіка ў ім – новая, савецкая буржуазія і дзялкі-спекулянты. Між тым у сялянскай Беларусі іншыя ўмовы, чым у расійскай сталіцы, “і падысці з маскоўскаю меркаю да тэатральнай справы ў Беларусі – гэта значыць... адсекчы яму (беларускаму тэатру) ногі”, якія, лічыў аўтар, моцна стаяць толькі на вясковай, сялянскай глебе [3].

Выказваліся і іншыя меркаванні, згодна з якімі галоўнае ў тэатральнай працы – гэта прафесіяналізм, а ў крытыцы – аб’ектыўнасць.

З’яўленне крытычных выступленняў у адрас Вандроўнага тэатра, абвінавачванняў ў недастатковым прафесіяналізме вымусіла ў тэатральныя дыскусіі ўступіць і У. Галубка. Ён пісаў пра нежаданне выдавецтваў публікаваць беларускія п’есы, а таксама няўвагу сталічных рэжысёраў да нацыянальнага рэпертуару.

Паяднаў гэтыя крайнія погляды З. Бядуля ў сваіх шматлікіх артыкулах па праблемах тэатра, дзе ён абгрунтаваў думку, што тэатр павінен быць народным па сваіх крыніцах, нацыянальным па стылі і прафесійным па мастацкім узроўні. І першай спробай такога сінтэзу ён лічыў драму М. Чарота “На Купалле”, пастаўленую ў БДТ, у якую прыгожа “ўпісаліся” харэаграфія, музыка і сцэнаграфія. Яшчэ больш, выказвалася думка, што гэтая музычная драма пачала новую эпоху ў гісторыі развіцця беларускага тэатра.

Тэатральныя дыскусіі першай паловы 1920-х гг. скончыліся грамадскім абмеркаваннем дзейнасці мінскіх тэатраў у форме “суда над тэатрамі”, вельмі папулярнага ў той час: на “лаўцы падсудных” сядзелі кіраўнікі Беларускага, Рускага і Яўрэйскага тэатраў. Пасля выступленняў “пракурораў” і “абаронцаў” быў вынесены прысуд: “Прымаючы пад увагу тое, што тэатр з’яўляецца магутнай зброяй у руках пралетарыята, суд прызнае што мінскія тэатры не ўсё рабілі для гэтага, і прызнае вінаватымі ў тым, што яны не шукалі шляхоў новай творчасці, а таксама не мелі сувязі з працоўнымі масамі” [4].

Як гэта не dziўна, але такое абмеркаванне спрыяла папулярнасці тэатральнага мастацтва, якое ў 1923–1926 гг. знаходзілася на ўздыме. Тэатральная крытыка адзначала поспех у БДТ пастановак п’ес Е. Міровіча “Кастусь Каліноўскі”, “Машэка”, “Каваль-ваявода”, “Кар’ера таварыша Брызгаліна”, у Беларускай драматычнай студыі ў Маскве – народнай драмы “Цар Максімілян”, папулярнасць на вёсцы тэатра У. Галубка.

У 1925 г. выходзіў часопіс “Трыбуна мастацтва”, які ставіў мэту распрацаваць пытанні

беларускага тэатра і музыкі, беларускага нацыянальнага стылю. Акрамя таго, ставілася задача – стварыць самабытную беларускую оперу ў жанры музычнай драмы.

На жаль, такія спрыяльныя ўмовы для станаўлення беларускага тэатра праіснавалі нядоўга.

Ужо ў 1927–1930-я гг. сітуацыя ў тэатральным мастацтве пагоршылася катастрофічна. Як вядома, гэта перыяд, калі адначасова з рэалізацыяй праграмы індустрыялізацыі і калектывізацыі, згортваннем беларусізацыі адбываўся наступ на літаратуру і тэатр з мэтай іх канчатковай “пралетарызацыі” і ліквідацыі вынікаў нацыянальнага адраджэння.

Распачала гэтую кампанію газета “Звязда” (орган ЦК КП(б)Б), якая падтрымала погляды тагачаснага першага сакратара ЦК КП(б)Б В. Кнорына аб тым, што да Кастрычніцкай рэвалюцыі Беларусі як самастойнай дзяржаўнай адзінкі не было, а яе першы дзяржаўны тэатр вырас у рэчышчы рэвалюцыі.

У той жа “Звяздзе” 23 жніўня 1927 г. з’яўляецца артыкул У. Ліліна “На тэатральным фронце”, дзе большую частку п’ес з рэпертуару БДТ-1 ён аднёс да катэгорыі “ідэалагічна бяшчодныя”, але адзначыў, што “ніводная з іх не імкнулася развязаць якое-небудзь вялікае пытанне сучаснасці або рэвалюцыйнага мінулага”. Аўтар абвінаваціў Наркамасветы БССР у тым, што быццам бы БДТ-1 “у мінулым сезоне не паказаў ніякіх дасягненняў”. У рэпертуары БДТ-2 ён назваў шэраг п’ес “непераканаўчымі” або “ідэалагічна не зусім апраўданымі” [5].

Пад націскам партыйнай крытыкі ў 1927 г. з рэпертуару беларускіх тэатраў былі зняты “Тутэйшыя” Я. Купалы (галоўнай памылкай пастаноўкі гэтай п’есы стала тое, што ў яе змесце нібыта праяўляюцца нацыянал-дэмакратычныя элементы) (БДТ-1) і перакладзеная ім п’еса “Эрас і Псіхея” Е. Жулаўскага, драма В. Шашалевіча “Апраметная” і нават трагедыя Еўрыпіда “Вакханкі” (БДТ-2).

У выніку такіх рэпрэсіўных мер тэатры вымушаны былі перайсці на перакладны расійскі рэпертуар “пралетарскага зместу”, што, у сваю чаргу, выклікала пратэст з боку беларускай літаратурна-мастацкай грамадскасці, якая выступіла супраць нападкаў на беларускую школу тэатральнага мастацтва, што яшчэ толькі складвалася.

Усё гэта прывяло да абвастрэння дыскусій 1927–1929 гг. Галоўным аб’ектам ганенняў стаў БДТ-2, замежныя класічныя і нацыянальныя творы яго рэпертуару. Так, напрыклад, рэжысёр Дзяржаўнага яўрэйскага тэатра БССР Л. Літвінаў назваў “непатрэбнымі і шкоднымі” у рэпертуары БДТ-2 п’есы “Апраметная”,

“Эрас і Псіхея”, “Сон у летнюю ноч” У. Шэкспіра і іншую “бажэственную і містычную” класіку, якая “павядзе толькі да адрыву ад запатрабаванняў рабочай аўдыторыі” (“Звязда”, 6 мая 1928 г.).

Адказам сталі палемічныя артыкулы Т. Глыбоцкага у газеце Савецкая Беларусь “Калі ж запяюць верацёны?” (27 кастрычніка 1928 г.) і “Даволі анекдотаў” (11 лістапада 1928 г.), дзе ён крытыкаваў мастацкага кіраўніка БДТ-1 Е. Міровіча за яго памкненні дапасаваць беларускую тэматыку да “пралетарскай ідэалогіі”. На думку аўтара, замест таго, каб пашыраць і паглыбляць беларускае тэатральнае мастацтва, БДТ-1 выцяняе яго перакладным расійскім рэпертуарам (“Браняпоезд 14-69” У. Іванова, “Мяцеж” Д. Фурманова і інш.).

Т. Глыбоцкі таксама ставіў пытанні: чаму беларускі тэатр павінен развівацца менавіта па тых этапах, па якіх ідзе расійскі тэатр? Чаму беларускаму глядачу важней паднесці сібірскіх партызан, чым паказаць сваіх барацьбітоў? Ён прыходзіў да высновы, што няўмелы бяздушны падбор рэпертуару пазбаўляе беларускі тэатр усякай самабытнасці.

“Звязда” адказала на гэтыя выступленні публікацыяй артыкула Д. Мірончыка “Супраць палітычнай двулікасці. Да пытання аб правай небяспецы ў культурным будаўніцтве” (17 лістапада 1928 г.), які абвінавачваў Т. Глыбоцкага ў распальванні варажасці супраць Расіі і рускай культуры, а тэорыю самабытнасці беларускага тэатра аб’явіў накіраванай на падрыў адзінства Савецкага Саюза і абстраэннае ўзаемаадносін рабочага класа з сялянствам.

На гэты грубы палітычны выпад адгукнуўся З. Жылуновіч артыкулам “Беларуская самабытнасць і безухільны інтэрнацыяналізм, ці старая прагудка на новы лад” (“Савецкая Беларусь” ад 20 лістапада 1928 г.), дзе звярнуў увагу на адзінства поглядаў прарасійскіх шавіністаў, якія лічылі інтэрнацыянальным толькі расійскі рэпертуар, а ўсё іншае – нацыяналізмам, і дарэвалюцыйных “ісцінна рускіх патрыётаў”, чарнасоценцаў, што таксама не прызнавалі беларускай нацыянальнай культуры, абвясцілі яе “польскай інтрыгай”.

Адказ прагучаў у той жа “Звяздзе” ад таго ж Д. Мірончыка ў артыкуле “Раскрываем дужкі. Аб правай сутнасці выступленняў тав. Жылуновіча” (24 лістапада 1928 г.). Фактычна гэта

стала адным з першых абвінавачванняў беларускага нацыянальнага адраджэння ў буржуазным нацыяналізме.

Тэатральная дыскусія абвастрылася, набыла палітычны характар. І ў хуткім часе афіцыйна барацьбу з “правым ухілам” у тэатральнай дыскусіі ўзначаліла кіраўніцтва КП(б)Б, якое ў шматлікіх пастановах заклікала весці “няўхільную барацьбу” з варажымі пралетарыяту і сялянскай беднаце плынямі ў літаратуры і мастацтве, рашуча прыступіць да ўтварэння нацыянальнага па форме і пралетарскага па змесце тэатральнага і кінарэпертуару, утварыць рабочую тэатральную крытыку (у якасці “крытыкаў” прапаноўваліся гледачы з рабочага класа).

На старонках газеты “Звязда” была арганізавана прапрацоўка Т. Глыбоцкага і іншых прыхільнікаў нацыянальнай самабытнасці тэатра з боку “простых тэатральных глядачоў”. Супраць тэатральных “самабытнікаў” па даручэнні партыйнага кіраўніцтва выступалі вядомыя беларускія дзеячы, якія займалі адказныя пасады (А. Баліцкі “За пралетарскі змест нацыянальнай літаратуры”, “Аб шляхах развіцця беларускага тэатра і памылках Т. Глыбоцкага”, А. Некрашэвіч “Чым гэта ўсё пахне?” і інш.).

У адрас перш за ўсё Т. Глыбоцкага, З. Жылуновіча і М. Зарэцкага гучалі нават такія абвінавачванні, як прапаганда “замшэлай, даўно выкрытай... тэорыі аб самабытнасці”, паводле якой сучасная сацыялістычная беларуская культура, літаратура і мастацтва не павінны карыстацца буржуазнай і нават феадальнай старажытнасцю, развівацца на кулацкіх “Апраметных”, на легендах і казках Афрасіній Полацкіх і Кліментаў Смаляцічаў” (“Звязда” ад 27 ліпеня 1929 г.).

Заклучэнне. Беларускі тэатр з’яўляўся і з’яўляецца свайго роду летапісам гісторыі свайго народа, бо захоўвае спадчыну народа (вобразы, постаці гістарычных асоб, важныя моманты гістарычных падзей). Як частка мастацкай культуры тэатр у сваім развіцці адлюстроўвае ўсе складанасці гістарычнага лёсу Беларусі.

У 1930-я гг. тэатральныя дыскусіі фактычна пераўтварыліся з дыскусій у маналог бальшавіцкай крытыкі, ідэалагічную прапрацоўку дзеячаў мастацтва.

Дыскусіі аднавіліся толькі ў 1960-я гады.

Літаратура

1. Кукс А. Аб сучасным беларускім тэатры // Савецкая Беларусь. 1921. 3 ліпеня.
2. Святляк Я. Аб святкаванні Купалля // Савецкая Беларусь. 1921. 7 ліпеня.
3. Жылуновіч З. Тэатр на Беларусі // Савецкая Беларусь. 1921. 27 ліпеня.
4. Конан У. Тэатральныя дыскусіі // Савецкая Беларусь. 1923. 6 кастрычніка.
5. Лілін А. На тэатральным фронце // Звязда. 1927. 23 жніўня.

References

1. Kuks A. About the modern Belarusian theater. *Sovetskaya Belarus* ' [Soviet Belarus], 1921, July 3. (In Belarusian).
2. Svyatlyak E. On the celebration of Ivan Kupala. *Sovetskaya Belarus* ' [Soviet Belarus], 1921, July 7. (In Belarusian).
3. Zhilunovich S. Theater of Belarus. *Sovetskaya Belarus* ' [Soviet Belarus], 1921, July, 27 (In Belarusian).
4. Konan U. Theater discussions. *Sovetskaya Belarus* ' [Soviet Belarus], 1923, October, 6 (In Belarusian).
5. Lilin A. In front of the theater. *Zvyazda* [Zviazda], 1927. August, 23 (In Belarusian).

Інфармацыя пра аўтара

Каляда Іна Уладзіміраўна – кандыдат гістарычных навук, дацэнт, дацэнт кафедры гісторыі Беларусі і паліталогіі. Беларускі дзяржаўны тэхналагічны ўніверсітэт (220006, г. Мінск, вул. Свядлова, 13а, Рэспубліка Беларусь).

Information about the author

Kalyada Ina Uladzimirauna – PhD (History), Associate Professor, Assistant Professor, the Department of History of Belarus and Political Science. Belarusian State Technological University (13a, Sverdlova str., 220006, Minsk, Republik of Belarus).

Пасмуніў 10.09.2017

УДК 378(476)091

Л. И. Мосейчук

Центр проблем развития образования Белорусского государственного университета

**ИЗ ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ ЕВРЕЙСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ
В БЕЛОРУССКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ (20-Е ГГ. XX В.)**

Статья посвящена истории создания и деятельности еврейского отделения, работавшего в БГУ в 20-х гг. XX в. Раскрыты причины его открытия, проведен статистический анализ численности студентов в разные годы его работы. Представлены сведения о профессорско-преподавательском составе, работавшем на протяжении всего времени существования данного отделения. В статье зафиксировано, что абитуриенты еврейского происхождения сознательно отказывались от получения высшего образования на национальном языке, поскольку это впоследствии ограничивало их возможности в процессе дальнейшей социализации.

Ключевые слова: еврейское образование, Белорусский государственный университет, идиш, методики преподавания, история педагогики.

L. I. Maseichuk

BSU Center for Issues of Education Development

**FROM THE HISTORY OF DEVELOPMENT OF JEWISH EDUCATION
IN THE BELARUS STATE UNIVERSITY (20TH YEARS
OF THE XX CENTURY)**

The article is devoted to the history of formation and activity of the Jewish branch of BSU in the 1920s. XX century. The reasons for its discovery are revealed. Statistical analysis of the number of students in different years of his work is carried out. Information is given about the teachers who worked throughout the life of the Jewish branch. The article convincingly shows that entering the university, Jewish entrants deliberately refused to receive higher education in the national language. Because such a diploma limited the possibilities for their further socialization.

Key words: Jewish education, Belarusian State University, Yiddish, methods of teaching, history of pedagogy.

Введение. На протяжении веков население белорусских земель отличалось поликонфессиональностью и полиэтничностью. В начале XX в. наряду с белорусами здесь проживало несколько многочисленных диаспор. Их равенство было закреплено в первой Конституции Советской Социалистической Республики Беларусь, принятой 3 декабря 1919 г. А в Декларации о возобновлении ССРБ от 31 июля 1920 г. уже устанавливалось полное равноправие белорусского, русского, польского и еврейского (идиш) языков в отношениях с органами государственной власти, а также в организациях и учреждениях народного просвещения и культуры. Тем самым декларировалось право этих национальностей на получение образования на родном языке, которое было в полной мере реализовано после открытия в 1921 г. Белорусского государственного университета (далее – БГУ). В данном учебном заведении при этнолингвистическом отделении факультета общественных наук были основаны четыре языковые секции – белорусская, еврейская, русская и польская [1].

Историографический анализ показал, что из всех национальных секций, работавших в БГУ

в 20–30-х гг. XX в., в наименьшей степени изучена деятельность еврейского отделения. Хотелось бы отметить, однако, что материалы по работе еврейской секции БГУ представлены довольно широко и собраны в фонде 205 «Белорусский государственный университет» Национального архива Республики Беларусь. Это протоколы заседаний методической комиссии еврейской опытно-показательной школы (с 21.10.1926 по 05.09.1927), отчеты профессорско-преподавательского состава, резолюции предметных комиссий БГУ по еврейскому отделению.

Такой пробел в отечественной историографии, на наш взгляд, связан с языковым барьером, стоящим перед исследователями, поскольку значительный массив документов по работе еврейской секции (отделения) БГУ велся преимущественно на языке идиш.

Основная часть. БГУ был не единственным учебным заведением, в котором работала еврейская секция. В 20-х гг. аналогичные отделения были открыты на Витебском рабфаке, в Витебском художественном техникуме, в Минском институте белорусской культуры. В Горьцкой сельскохозяйственной академии

работала кафедра еврейского языка. Однако БГУ был первым университетом, в котором представители еврейской молодежи получили открытый и, главное, легитимный доступ к высшему образованию на языке идиш.

Перед администрацией и профессорско-преподавательским составом БГУ стояла сложнейшая задача: разработать учебные программы, которые позволили бы студентам не только обучаться на родном языке, но и интегрироваться в образовательную среду университета.

Еврейская секция была официально открыта 30 декабря 1921 г. Ее глава М. Вейнгер подчеркивал, что основной задачей секции была «подготовка будущих высококвалифицированных строителей социализма», способных заняться «идишизацией всего еврейского образования» [2, с. 157].

Позднее, после реорганизации факультетов БГУ, еврейские секции, объединенные в еврейское отделение, функционировали на литературно-лингвистическом и социально-историческом отделениях педагогического факультета.

В 1921 г. первые 92 студента начали получать высшее образование на идиш. В 1922 г. их количество составляло 187 человек, а в 1923 г. возросло до 225 [3, л. 108 А].

Благодаря активной пропагандистской работе, личным контактам уже работавших в БГУ ученых, а также поддержке со стороны администрации университета к работе на еврейском отделении были привлечены крупные специалисты в области иудаики из таких культурных и образовательных центров, как Москва, Петроград и Варшава. В результате основу преподавательского корпуса еврейского отделения на педфаке БГУ составили семитолог И. Равребе (заведовал кафедрой семитологии БГУ с 1926 по 1930 г.) [4, с. 432], историк И. Сосис, филолог М. Вейнгер. Кафедру еврейской литературы БГУ с 1922 г. возглавил гебраист И. Маркон [4, с. 251.]. Спецкурс по истории еврейского народа вел приглашенный преподаватель – ректор Петроградского института высших еврейских знаний, историк С. Лозинский [5].

К 1928/1929 учебному году в еврейской секции работали 2 профессора (И. Сосис и Я. Громер), 9 доцентов (Б. Оршанский, М. Ошеревич, М. Вейнгер, И. Гольдберг, Ш. Ривес, И. Равребе, Г. Александров, М. Лурье, Л. Гольдштейн) и 6 ассистентов (А. Волобринский, И. Чернявский, С. Кугель, М. Пелеп, В. Сегалович, К. Свирский-Ашкенази) [2, 157–158].

Почти у всех у них была типичная для еврейских ученых того времени судьба: традиционное еврейское образование, которое обычно получали выходцы из небольших местечек, находящихся в «черте еврейской оседлости»;

хорошее университетское образование, полученное чаще всего в Европе; бундовское политическое прошлое, с которым они порвали, перейдя в стан большевиков; марксистская идеология в сочетании с еврейским национальным менталитетом [5].

Профессор И. Маркон написал программы к курсам, которые читались им на педфаке с 1922 по 1930 г.: «Введение в еврейскую филологию (семитическое языкознание)» [6, л. 80–81об.] и «История еврейской средневековой литературы» [6, л. 29–29 об.]. И. Сосис с 1923 г. разработал курс «История еврейских общественных течений в России в XIX в.». В 1924/1925 учебном году Б. Оршанский подготовил программу по предмету «Новейшая еврейская литература» [6, л. 32]. На основании лекций, которые читались на данном курсе, автор издал в 1931 г. монографию «Еврейская литература в Белоруссии после революции» [4, с. 352]. Работа, посвященная критическому анализу еврейской печатной литературы, была написана на идише.

Число предметов на идише в программе возрастало с увеличением числа квалифицированных специалистов в штате отделения: с одного – в 1921 г. до 16 человек на четырех курсах – в 1924 г.

В 1929 г. на идише преподавались следующие дисциплины: диалектический материализм (семинары), ленинизм, политическая экономика, история евреев в Польше, Литве, Украине и Беларуси, экономическая история евреев в России, история педагогики, история общества у евреев, еврейский фольклор, педагогика, новая и новейшая еврейская литература, история еврейского языка, еврейская диалектология, введение в немецкое языкознание, введение в семитское языкознание, методика изучения языка и литературы, методика обществознания, экономическая политика РСФСР, история России в эпоху империалистической войны и пролетарской революции, физика, методология физики, методология математики, аналитическая геометрия, методология естествознания, неорганическая химия, дифференциальные уравнения.

На секции еврейского языка в качестве дополнительных занятий читались курсы Талмуда, Каббалы, Библии. Профессор Н. Никольский читал студентам курсы истории религии, раннего христианства и истории Израиля [7, л. 26, 27]. Читались эти курсы на русском языке. Кроме вышеперечисленных предметов слушатели еврейской секции посещали общие (точные) лекции сообразно с планом учебных занятий на факультетах. Такие лекции читались на белорусском или русском языках.

В целом, как отмечал М. Вейнгер, в 1929 г. 40% гуманитарных, 15% естественнонаучных

и 10% математических дисциплин читались на идише [2, 157]. Итоговые экзамены также сдавали на идише [2, 158].

Для более детального изучения языка и практического его применения в 1924/1925 учебном году при еврейском отделении педагогического факультета начала работу семилетняя опытно-показательная школа № 13 [8, л. 6]. Тут студенты (не только еврейской секции) проходили педагогическую практику.

Функционировал специальный кабинет иудаики, в котором была собрана тематическая литература на идише. На закупку дополнительной литературы, а также на издание учебных и методических пособий ежегодно правлением БГУ выделялось 1000 руб.

В 1927 г. был осуществлен первый набор в аспирантуру БГУ среди студентов еврейского отделения. Наиболее способные из них (5 человек) стали аспирантами при кафедрах идишского и немецкого языкознания, литературы, биологии и физики [9, л. 362].

Несмотря на динамичное развитие отделения, абитуриенты, однако, все неохотнее подавали туда документы: в 1924 г. на первый курс было зачислено 133, в 1925 г. – 81, в 1926 г. – всего 78 студентов [2, л. 111].

В 1929/1930 учебном году в еврейской секции (на пяти курсах) обучался 201 студент: на литературно-лингвистическом отделении – 58, на социально-историческом – 43, на естествознании – 62, на физико-математическом – 38 человек [2, 158].

Сокращение численности студентов, на наш взгляд, было связано с тем, что еврейская молодежь предпочитала получить образование на белорусском и (или) русском языках, поскольку

именно эти языки предоставляли возможности для продвижения по общественной и карьерной лестнице.

Как уже отмечалось выше, открытие и функционирование еврейского отделения БГУ находилось в прямой зависимости от политической курса советской власти. Специалисты, получившие высшее образование на идише, должны были способствовать развитию национальной культуры на новой идеологической основе [11, л. 81]. В январе 1930 г. еврейское отделение БГУ было расформировано. Студенты продолжили обучение на своих факультетах, а преподаватели были переведены на другие кафедры или в иные учреждения.

Вывод. Таким образом, открытие еврейской секции (отделения) в БГУ было обусловлено политическими задачами советской власти. Поскольку для внедрения в еврейскую массу повседневного языка идиш как альтернативы «контрреволюционному» (религиозному) языку иврит и социализации еврейского населения требовались специалисты с хорошей языковой подготовкой и широким кругозором.

Для эффективной деятельности еврейского отделения преподавателям БГУ пришлось решить ряд образовательных задач: разработать учебные программы, перевести на идиш научную терминологию и пр. Однако эти усилия не привели к популяризации данного отделения среди еврейской молодежи. Будущие студенты сознательно отказывались от получения высшего образования на национальном языке, поскольку это ограничивало их возможности в дальнейшем трудоустройстве и социализации.

С изменением политических партийных установок еврейское отделение БГУ было закрыто.

Литература

1. Белорусский университет (беседа с зам. ректора БГУ проф. С. З. Каценбогиным) // Газета «Звезда». № 255 (939). 30 октября 1921.
2. Вейнгер М. Б. Яўрэйская секцыя педфаку Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэту (мова арыгінала – ідыш) // Працы БДУ. 1929. № 23. С. 157–158.
3. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). Ф. 42. Оп. 1. Д. 1869.
4. Российская еврейская энциклопедия (РЕЭ). В 9 т. Т. 2. Биографии: К – Р. М., 1995. 524, [2] с.
5. Басин Я. Языковая культура евреев Беларуси в 20-е гг. [Электронный ресурс]. URL: <https://jewishfreedom.jimdo.com> (дата обращения: 07.08.2017).
6. НАРБ. Ф. 205. Оп. 1. Д. 41.
7. НАРБ. Ф. 205. Оп. 1. Д. 82.
8. НАРБ. Ф. 205. Оп. 1. Д. 820.
9. НАРБ. Ф. 44. Оп. 1. Д. 1185.
10. НАРБ. Ф. 701. Оп. 1. Д. 40.

References

1. Belarusian State University (conversation with Vice-Rector Prof. S. Katsenbogin). *Gazeta "Zvezda"* [Newspaper "Star"], 1921, 30 October, no. 255 (939) (In Russian).
2. Veynger M. B. Jewish section of the pedagogical faculty of the Belarusian State University. *Pratsy BDU* [Proceedings of BSU], 1922, no. 23, pp. 157–158 (In Yiddish).

3. *Natsional'nyy arkhiv Respubliki Belarus' (NARB)* [The National Archives of the Republic of Belarus (NARB)]. Fund. 42. I. 1. F.1869.

4. *Rossiyskaya yevreyskaya entsiklopediya (PYeE)* [Russian Jewish Encyclopedia]. In 9 vol. Vol. 2. Moscow, 1995. 524, [2] p. (In Russian).

5. Basin Ya. *Yazykovaya kul'tura yevreev Belarusi v 20-ye gg.* [Language culture of the Jews of Belarus in the 20-ies]. Available at: <https://jewishfreedom.jimdo.com> (accessed 08.07.2017).

6. NARB. Fund 205. I. 1. F. 41.

7. NARB. Fund 205. I. 1. F. 82.

8. NARB. Fund 205. I. 1. F. 820.

9. NARB. Fund 44. I. 1. F. 1185.

10. NARB. Fund. 701. I. 1. F.40.

Информация об авторе

Мосейчук Людмила Ивановна – научный сотрудник Центра проблем развития образования. Белорусский государственный университет (220030, г. Минск, пр-т. Независимости, 4, Республика Беларусь). E-mail: Mosejchuk@tut.by

Information ab outthe author

Maseichuk Liudmila Ivanovna – Researcher, Center for Issues of Education Development. Belarusian State University (4, Nezavisimosti Ave., 220030, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: Mosejchuk@tut.by

Поступила 08.09.2017

УДК 327(470+476):378

В. Е. Козляков

Белорусский государственный технологический университет

**РОЛЬ СОЮЗНОГО ГОСУДАРСТВА В РАЗВИТИИ МЕЖВУЗОВСКОГО
СОТРУДНИЧЕСТВА БЕЛАРУСИ И РОССИИ**

Важным направлением совместной деятельности вузов Беларуси и России является развитие межрегионального сотрудничества. Беларусь взаимодействует с 65 регионами России в сфере образования и молодежной политики, в том числе с 38 регионами в рамках региональных программ сотрудничества. Развитию межрегионального сотрудничества во многом способствуют реализация ежегодных совместных проектов, организация выставок, обмена делегациями школьников, студентов и преподавателей, проведение ставших уже традиционными Дней образования Республики Беларусь в регионах Российской Федерации. Определенный опыт сотрудничества с российскими вузами накопили Белорусский национальный технический университет, Белорусский государственный технологический университет, другие белорусские высшие учебные заведения. Межвузовское сотрудничество Беларуси и России включает в себя разнообразные направления, способствует подготовке высококвалифицированных специалистов, укрепляет научно-технический потенциал Союзного государства, помогает формированию гражданина-патриота.

Ключевые слова: Союзное государство, белорусско-российские отношения, межрегиональное сотрудничество, межвузовское сотрудничество, подготовка высококвалифицированных специалистов.

U. Ye. Kazliakou

Belarusian State Technological University

**THE ROLE OF THE UNION STATE IN THE DEVELOPMENT
OF BELARUS AND RUSSIA UNIVERSITY PARTNERSHIP**

An important direction of joint activity of universities in Belarus and Russia is the development of interregional cooperation. Belarus cooperates with 65 regions of Russia in the field of education and youth policy, including 38 regions within the framework of regional cooperation programs. The development of interregional cooperation is greatly facilitated by the implementation of annual joint projects, the organization of exhibitions, the exchange of delegations of schoolchildren, students and teachers, the holding of traditional Days of Education of the Republic of Belarus in the regions of the Russian Federation. A certain experience of partnership with Russian universities was accumulated by the Belarusian National Technical University, the Belarusian State Technological University, and other Belarusian higher educational institutions. Inter-university cooperation between Belarus and Russia includes a variety of areas, contributes to the training of highly qualified specialists, strengthens the scientific and technical potential of the Union State, and helps the formation of a patriotic citizen.

Key words: Union State, Belarusian-Russian relations. Interregional cooperation, university partnership, training of highly qualified specialists.

Введение. Развитие Союзного государства предполагает активное участие молодежи, прежде всего вузовской, в реализации образовательных и научно-технических программ, воспитании гражданина-патриота. Вопросы межвузовского сотрудничества Беларуси и России нашли свое воплощение в Концепции социального развития Союзного государства на 2011–2015 годы. Тем не менее в средствах массовой информации, научных изданиях эта тема не получила широкого отражения, хотя уже можно говорить о накопленном опыте вузами Беларуси и России. Материалы по данной теме публиковали некоторые интернет-ресурсы.

Основная часть. В сфере образования Россия и Беларусь достигли хороших интеграци-

онных показателей. Мы признаем дипломы друг друга. Наши дети от дошкольного возраста и до послевузовского образования имеют право получать его и на бесплатной основе как на территории Республики Беларусь, так и на территории Российской Федерации. В 2016 г. в вузах России обучается 18 тыс. молодых людей из Беларуси, в вузах Беларуси – 2 тыс. из России. На общих основаниях они получают стипендии и живут в общежитиях.

Важным направлением совместной деятельности является развитие межрегионального сотрудничества. Беларусь взаимодействует с 65 регионами России в сфере образования и молодежной политики, в том числе с 38 регионами в рамках региональных программ сотрудничества.

Наиболее динамично развивается взаимодействие с органами управления образованием и учреждениями образования Москвы, Санкт-Петербурга, Московской, Смоленской, Брянской областей, Северо-Западного федерального округа, Краснодарского и Ставропольского краев.

Развитию межрегионального сотрудничества во многом способствуют реализация ежегодных совместных проектов, организация выставок, обмена делегациями школьников, студентов и преподавателей, проведение ставших уже традиционными Образовательных дней Республики Беларусь в регионах Российской Федерации [1].

С участием Союзного государства построен и оборудован в г. Минске филиал Российского государственного социального университета (РГСУ). Успешно работает Минский филиал Московского государственного университета экономики, статистики и информатики (МЭСИ). Важную роль в расширении сотрудничества в сфере высшего образования играет Белорусско-Российский университет в г. Могилеве (БРУ), где обучаются студенты за счет средств Республики Беларусь и федерального бюджета Российской Федерации (ежегодно в БРУ обучается свыше 7 тыс. студентов, в том числе около 500 человек – за счет средств федерального бюджета Российской Федерации).

Активно развивается сотрудничество между конкретными вузами наших стран. Так, у Белорусского национального технического университета (БНТУ) сложились тесные творческие связи с Нижегородским техническим университетом, Московским инженерно-физическим институтом, Ижевским государственным техническим университетом. В практике межвузовского сотрудничества – совместные научные конференции, реализация научных программ, разработка совместных учебных планов и др.

С 2012 г. БНТУ проводит у себя форумы проектов программ Союзного государства, итоги которых получили высокую оценку научной общественности. В 2016 г. в Минске прошел V Форум вузов инженерно-технологического профиля. В нем участвовали преподаватели, студенты, магистранты, аспиранты восьми белорусских и двух десятков российских университетов, а также представители Казахстана, стран Балтии, Украины, Польши.

«Форум стал традиционным, это свидетельствует о его значимости и большом потенциале, – отметил ректор БНТУ Б. Хрусталева. – Эта форма сотрудничества значительно повысила межвузовскую мобильность студентов и преподавателей, позволяет ученым Беларуси и России сверить позиции, увеличивает экспортную привлекательность образовательных услуг

наших стран, интеграцию в мировое образовательное и научное пространство» [2]. На прошедшем форуме нестандартно мыслящая молодежь получила возможность обкатать оригинальные идеи, набраться практического опыта их реализации. Для изобретательных студентов, аспирантов, магистрантов, молодых преподавателей состоялись питчинг-сессия на тему молодежных проектов Союзного государства, семинар по правилам презентации проекта, менторские сессии по подготовке проекта к защите, мастер-класс по философии инженерно-производственного бизнеса, турнир по робототехнике, другие полезные мероприятия.

Белорусский государственный технологический университет (БГТУ) активно сотрудничает со многими учебными и научными центрами Российской Федерации. В настоящее время в БГТУ действует 42 договора о научно-техническом сотрудничестве. Среди основных направлений взаимодействия с российскими вузами и научными центрами необходимо отметить следующие: осуществление совместных прикладных исследований в инновационной, научно-технической и образовательной деятельности; реализация международных научно-исследовательских проектов и грантов по разным источникам финансирования; организация совместных конференций, семинаров, симпозиумов с привлечением заинтересованных партнеров и участие в их работе профессорско-преподавательского состава, аспирантов, магистрантов и студентов сторон; публикация совместных результатов научных исследований в отечественных и зарубежных научных журналах; организация академической мобильности студентов, магистрантов и аспирантов для выполнения всех видов учебной работы; проведение совместных международных предметных олимпиад, творческих конкурсов, конкурсов научных работ студентов и магистрантов, дипломных проектов (работ) и др.

Следует отметить, что Постоянный Комитет Союзного государства регулярно проводит конкурсы на лучшую научную работу по истории. Здесь важная роль принадлежит историческим факультетам МГУ и БГУ. Расширяются связи университетов технического и естественного профилей, в том числе и по гуманитарным наукам. Так, сотрудники кафедры истории Беларуси и политологии Белорусского государственного технологического университета и сотрудники гуманитарных кафедр Кубанского государственного университета провели совместное исследование в 2012–2014 гг. по теме «Народы России и Беларуси: исторический опыт и современные проблемы взаимопознания». Тема была утверждена Белорусским

фондом фундаментальных исследований и Российским гуманитарным научным фондом в 2012 г. Результатом этого исследования стало издание в 2017 г. совместной монографии, раскрывающей важные аспекты российско-белорусских отношений.

Белорусские и российские вузы регулярно проводят совместные мероприятия по патриотическому воспитанию молодежи. 2015 г. – особый в истории Союзного государства. Для наших стран он прошел под знаком 70-летия Победы в Великой Отечественной войне. Кроме того, это первый год реализации подписанного в декабре 2014 г. соглашения в сфере молодежной политики, которые дали возможность расширить взаимодействие между странами. В первую очередь расширились территориальные границы сотрудничества, тесные связи установлены с 65 российскими регионами. Дальнейшая реализация соглашения предусматривает поиск новых идей и форм их реализации. С целью развития единого молодежного информационного пространства, более широкого информирования молодежи Беларуси и России о проводимых совместных мероприятиях, обсуждения актуальных вопросов молодежной политики в социальной сети «ВКонтакте» начал реализацию новый проект «Молодежь Союзного государства» [3].

10–11 ноября 2016 г. в Бресте прошло 47-е заседание постоянно действующего семинара при Парламентском Собрании Союза Беларуси и России по вопросам строительства Союзного государства на тему «Проблемы и перспективы развития различных направлений туристской деятельности в Союзном государстве». У нашего интеграционного образования есть значительный потенциал для развития внешнего образовательного туризма. Об этом заявил участник заседания семинара, заведующий кафедрой государственного и муниципального управления Российского экономического университета имени Г. Плеханова Р. Абрамов. «Сейчас мы выходим с идеей о том, чтобы восстановить количество иностранных студентов, которые приезжали в наши страны в советский период. У нас огромный потенциал в этом направлении», – отметил он. На данный момент в России и Беларуси учится 4% иностранных граждан от общего числа студентов, тогда как в других государствах этот показатель достигает 15–20%.

По словам Р. Абрамова, на данный момент главной задачей является восстановление сегмента, который был задействован ранее, – страны Азии, Африки и Востока, а также страны СНГ. Он предложил создать Союзное образовательное агентство – структуру, которая займется привлечением студентов в институты

и университеты России и Беларуси. «Кроме учебы, иностранные студенты приезжают и знакомятся с государствами и их историей. Это более длительный вид туризма, в отличие от делового, который можно назвать кратковременным. Пока эта ниша у нас не заполнена, поэтому перспективы развития очень большие», – заключил специалист [4].

Межвузовское сотрудничество двух стран предполагает использование уже апробированных и создание новых направлений. На заседании круглого стола «Развитие белорусско-российского сотрудничества в сфере образования и патриотического воспитания молодежи: новые возможности при участии региональных и деловых кругов», состоявшегося 5 декабря 2016 г., консультант отдела идеологической и воспитательной работы Министерства образования Беларуси Л. Емельянчик рассказала, что в рамках Союзного государства реализуется ряд проектов, которые пользуются популярностью среди молодежи в России и Беларуси. Это велопробег Союзного государства, олимпиада школьников «Беларусь – Россия: историческая и духовная общность», проект по развитию студотрядовского движения «Молодежь строит союз» и многие другие.

В рамках этого проекта белорусские и российские студенты получают возможность поучаствовать в возведении Белорусской АЭС. «Попасть на эту стройку века достаточно трудно. Нужно хорошо постараться, чтобы заслужить это почетное право», – подчеркнула Л. Емельянчик.

Она также отметила особое значение Третьего форума регионов Беларуси и России, в ходе которого в этом году был принят ряд серьезных решений по сотрудничеству наших стран в сфере образования и молодежной политики. Так, подписана программа туристско-экскурсионных маршрутов, рекомендованных для использования на территории России и Беларуси [5].

Недавно президиум Научно-консультативного совета Парламентского собрания Беларуси и России с представителями общественности обсудил вопросы формирования единого общеобразовательного пространства Союзного государства.

Участники заседания сошлись во мнении о необходимости провести инвентаризацию законодательных и нормативных актов в образовательной и трудовой сферах, а также приняли решение предложить союзным парламентариям внести на рассмотрение в профильные министерства вопрос об унификации правил приема в высшие учебные заведения Беларуси и России. Это не только ускорит процесс формирования единого образовательного пространства двух стран, но и будет способствовать обеспечению равных прав граждан Союзного государства [6].

Заключение. Таким образом, межвузовское сотрудничество Беларуси и России включает в себя разнообразные направления, способствует подготовке высококвалифицированных специалистов, укрепляет научно-технический потен-

циал Союзного государства, помогает формированию гражданина-патриота. Важно, чтобы указанные направления наполнялись новым содержанием, обогащались новыми формами сотрудничества.

Литература

1. Информация о проведении согласованной политики в сфере образования в рамках реализации Концепции социального развития Союзного государства на 2011–2015 годы [Электронный ресурс]. Информационно-аналитический портал Постоянного Комитета Союзного государства. URL: www.postkomsg.com/activities/various/ (дата обращения: 12.12.2014).
2. Бибииков В. Креатив и позитив // СБ. Беларусь сегодня. Приложение «Союз / Беларусь – Россия». 2016. 27 окт. С. IV.
3. Белорусско-российский молодежный форум предлагается провести в 2016 г. [Электронный ресурс]. URL: www.belta.by/society/view (дата обращения: 24.11.2015).
4. В Союзном государстве предлагают создать российско-белорусское образовательное агентство [Электронный ресурс]. Информационно-аналитический портал Союзного государства. URL: www.soyuz.by (дата обращения: 11.11.2016).
5. В сфере образования и молодежной политики Беларусь сотрудничает с 65 российскими регионами [Электронный ресурс]. Информационно-аналитический портал Постоянного комитета Союзного государства. URL: www.soyuz.by (дата обращения: 05.12.2016).
6. Союзные парламентарии обсудили вопросы формирования единого образовательного пространства Беларуси и России [Электронный ресурс]. Информационно-аналитический портал Постоянного Комитета Союзного государства. URL: postkomsg.com/news/politikaekonomika/210403 (дата обращения: 23.09.2016).

References

1. *Informatsiya o provedenii soglasovannoy politiki v sfere obrazovaniya v ramkakh realizatsii Kontseptsii sotsial'nogo razvitiya Soyuznogo gosudarstva na 2011–2015 gody* [Information on the implementation of the coordinated policy in the field of education in the framework of the implementation of the Concept of the Social Development of the Union State for 2011–2015]. Informational and analytical portal of the Permanent Committee of the Union State. Available at: www.postkomsg.com/activities/various. (accessed 12.12.2014).
2. *Bibikov V. Creative and positive. SB. Belarus' segodnya. Prilozheniye "Soyuz / Belarus – Rossiya"* [TB. Belarus Today. Appendix "Union / Belarus – Russia"], 2016, Oct. 27. P. IV (In Russian).
3. *Belorussko-rossiyski molodezhnyy forum predlagayetsya provesti v 2016 g.* [The Belarusian-Russian Youth Forum is proposed to be held in 2016]. Available at: www.belta.by/society/view (accessed 24.11.2015).
4. *V Soyuznom gosudarstve predlagayut sozdat' rossiysko-belorusskoye agentstvo* [In the Union State, it is proposed to create a Russian-Belarusian educational agency]. The Information and Analytical Portal of the Union State. Available at: www.soyuz.by (accessed 11.11.2016).
5. *V sfere obrazovaniya i molodezhnoy politiki Belarus' sotrudnichaet s 65 regionami* [In the sphere of education and youth policy Belarus cooperates with 65 Russian regions]. Information and analytical portal of the Permanent Committee of the Union State. Available at: www.soyuz.by (accessed 05.12.2016).
6. *Soyuznyye parlamentarii obsudili voprosy formirovaniya yedinogo obrazovatel'nogo prostranstva Belarusi i Rossii* [Union parliamentarians discussed the formation of a unified educational space for Belarus and Russia]. Information and analytical portal of the Standing Committee of the Union State. Available at: postkomsg.com/news/politikaekonomika/210403 (accessed 23.09.2016).

Информация об авторе

Козляков Владимир Егорович – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории Беларуси и политологии. Белорусский государственный технологический университет (220006, г. Минск, ул. Свердлова, 13а, Республика Беларусь) E-mail: kozlyakov-ve@mail.ru.

Information about the author

Kazliakou Uladzimir Yegorovich – DSc (History), Professor, Professor, the Department of History of Belarus and Political Science. Belarusian State Technological University (13a, Sverdlova str., 220006, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: kozlyakov-ve@mail.ru.

Поступила 10.09.2017

УДК 355.42.424

А. А. Зайцев¹, Н. В. Зайцева²¹Военная академия Республики Беларусь²Белорусский национальный технический университет**СТРОИТЕЛЬСТВО СИСТЕМЫ
ПРОТИВОРАКЕТНОЙ ОБОРОНЫ НАТО В ЕВРОПЕ**

На обострение напряженности в Европе серьезное влияние оказывает наращивание военного потенциала НАТО на территориях государств бывшего Варшавского договора – Румынии, Болгарии, Венгрии, Польши, Прибалтийских стран. Особое место в создании негатива между Западом и Востоком оказывает строительство системы противоракетной обороны (ПРО) НАТО на границах России и Беларуси, которое планируется завершить после 2020 г. В прошлом году на Варшавском саммите уже объявлено о включении в состав системы ПРО НАТО в Европе объектов противоракетной обороны США в Румынии (ПУ противоракет SM-3, РЛС типа AN/SPY), Турции (РЛС AN/TPY-2) и Испании (четыре корабля с противоракетами SM-3).

Ключевые слова: противоракетная оборона, система ПРО НАТО, противовоздушная оборона НАТО.

A. A. Zaytsev¹, N. V. Zaytseva²¹Belarus Military Academy of the Republic of Belarus²Belarusian National Technical University**BUILDING NATO'S MISSILE DEFENCE SYSTEM IN EUROPE**

Tensions in Europe seriously influenced by the military build-up of NATO on the territories of the States of the former Warsaw Pact countries-Romania, Bulgaria, Hungary, Poland, the Baltic countries. A special place in the creation of the negativity between the West and the East has the construction of the missile defense system (NMD) on the borders of Russia and Belarus, which is scheduled to be completed after 2020 in last year's Warsaw Summit has already announced the inclusion of a NATO missile defence system in Europe, the United States missile defense facilities in Romania (PU SM-3 interceptors, radar type AN/SPY), Turkey (AN/TPY-2) and Spain (four ships with protivoraketami SM-3).

Key words: missile defense, NATO's missile defense system, NATO'S air defence.

Введение. Руководство Североатлантического союза придает большое значение созданию противоракетной обороны (ПРО) НАТО в Европе. Планы создания ПРО в Европе разрабатывались с начала 2000-х годов. основополагающим решением в данной области стала одобренная на Пражском саммите альянса (2002) инициатива по разработке концепции создания потенциала ПРО НАТО для защиты территорий, войск и важных объектов стран блока в Европе. Необходимость создания ПРО якобы заключалась в предотвращении ракетных ударов со стороны Ирана.

Основная часть. Проведенный анализ документов и материалов саммитов НАТО показывает, что в начале для реализации данной инициативы было проведено технико-экономическое исследование, которое позволило определить потенциальные возможности европейских стран-участниц и их военно-промышленного комплекса в создании ПРО [1].

В дальнейшем руководством альянса был выполнен комплекс мероприятий, направленных на обеспечение реализации планов создания системы ПРО НАТО.

На Бухарестском саммите альянса (2008) все его участники одобрили планы США по развертыванию в Европе элементов американской глобальной системы ПРО. Кроме того, была поддержана идея сопряжения американских и имеющихся в объединенной системе противовоздушной обороны (ПВО) блока европейских средств ПВО со средствами ПРО.

На саммите НАТО в Лиссабоне (2010) было принято принципиальное политическое решение о создании системы ПРО альянса. В соответствии с ним руководство Североатлантического союза приступило к разработке концептуальных документов по созданию интегрированной системы ПВО/ПРО.

В 2012 г. стратегическое командование реформирования ОВС блока (Норфолк, США) разработало документ «Концепция создания интегрированной системы ПВО/ПРО НАТО» [2].

В соответствии с данным документом строительство интегрированной системы ПВО/ПРО предполагает на основе имеющихся в распоряжении НАТО средств связи и автоматизированного управления сопряжение двух подсистем –

существующей **объединенной системы ПВО и перспективной системы ПРО блока.**

Концепция определяет направления повышения (сохранения) боевых возможностей сил и средств, устанавливает требования к их боевой готовности, а также распределяет полномочия между коалиционными и национальными органами. Изучение изложенных в документе подходов по реализации возможностей альянса в области эффективной организации ПРО показывает, что они в значительной степени зависят от успешной реализации четырех основных направлений строительства интегрированной системы ПВО/ПРО НАТО: развитие автоматизированной системы боевого управления, связи и разведки; совершенствование разведывательного обеспечения; проведение мероприятий активной ПВО; принятие мер пассивной ПВО.

Что будут представлять собой эти системы?

Автоматизированная система боевого управления, связи и разведки является основой для интеграции противовоздушных и противоракетных средств. Данная система предполагает четкие административные процедуры, а также информационный обмен между всеми задействованными структурами.

В соответствии с планами строительства ПРО НАТО для управления противоракетными силами и средствами на стратегическом уровне предполагается задействовать объединенную автоматизированную информационно-управляющую систему стратегических командований ОВС НАТО «Би-СК АИС» (Bi-SC AIS) и универсальную единую систему связи и обмена данными «Нгкс», на оперативном и тактическом уровне – АСУ объединенными ВВС и ПВО альянса «Аккс», при этом необходимо заниматься их постоянным совершенствованием в случае возникновения новых ракетных угроз и созданием улучшенных образцов противоракетного вооружения [3].

Достоверное и полное разведывательное обеспечение рассматривается в качестве необходимого условия для оценки текущей обстановки, принятия решения о применении систем оружия и организации управления для осуществления комплексных задач ПВО/ПРО. Система разведывательного обеспечения призвана способствовать созданию так называемой *обобщенной картины оперативной обстановки*, через которую будут поступать данные раннего предупреждения о потенциальных угрозах воздушного и ракетного нападения и распределяться объекты поражения.

Активная ПВО предполагает задействование оборонительных средств ПВО (при поддержке других сил и средств) в интересах уничтожения (подавления) средств воздушного

нападения и баллистических ракет или снижения эффективности наносимых ударов.

Мероприятия пассивной ПВО должны способствовать повышению живучести сил и средств путем снижения возможности наведения на них ударных систем, а также сведения к минимуму эффективности средств воздушной и космической разведки противника. Они позволяют снизить возможности противника по наведению на цели средств поражения, обеспечить защиту своих средств, объектов и важных районов от воздушных и ракетных ударов путем уменьшения степени их уязвимости, а также оперативно восстановить их после нанесенных ударов.

Исследование показывает, что эти мероприятия предусматривают следующее: задействование систем тревог и раннего предупреждения об опасности, передачу срочной информации о возможных ракетных пусках, маскировку жизненно важных объектов и средств, физическую защиту зданий и убежищ, рассредоточение объектов возможного поражения, введение противника в заблуждение, применение технологии «стэлт». Кроме того, запланированы мероприятия по контролю над электромагнитными излучениями, обеспечению скрытности проведения операций, защите от ОМП. При необходимости пассивные меры ПВО могут осуществляться во взаимодействии с гражданскими организациями, что позволит минимизировать ущерб от воздушных и ракетных ударов для населения, территории и войск (сил) стран альянса.

Согласно концепции, интегрированная система ПВО/ПРО НАТО по степени готовности к применению должна быть легко адаптируемой для мирного времени, кризиса и конфликта.

Для координации усилий военно-промышленного комплекса стран-участниц по строительству ПРО альянса создана консультативная промышленная группа (КПГ), «НИАГ» (NIAG), специалистами которой сформирован перспективный облик и в настоящее время разрабатываются основные направления строительства системы ПРО НАТО, в рамках которой разрабатываются подсистемы: разведки, боевого управления и связи; информационно-разведывательная; противоракетных комплексов и всестороннего обеспечения.

В интересах решения информационно-разведывательных задач планируется использовать средства наземного, морского, воздушного и космического базирования.

Сухопутный компонент средств **информационно-разведывательного** обеспечения развивается по следующим направлениям:

– модернизация уже принятых на вооружение РЛС ПВО дальнего радиуса действия (DADR/ FADR, «Мастер-А400/500», AN/TPS-80,

AN/TPS-77, FPS-117 и EL/M-2080), эксплуатируемых в интересах объединенной системы ПВО НАТО, и станций, создаваемых в рамках многонациональных программ, например зенитно-ракетных комплексов (ЗРК) «Меадс», с целью придания им способности по решению задач раннего обнаружения, сопровождения и селекции баллистических целей на среднем и конечном участках их траектории, оценке результатов стрельбы, а также по выдаче целеуказаний взаимодействующим противоракетным комплексам и ЗРК объектовой системы ПВО;

– принятие на вооружение и поставка в войска РЛС ПРО (AN/TPY-2, AN/SPY-1), выпуск которых уже освоен промышленностью.

При этом на отдаленную перспективу (после 2020 г.) запланирована совместная разработка европейской РЛС ПРО и создание объединенной сети радиолокационных постов, размещенных на территории стран региона. Наибольший вклад в создание данной системы вносят фирмы «БАЭ системз», «Кассидиан», «Индра», «Селекс» и «Талес».

При разработке **морских радиолокационных систем** основное внимание направляется на совершенствование принятых на вооружение РЛС ПВО дальнего радиуса действия («Эмпар», «Смарт-L», S1850M, AN/SPY-ID, «Сэмпсон») и оптико-электронных систем поиска и сопровождения целей, выпускаемых фирмами «Талес» и «Нортроп-Грумман», для придания им возможностей ПРО, а также создания (после 2020 г.) РЛС нового поколения.

Основное внимание при разработке оптико-электронных **систем воздушного базирования** уделяется созданию бортовой аппаратуры обнаружения инфракрасного диапазона. Данную аппаратуру предполагается устанавливать на беспилотных летательных аппаратах (БЛА) типа «Глобал Хок» или других летательных аппаратах.

Технологической основой этих комплексов могут служить уже принятые на вооружение системы производства компании «Нортроп-Грумман» – проект EO DAS (применяется на тактических истребителях F-35 «Лайтнинг-2») или «Рейтеон» – проект MTS-B (на БЛА MQ-9 «Предатор»), а также разрабатываемые фирмами «Диль» и «Сажем» – проект «Мирадор» [1].

Космической составляющей информационно-разведывательных комплексов может стать проходящая испытания космическая спутниковая система США STSS1 и разрабатываемая ПТСС. После 2020 г. планируется создать европейскую космическую группировку, обеспечивающую ПРО НАТО.

Основу огневого компонента ПРО блока составят противоракетные комплексы,

осуществляющие перехват на верхнем (на высоте свыше 30 км) и нижнем эшелонах (до 30 км).

Поражение баллистических ракет на верхнем эшелоне будет обеспечиваться противоракетными комплексами «Тхаад», а также наземным и корабельным вариантами системы управления оружием «Иджис» с противоракетами «Стандарт» американского производства. В отдаленной перспективе (после 2020 г.) предполагается разработать и принять на вооружение европейскую противоракету «Астер-30» мод. 2, а также приступить к разработке ракеты-перехватчика нового поколения «Экзогард».

Для поражения целей на нижнем эшелоне планируется использовать находящиеся на вооружении стран НАТО ЗРК «Патриот», «САМП/Т» и «ПААМС», а также разрабатываемый комплекс «Меадс». В ближайшей перспективе их намечается оснастить противоракетами с улучшенными характеристиками – «Патриот» ПАК-3 MSE и «Астер-30» мод. ШТ.

Всестороннее обеспечение строительства ПРО, по мнению натовских специалистов, предполагает реализацию следующих направлений: научно-исследовательская и учебно-боевая деятельность; тыловое и техническое обеспечение; формирование политико-правового поля применения средств ПРО.

В научно-исследовательской и учебно-боевой деятельности разделяют теоретическую и практическую сферы. К теоретической относятся моделирование, аппаратное тестирование, компьютерные учения, а также командно-штабные учения и тренировки. Под практической сферой понимают исследовательскую и учебно-боевую деятельность с осуществлением запусков противоракет. В нее входят разработка и использование мишеней, адекватных предполагаемым целям, тестовые пуски противоракет, учебно-боевые пуски и проведение учений с практической стрельбой.

К мероприятиям тылового и технического обеспечения системы ПРО относятся: организация технического обеспечения на всех этапах жизненного цикла элементов системы, создание единой службы тыла и ее зональных организаций, формирование и ведение единой базы данных поставщиков служб тыла, организация управления и взаимодействия по тыловому обеспечению.

При формировании политико-правового поля применения системы ПРО особое внимание уделяется созданию единой системы стандартов для тылового и технического обеспечения (при содействии агентства НАТО по стандартизации и польского военного центра по стандартизации и контролю WCNJiK), организации единой системы связи (польская фирма

УКЕ), разработке системы отображения обстановки (на базе единой системы КВП и УВД), подключению противоракетной обороны к системе управления кризисами альянса (RAMZES Польша), налаживанию сотрудничества с гражданскими организациями по действиям в чрезвычайных ситуациях [2].

Промежуточные итоги строительства ПРО НАТО нашли подтверждение на саммите Североатлантического союза в Чикаго (2012), где было заявлено о достижении «предварительной оперативной готовности» системы. По мнению военных экспертов блока, в настоящее время это позволяет осуществлять зонально-объекто-

вое прикрытие группировок войск на ТВД от одиночных ударов тактических и оперативно-тактических ракет.

Заключение. В целом характер и содержание проводимых руководством Североатлантического союза мероприятий свидетельствуют о его стремлении выполнить взятые на себя обязательства по развертыванию ПРО в запланированные сроки. Вместе с тем участие европейских стран НАТО в создании системы противоракетной обороны изначально носит ограниченный характер и лишь частично дополняет американские элементы глобальной ПРО, размещаемые в Европе.

Литература

1. Игнат'ев О. Разработка системы противоракетной обороны в Европе // Зарубежное военное обозрение. № 2. Февраль 2015. С. 63–69. URL: <http://www.ebiblioteka.ru/browse/doc/43289864> (дата обращения: 12.02.2017).
2. Круглов В. В., Сосновский М. Е. О тенденциях развития современной вооруженной борьбы // Военная мысль. 1998. № 2. С. 39–45. URL: <http://www.ebiblioteka.ru/browse/issuetext?issue...> (дата обращения: 12.02.2017).
3. Паршин С. А., Горбачев Ю. Е., Кожанов Ю. А. Современные тенденции развития теории и практики управления в вооруженных силах США. М.: ЛЕНАНД, 2009. 272 с.

References

1. Ignat'yev O. Development of missile defence systems in Europe. *Zarubezhnoye voennoye obozreniye* [Visitors. Synonyms. review], 2015, no. 2, February, pp. 63–69. Available at: <http://www.ebiblioteka.ru/browse/doc/43289864> (accessed 12.02.2017).
2. Kruglov V. V., Sosnovskiy M. Ye. On trends of development of modern armed combat. *Voennaya mysl* [Military thought], 1998, no. 2, pp. 39–45. Available at: <http://www.ebiblioteka.ru/browse/issuetext?issue...> (accessed 12.02.2017).
3. Parshin S. A., Gorbachev Yu. Ye., Kozhanov Yu. A. *Sovremennyye tendentsii razvitiya teorii i praktiki upravleniya v vooruzhennykh silakh SSHA* [Modern trends in the development of the theory and practice of management in the armed forces of the United States]. Moscow, LENAND Publ., 2009. 272 p.

Информация об авторах

Зайцев Александр Александрович – кандидат военных наук, доцент, профессор кафедры военной стратегии. Военная академия Республики Беларусь (220057, Минск, пр-т Независимости, 220, Республика Беларусь).

Зайцева Надежда Викторовна – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры политологии. Белорусский национальный технический университет (220013, Минск, пр-т Независимости, 65, Республика Беларусь).

Information about authors

Zaytsev Aleksandr Aleksandrovich – PhD (Military), Associate Professor, Professor, the Department of Military Strategy. Military Academy of the Republic of Belarus (220, Nezavisimosti Ave., 220057, Minsk, Republic of Belarus).

Zaytseva Nadezhda Viktorovna – PhD (History), Associate Professor, Assistant Professor, the Department of Political Science. Belarusian National Technical University (65, Nezavisimosti Ave., 220013, Minsk, Republic of Belarus).

Поступила 14.02 2017

ФИЛОСОФИЯ

УДК 16:37.026.9

В. П. Шалаев

Поволжский государственный технологический университет
(Йошкар-Ола, Российская Федерация)

СИНЕРГЕТИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ ТВОРЧЕСТВА (ОПЫТ ФИЛОСОФСКОГО АНАЛИЗА)

Нет сомнений, что тема творчества носит универсальный характер в человеческой культуре и является одной из центральных проблем философского знания. В философии устойчиво сложился и развивается концепт «философия творчества». Философия творчества нацелена на развитие философского понимания сущности и проявлений творчества, его форм, законов и принципов, его места, роли, социальных функций и миссии в жизни человека и развитии общества. Одно из центральных мест в предметном пространстве проблематики творчества в современной философии занимает тема его механизмов в деятельности человека. Автор статьи описывает творчество как диалектическое единство и дополнительность по крайней мере двух факторов (сторон). Творчество в статье рассматривается как нетривиальная деятельность подготовленного к этому человека. Эта подготовка, во-первых, в категориях готовности личности к творчеству, в своем внутреннем жизненном мире (субъективная сторона творчества – образование, воспитание, мыслительные и духовные способности человека и т. д.). Во-вторых, это его готовность следовать определенным универсальным закономерностям (объективная сторона творчества). Неготовность личности к пониманию и практическому овладению этими законами ведет к творческому фиаско. В центре внимания статьи находятся законы, совпадение, следование которым творческой личности есть условие проявленности творчества в делах человека. Иными словами, автор исходит из идеи творчества как субъектного, субъективно-объективного процесса. В качестве предметного поля для понимания законов творчества автором выбран синергетический подход (теория самоорганизации), способный прочитывать универсальные законы мироздания в единстве объективного и субъективного. Автор, тем самым, ставит смелый и эвристический вопрос о синергетической теории творчества как творческой деятельности человека, учитывающего универсальные законы мироздания.

Ключевые слова: творчество, деятельность, человек, культура, механизмы творчества, синергетика творчества.

V. P. Shalaev

Volga State University of Technology (Yoshkar-Ola, Russian Federation)

SYNERGETIC THEORY OF CREATIVITY (EXPERIENCE OF PHILOSOPHICAL ANALYSIS)

There is no doubt that the theme of creativity is universal in human culture and is one of the central problems of philosophical knowledge. In philosophy, the concept «philosophy of creativity» has steadily developed and is developing. The philosophy of creativity is aimed at developing a philosophical understanding of the essence and manifestations of creativity, its forms, laws and principles, its place, role, social functions and mission in human life and the development of society. One of the central places in the subject space of the problems of creativity in modern philosophy is the theme of its mechanisms in human activity. The author of the article describes creativity as a dialectical unity and complementarity of at least two factors (sides). Creativity in the article is regarded as a non-trivial activity of a person prepared for this. This preparation, first, in the categories of the individual's readiness for creativity, in his inner life world (the subjective side of creativity is the education, upbringing, mental and spiritual abilities of a person, etc.). Secondly, it is his willingness to follow certain universal laws (the objective side of creativity). The unreadiness of the individual to understand and master these laws, leads to a creative fiasco. The focus of the article is on laws, the coincidence, which follows the creative personality – is a condition for the manifestation of creativity in the affairs of man. In other words, the author proceeds from the idea of creativity as a subjective, subjective-objective process. As the subject

field for understanding the laws of creativity, the author chose a synergetic approach (the theory of self-organization), capable of reading the universal laws of the universe, in the unity of the objective and subjective. The author, thus, puts a bold and heuristic question about the synergetic theory of creativity, as a creative activity of a person, taking into account the universal laws of the universe

Key words: creativity, activity, man, culture, mechanisms of creativity, synergetics of creativity.

Введение. Тема творчества – особый философский вопрос и особая социальная проблема одновременно. Сущностное понимание и владение творчеством – это не только важнейшая гуманитарная тема из сферы культуры, искусства, духовной жизни народов, но и одна из центральных практических цивилизационных проблем современности, охватывающая собой всю совокупность сторон и измерений развивающегося материального мира человеческой цивилизации.

Среди наиболее насущных практических цивилизационных контекстов темы творчества – проблемы в области устойчивого и безопасного развития человека, охватывающие процессы в энергетике, промышленности, сельском хозяйстве, и также технологий, связанных с системами питания, строительства, здравоохранения, промышленности, транспорта и связи, информационных систем, права, политики, науки, управления, образования и т. д. Культурное измерение востребованности творчества не менее масштабно и не менее значимо для жизни человека и общества. Творчество широко охватывает и глубоко пронизывает всю совокупность духовной жизни человека. Творчество может рассматриваться в качестве глубинного свойства и фактора человеческой жизни. Заключенные в нем принципы игры с реальностью и самим собой – важный фактор развития человека в его истории как человека играющего [7].

Все более актуальным становится творчество и для бытия современного человека. Современность, связанная с новыми вызовами, – глобализацией, западофикацией, потреблением, виртуализацией человеческих отношений, наступлением массовой культуры и их противоречивыми следствиями – разрушением традиционных поддерживающих человека социальных институтов (традиционная мораль, семья, кровное родство, коллективизм, религия и т. д.), существенно осложнила и по-новому проблематизировала жизнь человека [9, 10]. Все большее значение для актуального бытия человека приобретают быстро распространяющиеся и многообразные по своим формам феномены отчуждения, объективации и связанная с ними девиация [2]. Все они становятся важным фактором деформации и разрушения внутреннего и внешнего жизненного мира человека, его равновесий и гармонии жизни. Капитализация мира, прорывающаяся за наступающей на человека

глобализацией, западофикацией, потребительством, ложными формами либерализации (псевдолиберализация) [12], ведет к обострению и напряжению в области отношений человека к себе и своему окружению. Все большую остроту приобретает проблема связи времен, единства поколений, смысла жизни человека во все более сложном и манипулятивном обществе, умножая количество жертв девиантного поведения [12]. Мы все больше осознаем себя свидетелями «последней черты» в развитии технологичной цивилизации и ее стремлении «улучшить человека», разрушив его биосоциальную сущность [5]. В зону риска попали многие науки, в особенности академические и сама философия, статус которой в обществе существенно снизился, побуждая ее к новым смелым и ответственным обобщениям современности [11]. Вызовов много, и творчество, несомненно, может и должно рассматриваться нами в качестве важного фактора («пилюли») против примитивизации и разрушения человека.

Основная часть. Для полноты восприятия исследуемой темы творчества, ее сущности и механизмов реализации рассмотрим некоторые базовые концепты, сформулированные в классической духовной культуре. Для нас отправным пунктом в этом вопросе станет наследие великой русской религиозной традиции. Наиболее глубоко к существу вопроса, наверное, подошли Н. Бердяев и И. Ильин. Оба, но по-разному, исповедовали и развивали русскую религиозную философскую традицию 19 – начала 20 века. Так, великий русский религиозный философ Н. Бердяев, развивая идею божественной сущности человека, утверждает, что творчество – это свойство деятельной личности, это всегда акт создания из ничего [1, с. 116]. И. Ильин также считал творчество деятельным свойством человека как творца и посредника между миром бога и миром вещей. Творческий человек подобен художнику, который с помощью разнообразных форм (краски, звуки, слова и т. д.) способен воссоздать божественное в своих творениях, пропустив его через свое чувство и понимание. Узреть идею во всей полноте и целостности, воссоздать ее в зрелом совершенном виде – такова, по мнению И. Ильина, миссия творческого человека в мире хаоса и неустойчивости [3, с. 399].

Оба философа необычным образом дополняют друг друга в понимании творчества как

процесса, невозможного без определенной внутренней культуры, а также деятельности в актах создания качественно новой духовной и материальной культуры. Во многом эта дополнительность может быть обобщена в диалектическом понимании творчества. Диалектическое понимание творчества предполагает диалектическую динамику противоположностей, развивающуюся путем количественных изменений к качественным скачкам в форме диалектического отрицания к сложности. Понимая творчество диалектически, именно как деятельность по созданию качественно нового, в единстве объективных и субъективных сторон чувства, мысли и деятельности человека, взглянем на этот процесс с позиций креативных ресурсов синергетической методологии, в частности в ее социально-синергетическом измерении. Нами поставлен нетривиальный вопрос: возможна ли синергетическая теория творчества?

Вначале отметим, что исследование креативного ресурса синергетики в общественных и гуманитарных науках и социально-гуманитарной практике современного человека вовсе не надуманная (как считают некоторые исследователи) и чрезвычайно адекватная современности проблема. В пользу этого говорит популярность синергетики в самих гуманитарных и общественных науках, в особенности в области анализа, управления и прогнозирования [8].

Исследователей-гуманитариев и обществоведов привлекает диалектический характер синергетической методологии, заключенный в сформированной ею теории самоорганизации, включающей в себя такие концепты, как организация, самоорганизация, бифуркация, порядок и хаос, нелинейность, аттрактор и др. Что же отличает и что привлекает гуманитариев и обществоведов в этой методологии и ее познавательных и практических ресурсах? Осмысливая отечественный тренд синергетики как теории самоорганизации систем различной природы, отметим труды Н. Н. Моисеева, С. П. Курдюмова, Е. Н. Князевой, В. И. Аршинова, Г. Г. Малинецкого и др.. В небольшой статье привлечем к анализу разработки Н. Н. Моисеева и Е. Н. Князевой, С. П. Курдюмова [8].

Выдающемуся советскому математику Моисееву Н. Н. принадлежит разработка оригинальной синергетической теории универсального эволюционизма общенаучной теории, охватывающей собой всю масштабность эволюции жизни и человека на земле. К разряду наиболее существенных элементов теории универсального эволюционизма относятся, например, «эмпирические обобщения» – предположения, лежащие в основе «единой картины мира» и не противоречащие человеческому опыту. Укажем центральные из них.

1) «Все процессы, протекающие во Вселенной, не детерминированы – мир по природе своей стохастичен. В нем существуют принципиальные неопределенности».

2) «Настоящее и будущее любой материальной системы в той или иной степени определяется прошлым...».

3) «Все процессы развития подчиняются определенным законам. Если мы говорим о неживом мире, то это законы физики и химии, в биологии это, кроме того, принципы естественного отбора и т. д. Все такие законы играют роль определенных принципов отбора. Не все доступное джину, выпущенному из бутылки, может произойти в реальном мире» [6, с. 64–65].

Другим важнейшим концептом теории универсального эволюционизма, несомненно, является теория «адаптационных» и «бифуркационных» механизмов развития. К первым относятся механизмы, обеспечивающие однозначный переход системы в новое состояние при отсутствии случайных, неконтролируемых воздействий на нее. Ко вторым – механизмы, обеспечивающие устойчивость всякой развивающейся системы в ситуациях бифуркаций – неустойчивых переходных состояниях, когда чрезвычайно сильны случайные, неконтролируемые воздействия на систему, способные выводить ее на новый «эволюционный канал» развития. Предсказать заранее эти воздействия и этот канал невозможно [6, с. 66]. Важнейший синергетический смысл имеет и вывод теории универсального эволюционизма о мире как сверхсложной самоорганизующейся системе, грандиозный процесс самоорганизации которой чем-то похож на турбулентное движение жидкости, в которой на время возникают более или менее стабильные структуры (вихри), однажды неизбежно разрушающиеся, но дающие материал для образования новых структур. Подобная модель развития обладает большой эвристической общностью, охватывая собой процессы в неживом и живом мирах, а также и процессы общественного развития. Здесь наиболее интересен феномен бифуркационности, особую роль играющий в переходные периоды развития систем, выступающий ключом к пониманию скачков в эволюции, появлению необратимости в процессах развития Вселенной, задающей направленность в движении материального мира [8].

Существенным для нас может стать и синергетический вклад в гуманитарную и обществоведческую науку, связанный с идеями С. П. Курдюмова и Е. Н. Князевой. Характеризуя синергетику как новое мировидение, исследующее открытые, нелинейные системы, ученые отмечают, что «ее предмет – механизмы

самоорганизации, перехода от хаоса к порядку и обратно, которые не зависят от природы элементов и подсистем» [4]. Особое внимание исследователи обращают на феномен «случайного», играющего доминирующую роль в открытых нелинейных средах, т. е. в средах, не описываемых и не просчитываемых средствами линейной математики. Сущность случайности в том, что она в форме, например, малого воздействия, флуктуации (отклонений, воздействий внутреннего или внешнего характера), способна привести к качественному изменению системы на макроуровне [8]. Проходя через точку бифуркации (ветвления путей эволюции систем), в системе срабатывает механизм диссипации – уничтожения, «выжигания» всех «лишних» вихревых потоков (аттракторов – активных, потенциальных путей эволюции системы, способных притягивать и организовывать окружающую среду по своим законам). Остаются только те потоки, которые и образуют новую структуру, в наибольшей степени соответствующую сложившейся ситуации в среде существования этой системы. Все это позволило исследователям характеризовать случайность как спусковой механизм сложного, нелинейно эволюционирующего мира. Ученые подчеркивают, что «только системы, далекие от равновесия, системы в состояниях неустойчивости способны спонтанно организовывать себя развиваться. Устойчивость и равновесность – это, так сказать, тупики эволюции» [4].

Е. Н. Князева и С. П. Курдюмов могут считаться одними из первых исследователей прикладного поля синергетики в понимании социальных процессов различного уровня сложности – от индивида до человечества и управления ими в интересах человека на принципах самоорганизации и самоуправления [8]. Синергетическое управление опирается на аксиому, утверждающую, что сложная нелинейная система способна на самоорганизацию, т. е. на то, чтобы «себя строить, структурировать, подобно тому, как строит, организует себя человек или наблюдаемая Вселенная в целом, нужно только правильно инициировать желательные для человека тенденции саморазвития этой системы» [4]. В этом заключается и ресурс человеческого участия в управлении сложными системами. Управлять, опираясь на механизмы и пути самоорганизации систем сложной природы, т. е.

соуправлять [8]. Е. Н. Князева и С. П. Курдюмов так обобщают возможности человека в этом процессе.

1) Поскольку всякое развитие многовариантно в своих путях, человек имеет право выбора оптимального для него пути, который можно не только выбрать, но и вычислить, управлять им.

2) Хотя путей развития много, но их количество не бесконечно. Человек может узнать ограничения данной конкретной системы (принцип запрета), сузив тем самым представления о возможных путях.

3) Человек способен описать и рассчитать оптимальные для себя и осуществимые, в плане имеющихся возможностей, «сценарии» развертывания событий и их предполагаемые механизмы (экономические, политические в том числе). Но «самое главное, зная будущее желательное состояние и способы следования естественным тенденциям самоорганизации систем, человек может сократить время выхода на аттрактор, будущую форму организации, тем самым он может миновать многие зигзаги постепенного эволюционного пути, ускорить эволюцию» [4, с. 24].

Заключение. Как все это связано с нашей темой синергетической теории творчества, спросите вы? Связано и непосредственно. Во-первых, с научной методологической точки зрения, как мы увидели на примере рассмотренных подходов, синергетические идеи самоорганизации, бифуркационных и адаптационных механизмов развития, роли случайного и хаоса в развитии систем, синергетических аттракторов и т. д. можно считать научным фундаментом в понимании всякой человеческой деятельности, которая, несомненно, всегда есть процесс связей и отношений человека друг с другом и миром вокруг. Во-вторых, синергетические идеи весьма эвристичны для нас в понимании собственно механизмов творчества, которое всегда есть процесс, связанный с диалектикой традиции и новации, порядка и хаоса, детерминизма и бифуркационности, нормы и отклонения от нее, путями эксперимента и творческого поиска, описываемого континуумом единства человека и мира, наличной человеческой культуры и дифференциала, влекущего человека на просторы новых открытий в бесконечном мире сложности и простоты.

Литература

1. Бердяев Н. Смысл творчества. М.: АСТ; Харьков: Фолио, 2002. 678 с.
2. Иванова С. И., Шалаев В. П. Феномен отчуждения человека в обществе: напряжение нарастает (дискурс социально-философского наследия на западе) // Socio Time / Социальное время. 2015. № 4. С. 33–43.
3. Ильин И. «Религиозный смысл философии», Поющее сердце. М.: АСТ, 2003. 694 с.

4. Князева Е. Н., Курдюмов С. П. Законы эволюции и самоорганизации сложных систем. М.: Наука, 1994. 238 с.
5. Кутырев В. А. У последней черты (против идеологии «улучшения» человека) // Socio Time / Социальное время. 2016. № 3 (7). С. 17–30.
6. Моисеев Н. Н. Пути к созиданию. М.: Республика, 1992. 255 с.
7. Хейзинга Й. Homo Ludens. Человек играющий. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2011. 416 с.
8. Шалаев В. П. Актуальная синергетика: человек и общество в эпоху глобальных трансформаций. Йошкар-Ола: ПГТУ, 2013. 184 с.
9. Шалаев В. П. Бифуркационный человек в глобальном обществе потребления // Socio Time / Социальное время. 2016. № 2 (6). С. 71–81.
10. Шалаев В. П. Осторожно, мутация: человек и общество перед вызовами глобализации, западофикации и потребления: противоречия нарастают // Socio Time / Социальное время. 2015. № 3. С. 48–57.
11. Шалаев В. П. Философское знание на переломе эпох в пространстве глобального капитализма: в поисках нового статуса // Socio Time / Социальное время. 2016. № 12 (5). С. 31–50.
12. Шалаев В. П., Шалаева С. Л. Либеральная (псевдолиберальная) культура как фактор глобальной западофикации и глобального управления // Socio Time / Социальное время. 2016. № 1 (5). С. 112–122.

References

1. Berdyaev N. *Smysl tvorchestva* [Sense of work]. Moscow, AST; Khar'kov, Folio Publ., 2002. 678 p.
2. Ivanova S. I., Shalaev V. P. The phenomenon of alienation of man in society: tension grows (dis-course of socially-philosophical heritage on a west). *Sotsial'noye vremya* [Socio Time], 2015, no. 4, pp. 33–43 (In Russian).
3. P'in I. "Religioznyy smysl filosofii", *Poyushcheye serdtse* ["Religious sense of philosophy". Singing heart]. Moscow, AST Publ., 2003. 694 p.
4. Knyazeva Ye. N., Kurdyumov S. P. *Zakony evolyutsii i samoorganizatsii slozhnykh sistem* [Laws of evolution and самоорганизации of the difficult systems]. Moscow, Nauka Publ., 1994. 238 p.
5. Kutyrev V. A. At the last line (against ideology "of improvement" of man). *Sotsial'noye vremya* [Socio Time], 2016, no. 3 (7), pp. 17–30 (In Russian).
6. Moiseev N. N. *Puti k sozidaniyu* [Ways to creation]. Moscow, Respublika Publ., 1992. 255 p.
7. Kheyzinga Y. *Homo Ludens. Chelovek igrayushchiy* [Homo Ludens. The playing man]. St. Petersburg, Izd-vo Ivana Limbaha Publ., 2011. 416 p.
8. Shalaev V. P. *Aktual'naya sinergetika: chelovek i obshchestvo v epokhu global'nykh transformatsiy* [Current synergy: man and society in an era of global transformations]. Yoshkar-Ola, PGU Publ., 2013. 184 p.
9. Shalaev V. P. Bifurcation of employees in a global consumer society. *Sotsial'noye vremya* [Socio Time], 2016, no. 2 (6), pp. 71–81 (In Russian).
10. Shalaev V. P. Carefully, mutation: the individual and society facing the challenges of globalization, Papadopoli and consumption: contradictions are growing. *Sotsial'noye vremya* [Socio Time], 2015, no. 3, pp. 48–57 (In Russian).
11. Shalaev V. P. Philosophical knowledge at the turn of epochs in the space of global capitalism: in search of new status. *Sotsial'noye vremya* [Socio Time], 2016, no. 12 (5), pp. 31–50 (In Russian).
12. Shalaev V. P., Shalaeva S. L. Liberal (pseudo) culture as a factor of global Papadopoli and global governance. *Sotsial'noye vremya* [Socio Time], 2016, no. 1 (5), pp. 112–122 (In Russian).

Информация об авторе

Шалаев Владимир Павлович – доктор философских наук, профессор, декан факультета социальных технологий. Поволжский государственный технологический университет (424000, г. Йошкар-Ола, пл. Ленина, 3, Российская Федерация). E-mail: shalaevvp@volgatech.net

Information about the author

Shalaev Vladimir Pavlovich – DSc (Philosophy), Professor, Dean of the Faculty of Social Technologies. Volga State University of Technology (3, Lenina Sg., 424000, Yoshkar-Ola, Russian Federation). E-mail: shalaevvp@volgatech.net

Поступила 05.09.2017

УДК 101.8:167/168

П. М. Бурак

Белорусский государственный технологический университет

**ИНВАРИАНТЫ КОЭВОЛЮЦИИ И ИХ ВЗАИМОСВЯЗЬ В ПРИРОДЕ
И СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ РЕАЛЬНОСТИ**

В статье излагаются результаты исследования коэволюционных механизмов в природе и обществе. Конкретизировано содержание понятия коэволюции. Охарактеризованы выявленные инвариантные параметры коэволюционной стратегии: полимодальность, нейтраллизм, фрактальность, единство несамодостаточности, самоизбыточности и самодостаточности. Отмечается единство и взаимосвязь инвариантных тенденций коэволюции как условие формирования коэволюционного стиля мышления. Подчеркивается объективно противоречивый характер коэволюции в единстве процессов упорядочения и разупорядочения. Обозначена авторская версия взаимозависимости коэволюции и ноосферы, а также исторической направленности ноосферогенеза.

Ключевые слова: коэволюция, инварианты коэволюции, фрактальность, полимодальность, нейтраллизм, несамодостаточность, самоизбыточность, самодостаточность, коэволюционный стиль мышления, ноосфера.

P. M. Burak

Belarusian State Technological University

**COEVOLUTION INVARIANTS (PATTERNS) AND ITS INTERRELATION
IN NATURE AND SOCIAL AND CULTURAL REALITY**

The article describes the results of the study of co-evolutionary mechanisms in nature and society. The content of the concept of coevolution is concretized. The revealed invariant parameters of the coevolutionary strategy are characterized: multimodality, neutralism, fractality, unity of self-sufficiency, self-redundancy and self-sufficiency. The unity and interrelation of the invariant tendencies of co-evolution are noted as a condition for the formation of a coevolutionary style of thinking. The objectively contradictory nature of co-evolution in the unity of ordering and disordering processes is emphasized. The author's version of the interdependence of co-evolution and noosphere, as well as the historical orientation of noospheregenesis, is indicated.

Key words: coevolution, invariants of co-evolution, fractality, polymodality, neutralism, self-sufficiency, self-redundancy, self-sufficiency, co-relational style of thinking, noosphere.

Введение. Кризисный характер социоприродного развития с современным мире коррелирует с развитием процессов разобщенности, неравенства и нестабильности во внутрисоциальных отношениях различных стран и между ними под влиянием глобализации. Происходит обострение, углубление и увеличение масштабов социоприродных и внутрисоциальных противоречий в связи с ростом численности людей на Земле. Приобретает планетарные масштабы и требует неотложного ответа вызов, состоящий в необходимости смены антропоцентристски-потребительского проекта жизнеустройства общества на более безопасный и сбалансированный, на основе регулируемой коэволюции в отношениях человека, общества и биосферы. Коэволюционная стратегия соответствует принципам устойчивого развития общества, является нормативным требованием деятельности по формированию более гармоничного, гуманного мироустройства с помощью современного научного знания.

Следовательно, разрабатывать коэволюционную стратегию в качестве ноосферной альтернативы негативным тенденциям социоцентристских предпочтений потребительской цивилизации побуждают ее глобальные, детерминирующие будущее человечества, результаты – антропологический, духовный и экологический кризисы, углубляющееся противоречие между объективными условиями воспроизводства биосферы и доминирующей направленностью социальных требований, заключающихся в постоянном росте благосостояния при увеличивающейся численности населения. Необходимо также подчеркнуть, что практическая реализация стратегии, в основе которой лежит социокультурная установка на воспроизводство монополярной самооценности человека на планете, в контексте современных научных представлений о многомерной его природе, выявляет свою односторонность. Ценность человека как космогеобиопсихосоциального существа обусловлена тем, что он интегрирует в своей единичности

и в своих сообществах множество стихий и свойств всего сущего – природы Земли и космоса, неживой и живой, социальной материи, создаваемой им искусственной реальности. Это означает, что человек по своей телесной организации, по способу связи различных операций в структуре деятельности, по логике взаимосвязей мыслей является коэволюционным существом, продуктом взаимосвязи природной и социокультурной эволюции. Поэтому он сам есть важнейшая предпосылка реальной возможности осуществления регулируемой коэволюции общества и природы.

Необходимость разработки коэволюционной стратегии и коэволюционного стиля мышления в последние десятилетия все более отчетливо выявляется как потребность в формировании такой методологии научного познания, которая являлась бы исходным теоретическим инструментом эффективного решения комплексных научных, научно-технических, социально-экономических, социально-экологических и других актуальных задач, ориентирующих креативную, практическую деятельность на опережающее производство знаний о механизмах согласованного, устойчивого развития различных по природе объектов. К важнейшим направлениям требуемого генерирования знаний и применения коэволюционного подхода относятся, например, конвергентная наука и технологии, трансдисциплинарный синтез различных научных дисциплин и практической деятельности. Интеграция технического, естественнонаучного, гуманитарного, управленческого, организационного, экологического, экономического и другого знания на основе коэволюционных принципов становится императивным требованием разработки и реализации крупных государственных социально-экономических проектов, продуктивной государственной деятельности, достижения устойчивого развития в условиях роста глобальной взаимозависимости государств и достижения стабильности в международных отношениях. Усвоение студентами вузов основных правил коэволюционного стиля мышления имеет особое значение для будущей успешной профессиональной, социальной, творческой, личностной адаптации к жизни в современном обществе.

Осуществление современных научных исследований и реализация практикоориентированных проектов научно-технической деятельности в структурах больших, сложных саморазвивающихся систем (биосферы, агроэкологических, экономических, социотехнических и других) требуют изучения коэволюции как сложного, многоуровневого, противоречивого явления, поиска общих закономерностей

коэволюционной регуляции объектов различной природы.

В современной научной и философской литературе, в диссертационных работах достаточно широко представлены исследования по различным вопросам коэволюции и ноосферогенеза. Вместе с тем остается недостаточно разработанным интегрированный подход к изучению общих («сквозных») закономерностей коэволюции в природе и обществе, позволяющий выявить основные способы стабильного воспроизводства и сохранения природных и социальных систем, определить коэволюционные приоритеты устойчивого развития внутрисоциальных отношений и направления становления ноосферы. Автор применил особый метатеоретический подход к изучению и обобщению коэволюционных явлений, осуществив анализ соответствующих материалов различных наук с целью выявления общих механизмов (инвариантов) коэволюционной стратегии.

Основная часть. В авторском исследовании осуществлен методологический способ сближения понятия коэволюции с понятием взаимодействия, являющегося универсальным фактором взаимного влияния, изменения и развития, единства и целостности универсума, всех его систем различной природы. Коэволюция, как механизм сопряженного существования, сохранения, воспроизводства и взаимного изменения явлений различной природы, представлена в качестве полифункционального механизма, формирующего новые интегративные состояния, связи, системные образования, взаимодействия входящих в универсум объектов. В более краткой интерпретации коэволюция – это развивающееся взаимодействие систем различной природы. Коэволюция есть атрибутивный способ взаимодействия объектов в изменяющейся природе, характерной чертой которого является их сопряженное развитие. Такой подход позволяет избежать узкодисциплинарного, субъективного толкования коэволюции, выявить ее общие объективные тенденции в качестве онтологической составляющей коэволюционной стратегии, а также аргументировать многофункциональную роль коэволюции по отношению к социальному прогрессу, изменению и развитию биосферы, структурным особенностям, процессам трансформации неживой природы, технической и духовной реальности в их единстве.

Коэволюционная стратегия в том варианте, как она представлена в исследовании, есть совокупность общих, существенных, повторяющихся тенденций (инвариантов) развивающегося внутрисистемного взаимодействия, взаимообусловленного сохранения частей и целого,

а также сопряженного воспроизводства, сохранения и развития объектов и систем различной природы.

Такого рода тенденции проявляются в формировании и воспроизводстве устойчивых состояний, структур и процессов в природе, обществе и технической реальности, которые обуславливают их сохранение, направленность эволюционных изменений, возможности, содержание и результат процесса взаимозависимого развития в виде закономерного процесса становления ноосферы, ее включенности в большой цикл исторического развития жизни в целом. Выдвинутая в диссертационном исследовании автора статьи гипотеза большого цикла (мегацикла) развития жизни, неотъемлемым этапом которого является ноосферогенез, позволяет выйти за пределы понимания ноосферы как основной меркантильной цели развития общества в контексте ценностных ориентаций потребительской культуры современной цивилизации.

Осуществленный в исследовании синтез сложившихся в современной науке фрактальных и коэволюционных представлений позволил обосновать фрактальный подход к исследованию сущности коэволюционных процессов и структур в явлениях различной природы, их взаимодействию, а также охарактеризовать один из механизмов коэволюции в качестве способа их устойчивого воспроизводства как образования самоподобных структур и процессов, что находит продолжение в принципах деятельности человека и создаваемых им объектах ноосферной реальности. Например, принцип фрактализации коэволюции проявляется в конструировании исходного технического образца и производстве на его основе так называемой линейки или ряда технических изделий, отличающихся гомологичностью и приспособленностью для выполнения установленных задач в различных природных и социальных условиях. Коэволюционная стратегия как синтетическое явление обнаруживается на поведенческом уровне воспроизводства биологических и социальных систем в виде интеграции разнообразных способов их адаптации к многомерности конкретных условий существования, что и обуславливает многомерность или полимодальность механизма коэволюции, выражающей принцип сохранения целостности и устойчивости данных систем, обуславливая их общую способность избирательно вступать в разнообразные связи соразвития со внешней средой в широком диапазоне изменений. Полимодальность коэволюционной стратегии представляет собой важнейшую закономерность и объективное условие эффективности человеческой дея-

тельности в различных ее формах и масштабах по организации ноосферной регуляции и гармонизации социальных, технико-технологических процессов во взаимосвязи с природными условиями жизни общества. Выявленный на основе анализа результатов исследований в различных науках и сформулированный принцип структурной организации нейтральных связей коэволюции – единство их концентрации, распределения и объединения (интеграции) способствует репрезентированию нейтрализма в качестве особой формы активности систем различной природы. Ее сущность проявляется в коэволюционной направленности процессов развития на сохранение природы, относительную автономию и независимость существования, в форме способности к самовоспроизводству, сохранения устойчивости, в формировании адаптивных свойств, отличающихся чертами неспециализированности в различных живых системах. Нейтрализм, как инвариант коэволюционной стратегии, примененный в качестве методологического принципа анализа процессов возникновения и развития любой большой системы (например, биосферы, общества, техносферы, ноосферы и др.), приводит к заключению, что в таких системах, наряду с формированием взаимного подобия, складываются, присущие только каждой из указанных систем, собственные закономерности сохранения, воспроизводства и развития. В этой связи общество, биосфера, техносфера и ноосфера имеют ограниченный, в определенной степени, диапазон возможностей коэволюционного самоизменения и воздействия на изменения сопряженных систем. Соответствующим образом ноосфера, формирующаяся на метасистемном уровне взаимодействия биосферы, общества и техносферы, не может быть сведена к содержанию возможностей коллективного разума человечества по регуляции социотехноприродных отношений. Ноосфера представляет собой метасистему, которая сохраняет и воспроизводит на новом уровне спонтанные механизмы саморазвития и коэволюционные инварианты стратегии взаимодействия общества, биосферы и техносферы. Поэтому коэволюционная стратегия, инварианты коэволюции в ноосферогенезе носят противоречивый характер: с одной стороны, они выражают устойчивость воспроизводства ноосферы как метасистемы, с другой – выступают в качестве механизмов поддержания существования относительной автономии общества, биосферы и техносферы, их взаимосвязи и развития как условия сохранения метасистемной природы ноосферы. Формирование ноосферы означает одновременно сохранение социосферы, биосферы и техносферы в их

коэволюционном единстве как сущностных оснований жизни общества, его перспектив. Механизм сохранения каждой из коэволюционирующих систем уточняется в исследовании в контексте выявления сопряженной или инвариантной закономерности воспроизводства системной организации в природе и обществе на основе принципа единства процессов несамодостаточности, самоизбыточности и самодостаточности. В связи с ограниченностью внутренних условий самосохранения любая развивающаяся система может быть рассмотрена как несамодостаточная, что указывает на внешнюю направленность организационных структур и функций системы в обеспечении собственного сохранения посредством изменения и развития внешних явлений и систем. Термин «несамодостаточность», таким образом, выражает сопричастность процессов самовоспроизводства системы с сохранением более общего целого, универсального, длительно существующего, того, что наиболее полно аккумулирует условия и факторы ее сохранения. В связи со способностью системы изменять внешние связи и формировать внешние условия, а также одновременно выступать фактором развития других систем, биологические и социальные системы являются относительно самоизбыточными. Единство тенденций формирования несамодостаточности и самоизбыточности во взаимозависимом воспроизводстве систем, формирование на основе их интеграции способности взаимозависимо развиваться с другими системами означают возникновение свойства системной самодостаточности или приобретение сопряженно воспроизводящимися объектами устойчивого, коэволюционного характера сосуществования в многообразном мире и связях с ним. Теоретико-практический аспект подобной инвариантной закономерности коэволюции заключается в том, что только незавершенные, не абсолютно целостные, неравновесные или несамодостаточные системы с развивающимися структурами избыточности могут быть коэволюционирующими, способными к самовоспроизводству и воспроизводству других систем, т. е. формироваться как самодостаточные.

В соответствии с современными эволюционистскими представлениями все системные формирования живого одновременно являются продуктами и активными компонентами эволюционно-коэволюционных процессов собственного воспроизводства. Коэволюция представляет собой способ сохранения природы живых систем, включая и человека, в единстве основных временных параметров их воспроизводства: историко-генетическом, индивидуально-стадиальном и ситуационно-процессуаль-

ном или непосредственно-адаптивном, поведенческом. Важнейшей отличительной чертой коэволюции с окружающей средой, в особенности высших животных и человека, является их способность формироваться и регулировать процессы жизнедеятельности посредством сопряжения и сравнения внутренних и внешних условий самосохранения с помощью наследственно, индивидуально и ситуационно детерминированных механизмов организации коэволюционных связей – функциональных систем. Существование функциональных систем было установлено в середине XX в. выдающимся нейрофизиологом П. К. Анохиным, который также разработал теорию функциональной системы и аргументировал философско-методологическое значение данной теории в познании общих закономерностей адаптивного воспроизводства и самосохранения биосистем с учетом изменчивости их внутренней и внешней среды [1, с. 5–61; 2, с. 27–48]. Последующее развитие учения о функциональной системе (К. В. Судаков) показало, что она представляет собой широко распространенный механизм коэволюции, обеспечивающий сохранение живых систем посредством удовлетворения их потребностей на основе интегрирования в соразвитии неживой, живой природы, общества и технической реальности [3]. В соответствии с существующими концептуальными разработками теории функциональной системы формируется общетеоретический подход к объяснению стабильного существования природных и социальных систем различной природы, масштаба и уровня сложности.

Применение принципов организации функциональной системы для объяснения процессов жизнедеятельности общества в широком диапазоне условий, начиная с атомно-молекулярного и заканчивая планетарно-космическом масштабам, создает предпосылки для выявления общих закономерностей функционирования селективного механизма коэволюции. В соответствии с предположительным выводом авторского исследования теория функциональной системы представляет собой абстрактную модель селективного механизма внутренней и внешней коэволюции биологических и социальных систем, процесса их возникновения и взаимозависимого воспроизводства и сохранения. Общая теоретико-методологическая реконструкция принципов формирования функциональной системы для целей коэволюционной регуляции отношений социосферы, биосферы и техносферы может рассматриваться в качестве перспективного эвристического направления познания путей и решения практических задач ноосферной организации регулируемого человеком сосуществования общества и природы.

Для формирования теоретико-методологических условий разработки коэволюционной стратегии необходимо выяснить вопрос о взаимосвязи инвариантов коэволюции, иначе невозможно будет представить в перспективном проекте процесс устойчивого соразвития общества и природы как совокупность взаимосвязанных, долговременных целей гармонизирующей деятельности. В природе и человеческой деятельности имеется множество явлений, в которых обнаруживается объективно существующая связь охарактеризованных в исследовании инвариантов коэволюционных механизмов. Одним из таких природных феноменов являются гомологические ряды наследственной изменчивости. Закон гомологических рядов в наследственной изменчивости был сформулирован Н. И. Вавиловым в 1920 году. Согласно его формулировке, генетически близкие роды и виды характеризуются сходными рядами наследственной изменчивости с такой правильностью, что, зная ряд форм в пределах одного вида, можно предвидеть нахождение параллельных форм у родственных видов и родов. В гомологических рядах наследственной изменчивости нераздельно воспроизводятся в зависимости от условий среды фракталосообразность (генотип) живых организмов, включается мутационная изменчивость (полиmodalность), каждая отдельная форма существует относительно автономно от других форм вида и в этом смысле нейтрально. Вместе с тем любая форма не является абсолютно независимой от общего генотипа в ряду наследственной изменчивости и в этом отношении она несамодостаточна. Однако каждая форма проявляется как избыточная, например, в производстве наследственного материала, который лишь отчасти сохраняется, что выражает принцип относительной самодостаточности в воспроизводстве той или иной изменчивой формы. В производстве рядов или «линеек» технических изделий на основе общих исходных моделей, но для выполнения различных задач в разных природных условиях прослеживается взаимосвязь инвариантов социоприродной и социотехнической коэволюции, подобная той, которая обнаруживается в гомологических рядах наследственной изменчивости в живой природе. Это означает, что закономерности человеческой деятельности могут складываться стихийно как особая тенденция подобия природным инвариантам коэволюции.

В исследовании коэволюция представлена не просто как развивающееся взаимодействие взаимозависимых существующих объектов, а более глубоко – как спонтанная, стихийно-селективная организация связей развития различных по

природе систем. Как механизм взаимного приспособления систем и формирования динамически устойчивых образований, коэволюция производит некоторое разрушение определенной части взаимодействующих объектов, нарушая связи их элементов, обращенные на собственную устойчивость данных объектов, что приводит к определенной хаотизации отношений взаимодействующих систем [4]. Благодаря своеобразному перераспределению и перегруппированию структурных элементов и их активности селективный механизм коэволюции может быть фактором формирования нового, общего устойчивого порядка в образующейся новой интегративной системе. Вместе с тем в системах с большим количеством элементов коэволюция носит статистический, вероятностный характер и в зависимости от множества внешних условий может протекать как разрушающий систему процесс. Поэтому в больших системах стихийная коэволюция отличается высокой степенью энтропической энергии, которая может уменьшаться регулируемыми механизмами в иерархически организованных системах их более общим уровнем. Эти обстоятельства проясняют историческую необходимость ноосферы как системы регуляции процессов стихийной коэволюции общества, природы и технической реальности. В данном контексте более отчетливо понимается идея В. И. Вернадского о естественно-исторической закономерности возникновения ноосферы как этапа развития биосферы, связанного с появлением человека разумного и новой системы организации жизни – человеческого общества.

Таким образом, одной из важнейших причин становления ноосферы является рост масштабов и противоречивость спонтанной социоприродной коэволюции.

Заключение. Коэволюционная стратегия в ее объективном содержании обнаруживается как совокупность закономерностей взаимозависимого развития неживой, живой природы, общества и технической реальности. Эти закономерности (инварианты частей формирующейся системы «общество – природа») во многом не исследованы, и поэтому некоторые из них являются предметом авторских поисков и интерпретации. Выявление таких закономерностей имеет первостепенное значение для формирования коэволюционной стратегии как совокупности основных целей и задач, составляющих содержание концептуальных решений проблем устойчивого социоприродного развития в любых конкретных условиях в настоящее время – время активных размышлений, поиска путей и попыток выстраивания ноосферного вектора обеспечения благоприятной перспективы чело-

веческой цивилизации. Автором выявлены и проанализированы некоторые важнейшие организационные формы взаимозависимого развития в виде процессов, структур и функций, к которым отнесены фрактальность, полимодальность, нейтраллизм, единство свойств несамодостаточности, самоизбыточности и самодостаточности в коэволюции, являющихся ин-

вариантными для систем различной природы. На некоторых примерах раскрывается их взаимосвязь, что может иметь теоретическое и практическое значение для дальнейшего исследования проблематики общих закономерностей коэволюции, формирования коэволюционного стиля мышления, решения задач устойчивого развития общества.

Литература

1. Анохин П. К. Принципиальные вопросы общей теории функциональных систем // Принципы системной организации функций. М.: Наука, 1973. 316 с.
2. Анохин П. К. Философские аспекты теории функциональной системы // Избранные труды. Философские аспекты теории функциональной системы. М.: Наука, 1978. 400 с.
3. Судаков К. В. Избранные труды. В 3 т. Т. 1. Развитие теории функциональных систем. М.: ГУ НИИ нормальной физиологии им. П. К. Анохина РАМН, 2007. 343 с.
4. Князева Е. Н., Курдюмов С. П. Коэволюция сложных социальных структур: баланс доли самоорганизации и хаоса [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://spkurdyumov.ru/forecasting/koevoljuciya-slojnyh-socialnyh-str...> (дата обращения: 22.10.2014).

References

1. Anokhin P. K. Fundamental questions of general theory of the functional systems *Printsipy sistemnoy organizatsii funktsiy* [Principles of the system organization of functions]. Moscow, Nauka Publ., 1973. 316 p.
2. Anokhin P. K. Philosophical aspects of the theory of a functional system. *Izbrannyye trudy. Filosofskiye aspekty teorii funktsional'noy sistemy* [Selected works. Philosophical aspects of the theory of a functional system]. Moscow, Nauka Publ., 1978. 400 p.
3. Sudakov K. V. *Izbrannyye trudy. V 3 t. T. 1. Razvitiye teorii funktsional'nykh sistem* [Selected works. In 3 vol. Vol. 1. Development of the theory of functional system]. Moscow, GU NII normal'noy fiziologii im. P. K. Anokhina RAMN Publ., 2007. 343 p.
4. Knyazeva Ye. N., Kurdyumov S. P. *Koevoljutsiya slozhnykh sotsial'nykh struktur: balans doli samoorganizatsii i khaosa* [Coevolution of complex social structures: the balance of the share of self-organization and chaos]. Available at: <http://spkurdyumov.ru/forecasting/koevoljuciya-slojnyh-socialnyh-str...> (accessed 22.10.2014).

Информация об авторе

Бурак Петр Михайлович – кандидат философских наук, доцент, заведующий кафедрой философии и права. Белорусский государственный технологический университет (220006, г. Минск, ул. Свердлова, 13а, Республика Беларусь). E-mail: burak1949@tut.by

Information about the author

Burak Petr Mikhailovich – PhD (Philosophy), Associate Professor, Head of the Department of Philosophy and Law. Belarusian State Technological University (13a, Sverdlova str., 220006, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: burak1949@tut.by

Поступила 14.09.2017

УДК 1(091)+101.1:316

П. А. Водопьянов¹, И. Н. Сидоренко²¹Белорусский государственный технологический университет²Белорусский государственный университет**СВЕРХРАЦИОНАЛИЗАЦИЯ И ДЕСТРУКТИВНОСТЬ
ОБЩЕСТВА ПОТРЕБЛЕНИЯ**

Статья посвящена анализу сверхрационализации и деструктивности современного общества потребления, суть которой заключается в том, что рационалистическая система ценностей, заложенная в эпоху Просвещения, в современном обществе трансформировалась в установку сверхрационализации потребления и обернулась иррациональным подавлением человека, общества и природы. В статье выделяются три подхода к решению проблемы сознательного управления социальными процессами. Первый подход определяется как установка на сознательное управление социальными процессами и контроль за сферами жизнедеятельности человека, что неизбежно приведет к тоталитаризму. Второй подход опирается на либеральные ценности, основанные на принципе саморегулирования социальных процессов, что, в свою очередь, чревато отказом человека от активной позиции социально-политического участия. Первые два подхода доказали свою неэффективность в реальной жизни. Авторы статьи считают целесообразным осмыслить третий, синтетический подход, суть которого была уже намечена в работах представителей Франкфуртской школы неомарксизма Т. Адорно и М. Хоркхаймера, обнаруживших взаимосвязь между деструктивным состоянием сознания и репрессивным воздействием социальных условий.

Ключевые слова: деструктивность, сверхрационализация, безумие, синтетический подход, социальный процесс, насилие, миф, природа, эпоха Просвещения, потребление, творчество, критическое мышление.

P. A. Vodop'yanov¹, I. N. Sidorenko²¹Belarusian State Technical University²Belarusian State University**SUPERRATIONALIZATION AND DESTRUCTIVITY
SOCIETIES OF CONSUMPTION**

This article is devoted to analysis of the superrationalization and destructiveness of the modern consumer society, the essence of which is that the rationalistic system of values inherent in the Age of Enlightenment in modern society was transformed into the setting of superrationalization consumption and turned irrational suppression of man, society and nature. Three approaches to solving the problem of conscious management of social processes are singled out in this article. The first approach is defined as the establishment of conscious management of social processes and control over the spheres of human activity, which inevitably leads to totalitarianism. The second approach is based on liberal values, based on the principle of self-regulation of social processes, which in turn leads to the refusal of the person from the active position of socio-political participation. The first two approaches proved to be ineffective in real life. The authors of this article consider it appropriate to reflect on the third, synthetic approach, the essence of which was already identified in the works of the representatives of the Frankfurt School Neo-Marxist T. Adorno and M. Horkheimer, who discovered the relationship between the destructive state of consciousness and the repressive response to the social environment.

Key words: destructiveness, superrationalization, madness, the synthetic approach, social process, violence, myth, nature, the Age of Enlightenment, consumption, creativity, critical thinking.

Введение. Рационалистическая система ценностей, заложенная в эпоху Просвещения, в современном обществе трансформировалась в установку сверхрационализации потребления и обернулась иррациональным подавлением человека, общества и природы. Рационалистический подход к действительности, получивший свое полное воплощение в технократизме, содержит в себе не только созидательное, но и разрушительное

начало. В силу этого такая однобокая ориентация на рациональную организацию жизни все больше приобретает деструктивный характер и оказывается тупиковым вариантом социального развития. Дальнейшая судьба цивилизации зависит от выбора стратегии будущего мирового сообщества: либо следовать по уже проторенному пути наращивания материального богатства за счет интенсивного экономического роста,

ведущего к разрушению и деградации окружающей среды, либо избрать принципиально новый путь: согласование социально-экономического развития в соответствии с законами биосферы.

Спонтанное развитие общества уже невозможно, однако и рациональное управление оказалось опасным и деструктивным. Поэтому сегодня актуализируется проблема разрешения этой парадоксальной ситуации. В поисках выхода из нее в научной литературе предлагаются различные, порой прямо противоположные точки зрения по вопросу о необходимости сознательного управления социальными процессами, которые можно свести к трем основным подходам.

Первый подход можно определить как установку на сознательное управление социальными процессами и контроль за всеми сферами жизнедеятельности человека, что неизбежно приведет к тоталитаризму.

Второй подход опирается на либеральные ценности, основанные на принципе саморегулирования социальных процессов, т. е. общество развивается само по себе, что, в свою очередь, чревато отказом человека от активной позиции социально-политического участия и выбором стратегии «стороннего наблюдателя», живущего по принципу «после нас хоть потоп».

Оба названных подхода доказали свою неэффективность в реальной жизни. В связи с этим целесообразно осмыслить третий, синтетический вариант, суть которого была уже намечена в работах представителей Франкфуртской школы неомарксизма Т. Адорно и М. Хоркхаймера.

Основная часть. В совместной работе «Диалектика Просвещения. Философские фрагменты» [5] Адорно и Хоркхаймер задаются вопросом о возможности исторического прогресса и акцентируют проблему «перевертыша» Просвещения как определенной установки сознания. Адорно и Хоркхаймер придают Просвещению негативный смысл: раскрывают деструктивность прогресса и критикуют приоритет разума в решении проблем общества. Просвещение рассматривается как диалектический процесс: от созидательной силы до господства человека над природой. Диалектика Просвещения заключается в том, что разумные начинания заканчиваются кровавым XX веком. В силу этого представители Франкфуртской школы отмечают, что Просвещение превращается обратно в миф, однако уже лишенный первоначальной естественности, что, в свою очередь приводит к тому, что прогресс оборачивается насилием и становится деструктивным. Отсюда задачей Адорно и Хоркхаймера становится по-

иск ответа на вопрос о том, почему построенное по принципам разумности общество обернулось тоталитаризмом и безумием.

В «Диалектике Просвещения» можно выделить две проекции раскрытия сущности социальной деструкции. Первая – телеологическая, заключается в том, что в контексте прогрессивного развития цивилизации деструкция оказывается абсолютной. Вторая – функциональная, раскрывает относительность деструкции на уровне социальных объединений, что, в целом, позволяет определить деструкцию как имманентное свойство социальной системы, способствующее как разрушению, так и обновлению общества.

В качестве причин насилия как деструкции выступают особенности взаимодействия человека и природы, которые в процессе своего развития становятся деструктивными. Так, выделение человека из природы и противопоставление ей явилось поворотным пунктом в истории человечества и определило вектор развития цивилизации как деструктивный. Отношение человека к природе из непосредственного отношения превратилось в насильственную установку, целью которой стала утилитарная польза. Господство над природой обернулось и против мыслящего субъекта.

Сегодня мы видим, что достижения научно-технического прогресса не только принесли несомненные блага, но и оказали неблагоприятные последствия на состояние окружающей среды. Техническое могущество позволило человеку освободиться от непосредственной зависимости от природы и превратить его деятельность в огромную геологическую силу, приведшую к нарастанию индустриального давления на биосферу и к разрушению и деградации целого комплекса природных экосистем. Реальная угроза изменения климата планеты, сокращение биологического разнообразия как необходимого условия сохранения стабильности биосферы, истощение природных ресурсов, всевозрастающее загрязнение окружающей среды, сопровождающееся утратой ее качества, недостаток продовольствия – вот далеко неполный перечень глобальных проблем современного мира. Это и многое другое, приведшее к пропасти между бедными (75% населения Земли вовлечено в борьбу за выживание) и богатыми, характер производства и потребления в промышленно развитой части мира, который подрывает нормальное функционирование экосистем, взрывоопасный рост населения в развивающихся странах, наконец, безудержный экономический рост, не учитывающий экологические ценности, и ущерб, наносимый окружающей среде, вызывают необходимость коренного пересмотра устоявшихся представлений

о месте и роли человека в природе, изменения его мировоззренческих ориентаций.

Реализуя утилитарную полезность, разум становится «техническим», т. е. превращается в инструмент для осуществления господства над природой. Вместе с тем и сам человек начинает представлять собой нечто инструментальное, а следовательно, заменимое. Поэтому, признав властные отношения как определяющие, человек стал не только субъектом, но и объектом подавления.

Еще одна причина заключается в том, что человек перестает воспринимать деструкцию как негативное явление. Происходит овеществление мышления, и Просвещение становится обманом, регрессируя в мифологию. Разделение на субъект и объект не могло не привести к отчуждению господствующего субъекта от объекта подчинения. Так, природа лишается своего подлинного многообразия, нивелируется как объект, тем самым давая возможность утвердить всеобщую повторяемость. Первоначально Просвещение негативно оценивало эту ситуацию, однако, превратившись в миф, сделало это положение «все предрешено» своим основным принципом.

Адорно и Хоркхаймер определяют природу насилия как амбивалентную. С одной стороны, в самой природе человека «укоренена» деструктивность, с другой стороны, человек одарен творческой силой. Отсюда продуктивность развития общества и самосохранение человека утверждаются через насилие как деструкцию. Раскрытие деструктивности как способа отношения к миру переносится на все формы самореализации человечества: «расколдовывание» мира, т. е. усиление формализации и абстрагирования от уникальности вещей и людей; потеря значения целостности мира в процессе поиска способов манипулирования и использования его, а так как смысл мира заключен в его целостности, то утрачивается и сам смысл; овеществление духовности и приоритетность телесности как месть природы; безумие как предельная рациональность и унификация мира.

Так, подавление природы обернулось подавлением социума. Само общество предстает для представителей Франкфуртской школы «всего-навсего обманчивой поверхностью, под которой таятся силы, манипулирующие им как инстанцией насилия» [5, с. 208]. Власть маскируется под тайные силы, которые воспроизводятся в обществе через проекцию принципа господства над природой. Поскольку проект Просвещения оценивается как насильственное «насаждение» разума, то в силу этого господство и подавление воспринимаются как необходимая и, в целом, позитивная основа соци-

ального взаимодействия. Более того, происходит «эстетизация» насилия, так как проект Просвещения видит в насилии основу социальной иерархии.

Что же касается безумия как предельной рационализации, то оно порождается из потребительского отношения к миру, из отсутствия способности к творчеству и стремления к разрушению. Безумие проявляется в утрате мира целостности, т. е. ценным становится только то, что обладает утилитарной полезностью и может быть употреблено, и, соответственно, в разрушении целостности индивидуального сознания: оно становится фрагментарным, «осколочным». Человек стремится упростить мир, тем самым превращая его в некую удобную для использования схему. Рационализация социального бытия человека через потребление, приобретающая характер безумия, приводит к эскалации насилия в обществе. Таким образом, деструктивность социального насилия – это потребление разума ради подавления и господства.

В самом мышлении в понятиях заложено подавление и господство. Как правомерно отмечает А. В. Гайда, «власть и познание – синонимы... Все это происходит в силу изначального “греха познания, независимо от его конкретной формы – мифологии или научного познания. Результат познавательной деятельности и в том и в другом случае один и тот же – манипулирование вещами, господство над природой» [3, с. 81]. Адорно и Хоркхаймер обосновывают тезис о том, что тенденция к самоуничтожению присуща рациональности с самого начала. Именно поэтому проект Просвещения, основанный на рациональном отношении к миру, приводит к самодеструкции. Адорно в «Негативной диалектике» [1] видит единственную возможность вырваться из-под власти все рационализирующего и упрощающего мир мышления посредством реализации проекта «мыслить негативно», т. е. практиковать самокритичность мышления и подвергать негации понятия, отдавая приоритет непосредственно данному, т. е. миру как целостности.

Одной из проекций насилия как самодеструкции может быть представлена идея самоотречения, жертвы. Анализируя практику жертвоприношения, Адорно и Хоркхаймер раскрывают необходимость самодеструкции как условия для самосохранения Просвещения. Жертвоприношение становится своеобразным способом коммуникации с миром и в процессе секуляризации превращается в «схему рационального обмена, в некое мероприятие человека, имеющего своей целью порабощение богов» [5, с. 68]. Рациональное отношение к миру, урбанизация,

утилизирующая человека как вещь, техногенная цивилизация, согласно мысли представителей Франкфуртской школы, усугубляют разрыв между человеком и природой, тем самым делая все более явным отсутствие эквивалентного обмена между человеком и миром, что, в свою очередь, приводит к манипулированию природой и использованию ее как чего-то чуждого человеку. Приведем слова Адорно и Хоркхаймера: «История цивилизации есть история интроверсии, становления интровертивной жертвы. Другими словами: история самоотречения. Этот процесс развертывается в контексте ложного общества. В нем каждый является слишком многим и оказывается обманутым. Но такова общественная необходимость, что тот, кто хотел бы уклониться от универсального, неравного и несправедливого обмена, но не отказаться от него... как раз потерял бы все, даже тот скудный остаток, который гарантируется ему самосохранением. Все требует избыточных жертв» [5, с. 75]. В процессе формирования массового общества жертвой становится и сам человек, превращаясь в неразличимый компонент массы.

Неэквивалентность обмена выражается в том, что отношения человека и природы строятся на обмане. Недаром Адорно и Хоркхаймер избирают в качестве наглядного примера образ хитреца-обманщика Одиссея, чей обман – рациональное сопротивление, которое позволяет обреченному избежать участи быть обреченным. Так, Одиссей, просчитывая свою возможную участь, нейтрализует силу, которая направлена против него, используя обман как оружие разума. Одиссей, как справедливо отмечает В. Н. Телегин, «выступает прежде всего носителем буржуазного духа расчетливости. Одиссей оказывается, с этой точки зрения, не менее буржуазен, чем Робинзон или современный бизнесмен. Ибо суть рациональности состоит... в том, чтобы обмануть, перехитрить природу, стать ее господином» [4, с. 169].

Учитывая тот факт, что Адорно и Хоркхаймер через анализ социального насилия как деструкции выстраивают свой проект динамики западной цивилизации, можно выделить несколько функциональных особенностей насилия как деструкции. Так, во-первых, насилие подчиняет индивида обществу в той степени, в какой сам индивид отчуждается от природы. Во-вторых, насилие задает вектор исторической динамики, т. е. история человечества предстает как история его порабощения. В-третьих, насилие рассматривается как фактор трансформации общества, его обновления и, в силу этого, как критическое неприятие традиции. Можно сказать, что человек вне традиции представляет

собой «перекати поле», некое лишенное каких-либо оснований существо, которое, отрицая прошлое, обрекает себя и на потерю будущего. Авторы «Диалектики Просвещения» делают справедливый вывод о том, что процесс самодеструкции западной цивилизации становится неуправляемым и в какой-то степени неотвратимым. Так, «самим собой овладевшее, ставшее насилием Просвещение, способно само преступать границы Просвещения» [6, с. 256], превращая разум в безумие и подменяя созидание разрушением.

Целесообразно сделать вывод о том, что в процессе развития западной цивилизации насилие как деструкция функционирует во всех сферах жизни общества и, вместе с тем, усугубляет самодеструкцию. Следуя логике авторов «Диалектики Просвещения», можно выделить два аспекта эскалации насилия: технологический и политический. Технологический аспект раскрывает власть техники как продукта разума над человеком, как механизм социальной манипуляции в западной цивилизации, инициирующий деструктивные процессы не только в природе, но и в социуме. Насилие техники выражается в создании искусственной среды и искусственных потребностей, что, в свою очередь, лишает человека подлинности существования.

Раскрывая сущность политического аспекта, Адорно и Хоркхаймер отмечают, что политика с помощью манипуляций создает иллюзию полноценного взаимодействия политической элиты и народа, видимость политической свободы индивида, т. е. осуществляется «бесмятежное согласие между всевластием и бессилием, которое само является... противоречием, абсолютной противоположностью примирения» [5, с. 252]. Одним из основных способов политической манипуляции в концепции представителей Франкфуртской школы является процесс конструирования образа врага. Образ внешнего врага выполняет следующие функции: консолидирует общество, способствует быстрой и добровольной мобилизации его членов, «работает» над созданием образа всезнающего правителя, создает условия для дальнейшего манипулирования. Апофеозом самодеструкции западной цивилизации выступает фашизм как деструктивная политическая модель, как логический итог проекта Просвещения.

Проанализировав два аспекта эскалации насилия в динамике западной цивилизации, можно говорить о своеобразной трагедии истории, суть которой заключается в том, что целенаправленное воздействие на природную, политическую и социокультурную жизнь народов

принимает деструктивный характер. Действительно, там, где господствовал в отношениях между людьми принцип «достичь цели любой ценой», человек всегда превращался в средство, в инструмент достижения этих великих целей, а «все крупномасштабные попытки “разумного, “рационального преобразования мира заканчивались трагически: достигнутые результаты всегда были противоположны первоначальным целям» [2, с. 100].

Целесообразно подчеркнуть, что, несмотря на общий пессимистический настрой, Адорно и Хоркхаймер считали возможным противостоять деструктивности насилия. В качестве минимизации социального насилия можно выделить следующие, намеченные ими пути: отстаивание личного пространства свободы в модусе творческого саморазвития; верность своему прошлому; создание альтернативной эстетической реальности посредством искусства и творчества. Все намеченные способы противостояния насилию позволят, с точки зрения авторов «Диалектики Просвещения», вырваться человеку из деформированного социального пространства, осознать свою навязанную инструментальную природу. Только «критическое мышление», как единственная неотчужденная форма, способно ослабить в обществе «универсальную связь ослепления», которая усиливается и транслируется посредством массовой культуры. Опасность массовой культуры заключается в том, что она лишает человека эстетического измерения, вследствие чего происходит «захирение способности к воображению» [5, с. 157]. Адорно и Хоркхаймер предупреждают о том, что необходимо учитывать следующую особенность Просвещения: все новое как творческий порыв Просвещения, будучи само «перевертышем», усиливает деструкцию. Поэтому ими была поставлена задача: «эмансипация человека из поработавших отношений» посредством развития критического мышления. Только критичность мышления позволит справиться с «регрессией масс», т. е. вернет человеку способность «собственными ушами слышать неслышимое,

собственными руками дотрагиваться до неосознанного» [5, с. 54] и победить «мифическое ослепление».

Заключение. Сегодня очевидно, что сверхрационализация общества потребления эмоционально опустошает человека, оборачиваясь не только деструкцией психики и тела человека, но и глобальным экологическим кризисом. Парадоксальность ситуации заключается в том, что современная цивилизация, строго ориентирующаяся на требования разума, систематически «впадает» в безумие и систематически демонстрирует несовместимость с гуманистическими идеалами. Поэтому намеченный синтетический подход выхода из кризиса может быть сведен к реализации принципа сознательности, под которым понимается не «инструментальный разум» или «проектная логика», стремящиеся подчинить все и вся заранее заданной схеме, а умение вовремя подключать «волю и разум к стихийному процессу общественного развития, не ломая и не насилуя этот процесс, помогать ему, устранять преграды на его пути, препятствовать деструктивным устремлениям отдельных лиц и групп» [2, с. 98]. Гуманистическому измерению и принципу сознательности и ответственности каждого соответствует идеал коэволюции, т. е. совместной эволюции человека и его природной и социальной среды. «Голая» рациональность жестока. Поэтому именно гуманистически ориентированная рациональность и сознательность должны стать доминирующей формой отношения человека и мира. Формирование единого глобального мышления позволит преодолеть опасные тенденции развития репрессивной цивилизации потребления и предотвратить угрозы экологической катастрофы. Достижение этой цели возможно на пути восстановления единства бытия человека и пространственной структуры биосферы на основе переосмысления сложившихся представлений о независимости человека от природы и осознания теснейшей взаимозависимости процессов, протекающих на уровне биосферы.

Литература

1. Адорно Т. Негативная диалектика. М.: АСТ, 2014. 511 с.
2. Водопьянов П. А., Кирвель Ч. С. Рационализация жизнедеятельности социума: возможности и принципы // Труды БГТУ. 2016. № 5 (187): История, философия, филология. С. 97–101.
3. Гайда А. В. «Неомарксистская» философия истории (Критический анализ). Красноярск: Изд-во Красноярск. ун-та, 1986. 200 с.
4. Телегин В. И. История против истории. «Диалектика Просвещения» Хоркхаймера и Адорно как утопия гуманного // Европа. Международный альманах. Тюмень: Изд-во Тюмен. гос. ун-та, 2001. Вып. 1. С. 169–184.
5. Хоркхаймер М., Адорно Т. Диалектика Просвещения. Философские фрагменты. М.; СПб.: Медиум, Ювента, 1997. 310 с.

References

1. Adorno T. *Negativnaya dialektika* [Negative dialectics]. Moscow, AST Publ., 2014. 511 p.
2. Vodop'yanov P. A., Kirvel' Ch. S. Rationalization of the life activity of the society: opportunities and principles. *Trydy BGTY* [Proceedings of BSTU], 2016, no. 5: History, Philosophy, Philology, pp. 97–101 (In Russian).
3. Gayda A. V. “*Neomarksistskaya*” *filosofiya istorii (Kriticheskiy analiz)* [Neo-Marxist philosophy of history (Critical analysis)]. Krasnoyarsk, Izd-vo Krasnoyarskogo universiteta Publ., 1986. 200 p.
4. Telegin V. I. History against history. Dialectic of the Enlightenment by Horkheimer and Adorno as a Utopia of Humanity. *Yeuropa. Mezhdunarodnyy almanakh* [Europe. International almanac]. Tyumen, 2001, issue 1, pp. 169–184 (In Russian).
5. Khorkkhaimer M., Adorno T. *Dialektika Prosveshcheniya. Filosofskiye fragmenty* [Dialectics of the Enlightenment. Philosophical fragments]. Moscow; St. Petersburg, Medium, Yuventa Publ., 1997. 310 p.

Информация об авторах

Водопьянов Павел Александрович – член-корреспондент НАН Беларуси, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии и права. Белорусский государственный технологический университет (220006, г. Минск, ул. Свердлова, 13а, Республика Беларусь). E-mail: pva1940@bk.ru

Сидоренко Ирина Николаевна – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии и методологии науки. Белорусский государственный университет (220050, г. Минск, ул. Кальварийская, 9, Республика Беларусь). E-mail: iri_na2000@rambler.ru

Information about the authors

Vodop'yanov Pavel Aleksandrovich – Corresponding Member of the National Academy of Sciences of Belarus, DSc (Philosophy), Professor, Professor, the Department of Philosophy and Law. Belarusian State Technological University (13a, Sverdlova str., 220006, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: pva1940@bk.ru

Sidorenko Irina Nikolaevna – PhD (Philosophy), Associate Professor, Assistant Professor, the Department of Philosophy and Methodology of Science. Belarusian State University (9, Kal'variyskaya str., 220050, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: iri_na2000@rambler.ru

Поступила 01.09.2017

УДК 316.42;304.9;659.1

В. В. ХренковПоволжский государственный технологический университет
(Йошкар-Ола, Российская Федерация)**ОБЩЕСТВО ПОТРЕБЛЕНИЯ И РЕКЛАМА КАК УСЛОВИЯ ОБЪЕКТИВАЦИИ
ЧЕЛОВЕКА: НЕОМАРКСИСТСКОЕ ПОНИМАНИЕ ПРОБЛЕМЫ**

Статья посвящена анализу – сквозь призму идей одного из неомарксистских направлений – отчужденного положения современного человека в условиях его существования в обществе потребления и роли рекламы в детерминировании индивидов. Своевременно говорить о наличии ситуации тотального отчуждения, и даже нивелирования, «исчезновения», человека в технологически развитом обществе, в обществе потребления, сведения его к положению замкнутого на потреблении и озабоченности о теле существа – тому положению, что способствует его успешной для общества потребления, его элит и институтов эксплуатации. Утвердилась ситуация восприятия и другого, и самого себя в качестве средства, а не цели; принесения в жертву всего многообразия человеческих качеств закону рынка и прибыли, потребительским и гедонистическим ориентациям, целям по достижению ничтожных желаний, низкоматериалистическому способу существования, эгоистическим и утилитарным потребностям, установленным (репрессивного характера) нормам и правилам социальной жизни, сформировавшемуся общественному механизму, ставящему во главу угла рост производства и потребления. Управление индивидами осуществляется посредством их атомизации на основе идеологии и пропаганды потребительских и эгоцентрических ориентаций и установления комфортного, материально обеспеченного уровня существования для достаточно большой части населения. В указанных процессах напрямую или опосредованно принимает участие реклама. Она в современных условиях является регулятором человеческих жизней и социализатором индивидов; функционирует в качестве одного из контролирующих, унифицирующих и ограничивающих человеческое мышление и поведение идеологических средств, которые утверждают тоталитарное господство общества потребления – общества, являющегося в сущности псевдогуманистическим и не согласующегося с принципами полноценного и разумного социального и человеческого бытия.

Ключевые слова: социальная философия, общество потребления, коммерческая реклама, современный человек, человеческое существование, отчуждение, объективация, неомарксизм.

V. V. Khrenkov

Volga State University of Technology (Yoshkar-Ola, Russian Federation)

**CONSUMER SOCIETY AND COMMERCIAL
AS CONDITIONS OF THE SOCIAL OBJECTIFICATION OF A PERSON:
NEO-MARXIST UNDERSTANDING OF A PROBLEM**

Article is devoted to the analysis of the – through a prism of the ideas of one of the Neo-Marxist directions – aloof place of the modern person in the conditions of his existence in consumer society and a role of commercial in a determination of people. It is timely to tell about a presence of a situation of total alienation – and even of levelling, of «disappearances» – the person in technologically developed society, in consumer society, his reduction to situation of localized on consumption and concern about a body of a being – to that situation that promotes its successful for consumer society, his elites and institutes of exploitation. It had become general the situation of perception and another, and itself as means, but not the purpose, the situation of bringing in the victim of all variety of human qualities to the law of the market and profit, to consumer and hedonistic orientations, to the purposes on achievement of insignificant desires, to a low-materialistic way of existence, to egoistic and utilitarian requirements, to established repressive norms and rules of social life, to the created public mechanism focused on increase in production and consumption. Control of people is exercised by their atomization on the basis of ideology and promotion of consumer and egocentric orientations and establishment of comfortable, financially secure level of existence for most part of the population. Commercial indirectly or directly takes part in the specified processes. In present conditions commercial is the regulator of human lives and an integrator of people, commercial functions as one of controlling, unifying and limiting human thinking and behavior of ideological means which approve totalitarian domination of consumer society – the society in effect pseudo-humanistic and not according with the principles of full and reasonable social and human life.

Key words: social philosophy, consumer society, commercial, present human being, human existence, alienation, objectivization, Neo-Marxism.

Введение. По той причине, что коммерческая реклама приобрела положение имеющей большой вес характеристики ряда существенных признаков актуального социального пространства, – ее исследование в современных условиях требует немало и пристального внимания. Вряд ли приходится сомневаться в том, что такие проблемы, как специфика задаваемого рекламой вектора общественного развития и последствия воздействия рекламных продуктов на человека, являются основополагающими в контексте состояния и здоровья общества. Потребительские установки, идеи конкуренции, гедонизма, ценности, исключительно материальные при их доминировании в общественном сознании, демонстрируют деструктивную тенденцию в общественном механизме.

И чтобы иметь возможность разобраться в указанных проблемах, стоит исходить из того, что реклама является неотделимым от современного общества – небезосновательно интерпретируемого как общества потребления – свойством: она предстает как следствие эволюционирования этого общества, так и фактор его глубинных трансформаций.

Методологической опорой же в таком анализе могут служить идеи, разработанные в пространстве философского осмысления социальной действительности. Таковыми безоговорочно следует признать принципы и положения, относящиеся к неомарксистскому дискурсу, а именно принадлежащие Т. Адорно, М. Хоркхаймеру, Г. Маркузе и Э. Фромму; поскольку, во-первых, предметом исследований этих социальных мыслителей являлась общественная ситуация, складывавшаяся в период становления и утверждения капиталистического общества в качестве общества потребления, в связи с чем такие ключевые (в плане формирования и корректировки вектора развития этого общества) его институты, как реклама, не могли не стать частью проводимого этими авторами анализа.

Основная часть. Прежде чем обратиться непосредственно к воззрениям представителей неомарксизма о ситуации человека в условиях общества потребления, уместно коснуться идейных истоков их учения, которые послужили основой для развития их концепций. Речь идет о социально-философских идеях К. Маркса [2]. Анализируя тенденции развития человеческого общества, Маркс (беря за основу метод Гегеля) обнаруживал отделенность, отчужденность существования человека от его сущности – противоречие между тем, каков человек в наличной действительности, и тем, каким он способен и должен быть.

И олицетворяет закабаление всех человеческих чувств и свойств, по Марксу, именно ча-

стная собственность: в условиях ее господства все чувства отчуждены в виде чувства обладания, а потребление стало основополагающей формой взаимодействия с окружающим миром. Свидетельством этому является то, что к товарам у человека отношение во многом фантастическое, а их восприятие – вымышленное. Кроме того, всеохватывающим предстает опредмечивание, когда собственные цели человека приносятся в жертву целям внешнего характера.

Условия капиталистической действительности, описываемой Марксом, таковы, что намерения каждого из людей лежат в плоскости удовлетворения своей шкурной потребности; и делается это посредством меркантильных попыток вызвать к жизни в другом ту или иную новую потребность, чтобы «поставить его в новую зависимость и толкнуть его к новому виду наслаждения», чтобы разбудить в нем какую-либо «чуждую сущностную силу», проявляющую по отношению к нему господство [2, с. 599].

Задачи по провоцированию этой «чуждой сущностной силы» с успехом решаются рекламой. Она являет собой неотъемлемую составляющую идеологии наличествующего порядка (определяющей его законы, мораль, философию и т. п.). Идеология в марксизме трактуется как «перевернутое мышление», потому что господствующие идеи таковы, что они не объясняют социальную реальность саму по себе, являются статичными и существуют с целью узаконивания установленного порядка, отражая интересы и способ мышления господствующего класса.

Роль идеологии в основанном на капиталистических законах обществе (в частности) и саму сущность, структуру этого общества (в целом) как раз углубленно и обстоятельно исследовали представители неомарксизма в лице Т. Адорно, М. Хоркхаймера, Г. Маркузе и Э. Фромма. При этом названными авторами в качестве одного из ключевых методов исследования применялась разработанная ими «критическая теория общества», подвергающая тотальной критике тенденции развития общества, развивающегося в рамках монополистического капиталистического производства и повсеместно насаждающего тоталитаризм посредством диктата экономического закона (закона рынка и прибыли), – общества, для которого нормой стали всеобщее отчуждение, социокультурная деструкция, дегуманизация. (Так, Адорно переосмыслил гегелевскую диалектику, которая, согласно его взглядам, с ее позитивным отрицанием утверждает существующий порядок вещей; тогда как Адорно признает то отрицание, что являет собой отрицание полное и не ограниченное только снятием [1].)

Адорно и Хоркхаймер [8] объясняют эпоху позднекапиталистического общества как этап в развитии социальной действительности, при котором индивид оказался сродни лишь оттиску всеобщих тенденций этого общества, пронизанного целиком и полностью «пропагандой» в свою пользу. Всеохватывающую «пропаганду» олицетворяют средства массовой коммуникации и массовая культура (в том числе реклама), представляющие собой непосредственную идеологию, утверждающую те цели, которые согласуются с логикой общественной системы. При содействии этой идеологии утверждается исчезновение индивидов как субъектов в условиях их материальной обеспеченности, ставшей реальной благодаря научным и техническим достижениям, поставленным на службу этим обществом в целях управления массами на основе идеологии и пропаганды потребительских ориентаций. Диктат системы по отношению к массам тем больше, чем большим становится число предоставляемых им благ [8, с. 12]. Причем по отношению к возможности потребительского выбора из всего разнообразия продукции Адорно и Хоркхаймером используется слово «видимость» [8, с. 200] (то есть авторы имеют целью показать мнимость возвещаемой свободы выбора для потребителей, указывая на факт управления спросом, его формирования, создания производством потребностей для потребителей и т. п.).

И в этих процессах самое прямое участие принимает реклама, которая обрела действительность за счет, к примеру, сходства с объективными текстами печатных изданий [8, с. 204]. О действительности повсеместной рекламы, по мнению авторов, говорят, например, и то, что румяна и губная помада стали сегодня общеприменяемой косметикой, отстранившейся от «своего гетерического происхождения» [8, с. 302]. При этом у самих людей выработалась склонность уравнивать образ личности, в частности, с не более чем «ослепительной белизной зубов и полной свободой от запаха пота из подмышек...»; и такое положение дел, согласно философам, указывает на торжество рекламы в современной стандартизированной культуре, определившей всеобщность положения, при котором «мыслительные контексты отвергаются в качестве неудобной и ненужной нагрузки», а всё мышление в целом удовлетворяется освоением отдельных, разрозненных фактов [8, с. 209, 244].

Уточнение и дальнейшее развитие «критическая теория» получила в разработках Г. Маркузе [3]. По его мысли, «одномерность» (унифицированность и ограниченность низкоматериалистическими и физическими ориентациями) стала

фундаментальной характеристикой человека развитого индустриального общества.

Посредством таких «инструментов господства», как государство, труд, потребление, искусственные («ложные») потребности, человек оказался впутанным в «варварство общественных связей». По Маркузе субъекты и учреждения власти не допускают того, чтобы люди были по-настоящему счастливыми и свободными, невзирая на все предпосылки для этого, предоставляемые достигнутым технологическим уровнем [3].

Более того, гипотетическая жизнь вне рамок сформированных и навязанных норм и правил (то есть ограниченных только лишь низкоматериалистическими и потребительскими пределами) погрузила бы «одномерного человека» в переживания ничтожности, крайней недостаточности своего существования. Именно эти установленные и утвердившиеся условия его существования наполняют его жизнь осмысленностью, упорядочивают ее в ставшие привычными рамки.

Маркузе рекламное дело помещается (применительно к обществу как целому) в категорию «паразитических и отчужденных функций». Оно (рекламное дело) стало одним из элементов, способствующих эффективности производства, «обеспечивающего социально необходимое избыточное потребление». Но возросший жизненный уровень членов современного общества сопряжен с управляемостью их, теперь удобной, жизнью [3, с. 64–65].

Реклама в современном обществе предстает как один из факторов, приводящих к одномерности, технологичности поведения людей. Ее язык исключает альтернативные ее дискурсу понятия [3, с. 111]. Гипноз, суггестия, манипуляция, навязывание «обезличенных вещей» и «фиксированных образов», вызывание у реципиентов нужных ассоциаций, мистифицирование – все это неотделимо от рекламной коммуникации, с точки зрения Маркузе [3, с. 119–120, 250].

Еще один представитель неомарксизма, Э. Фромм, в процессе своих исследований приходит к убеждению о том, что существующее общество есть общество психически нездоровое, в котором обычным состоянием человека является механистичность, роботизм, отказ от себя в угоду усвоения стандартизированного – нацеленного на потребление, обладание и пользование – типа личности («социального характера»), удобного для эксплуатации системой общества потребления и субъектами контроля, производства и власти. В индивидах, являющих собой данный тип социального характера, сформирована установка на восприятие себя как независимых от совести и принципов

субъектов и, вместе с тем, на согласие на подчинение и на безусловное усваивание требований общественного механизма [6, с. 130–131, 192].

Теория Фромма позволяет подойти к изучению социальных функций рекламы в согласовании с изображенной им общей картиной тенденций современности. Реклама, взятая для рассмотрения под таким углом, несет в себе социальную ориентированность, поскольку функционирует в пределах общего, задаваемого направления развития общества.

Значима та идея Фромма, что всякая реклама в современном обществе ориентирована на вызывание у потребителей – посредством часто меняемых (из соображений эффективности) стимулов – желаний и потребностей. При этом мыслитель видит проблему всесторонне: насколько действенным будет воздействие, зависит и от самого подвергаемого стимулам индивида, от его уровня развития [4, с. 332–335].

В данном процессе выгода извлекается могущественными группами влияния, которые, как и вся промышленность, используют в качестве инструмента создания искусственных потребностей и желаний рекламу, не поступающую в этом деле никакими большими суммами, и не берут в расчет глубинные желания человека [7, с. 58–59, 136, 139, 149] (не говоря уже об учитывании того факта, а «нужен ли ему в принципе» ставший для него желанным товар [5, с. 402]). Как следствие, общество современности создает «много бесполезных вещей, и в равной мере – много бесполезных людей» [7, с. 59–60].

Иначе говоря, такая сторона мира товаров и символов, как даруемая им свобода выбора, имеет и ту грань, на которую указывает Фромм: хотя потребители свободны в выборе товаров, они забывают об отсутствии между ними разницы [7, с. 137]. «И эта свобода предпочесть какой-то товар рождает ощущение власти. Человек, не имеющий никакой власти, наконец обретает ее в качестве покупателя и потребителя» [7, с. 137]. Так, индивидом мало того что потребляется не реальный продукт, а плод его воображения [6, с. 155], но еще и утверждается само его существование, однако ограниченное лишь в статусе «покупателя и потребителя».

Однако пребывание на уровне только лишь автоматического устройства, которому пусть и гарантируются обеспеченность и безопасность, повергает человека в страдания. Погружая человека в грезы, реклама, пишет Фромм, таким способом доставляет ему удовлетворение, но вместе с тем и усугубляет его чувство ничтожности и беспомощности. В современном мире корысть в целях извлечения наивысших прибылей имеет своим последствием культи-

вирование нижайших инстинктов и осквернение общественного сознания [6, с. 379].

Но несмотря на все, ориентир, ведущий к истине, известен: к ней приведут опора на свои силы и ум, мужество не соглашаться с диктатом власти и общественного мнения, воля «стать человеком» [7, с. 338].

Заключение. Проведенный анализ позволяет утвердиться во мнении, что идеи, разработанные в пределах неомарксистского дискурса, имеют существенный эвристический и методологический ресурс в плане раскрытия одних из основополагающих проявлений современного общества. Положения и принципы неомарксизма представляют ценность по причине раскрытия в его рамках глубинных механизмов современного общества, развивающегося в пределах капиталистических отношений и норм, и в том числе по причине интерпретации рекламы представителями этого социально-философского направления как одного из основных средств технологически и материально высоко развитого общества по осуществлению всеобщего контроля и диктата. Опираясь на научный язык и методы представителей данного учения, можно составить картину, отражающую закономерности функционирования как общества потребления, так и рекламы в пределах социальной структуры данного общества.

Образ действительности, демонстрируемый нам философами-неомарксистами применительно к социально-онтологическому статусу современного человека, вбирает в себя такие основополагающие характеристики социального пространства, как 1) управление массами посредством неявных и «мягких» форм эксплуатации; 2) ограничение и нивелирование в индивидах сущности человеческих проявлений и качеств в условиях существования в современном технологически развитом обществе, в обществе потребления; 3) десубъективация, неидентифицируемая индивидами и в немалой степени воспринимаемая ими как желанная.

И реклама, выполняя функции по созданию и вызыванию в людях все новых потребностей и желаний, а значит и по их опутыванию все новыми зависимостями, в сложившихся социальных обстоятельствах предстает в роли инструмента пропаганды общества потребления, скрывающего под маской либеральности свою тоталитарную сущность, в роли идеологического орудия отчужденного, основанного на капиталистических законах общества и господствующих в нем представителей правящих и бизнес-элит.

Не следует упускать из виду выполнение рекламой важной функции информирования о товарах и услугах, связывания производителей

с потребителями. Но другая ее функция – утвердиться, не шепетильно подходя к выбору средств, в сознании как можно большего числа людей для побуждения к требуемым действиям (а эти действия по преимуществу вовлекают в узкий мир материального и символического потребления) – дает основания говорить, основываясь в том числе на идеях неомарксистов, о том, что при такой наступательности ее отличают бессодержательность в плане глубоких знаний о действительности и отсутствие всякого стремления хоть как-то обогащать внутренний мир человека. Как-никак, отчужденное общество способно предопределять личность только

в рамки ущербности, и инструменты этого общества воспроизводят характерные для него цели и качества, не согласующиеся с глубинными устремлениями и потребностями человека как полноценного, здорового существа (о ситуации и о кризисе современного человека см. также, напр., [9]).

Однако, как кажется, каждый конкретный человек современности, поставленный в эти условия и существующий в них, способен сделать, как минимум, следующее: увидеть, заметить, понять определенные заглушаемые аспекты действительности в их подлинном свете.

Литература

1. Адорно Т. Негативная диалектика. М.: Научный мир, 2003. 374 с.
2. Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений. М.: Государственное издательство политической литературы, 1956. 690 с.
3. Маркузе Г. Одномерный человек. Исследование по идеологии индустриального общества. М.: REFL-book, 1994. 368 с.
4. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. М.: АСТ, 2004. 635 с.
5. Фромм Э. Забытый язык. Иметь или быть? М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2009. 442 с.
6. Фромм Э. Здоровое общество. Догмат о Христе. М.: АСТ: Транзиткнига, 2005. 571 с.
7. Фромм Э. Революция надежды. Избавление от иллюзий. М.: Айрис-пресс, 2005. 352 с.
8. Хоркхаймер М., Адорно Т. В. Диалектика просвещения. Философские фрагменты. М.; СПб.: Медиум, Ювента, 1997. 312 с.
9. Шалаев В. П. Бифуркационный человек в глобальном обществе потребления // Socio Time / Социальное время. 2016. № 2 (6). С. 71–81.

References

1. Adorno T. *Negativnaya dialektika* [Negative dialectics]. Moscow, Nauchnyy mir Publ., 2003. 374 p.
2. Marks K., Engels F. *Iz rannikh proizvedeniy* [From the early works]. Moscow, Gosudarstvennoye izdatel'stvo politicheskoy literatury Publ., 1956. 690 p.
3. Markuse G. *Odnomernyy chelovek. Issledovaniye po ideologii industrial'nogo obshchestva* [One-dimensional man. A study on the ideology of industrial society]. Moscow, REFL-book Publ., 1994. 368 p.
4. Fromm E. *Anatomiya chelovecheskoy destruktivnosti* [Anatomy of human destructiveness]. Moscow, AST Publ., 2004. 635 p.
5. Fromm E. *Zabytyy yazyk. Imet' ili byt'?* [The forgotten language. To have or to be?]. Moscow, AST: AST MOSKVA Publ., 2009. 442 p.
6. Fromm E. *Zdorovoye obshchestvo. Dogmat o Khriste* [A healthy society. The dogma of Christ]. Moscow, AST: Tranzitkniga Publ., 2005. 571 p.
7. Fromm E. *Revolutsiya nadezhdy. Izbavleniye ot illyuziy* [Revolution of hope. Getting rid of illusions]. Moscow, Airis-press Publ., 2005. 352 p.
8. Khorkheimer M., Adorno T. V. *Dialektika prosveshcheniya. Filosofskiye fragmenty* [The dialectic of enlightenment. Philosophical fragments]. Moscow; St. Petersburg, Medium, Yuventa Publ., 1997. 312 p.
9. Shalaev V. P. Bifurcation of employees in a global consumer society. *Sotsial'noye vremya* [Socio Time], 2016, no. 2 (6), pp. 71–81 (In Russian).

Информация об авторе

Хренков Вадим Владимирович – магистр, старший преподаватель и аспирант кафедры социальных наук и технологий. Поволжский государственный технологический университет (424000, г. Йошкар-Ола, пл. Ленина, 3, Российская Федерация). E-mail: vad042@yandex.ru

Information about the author

Khrenkov Vadim Vladimirovich – Master, Senior Lecturer and PhD student, the Department of Social Sciences and Technology. Volga State University of Technology (3, Lenina Sq., 424000, Yoshkar-Ola, Russian Federation). E-mail: vad042@yandex.ru

Поступила 05.09.2017

УДК 322+281.93

Н. С. Щёкин

Институт социологии НАН Беларуси

**ЦЕННОСТНЫЙ ДИАЛОГ ЦЕРКВИ И ГОСУДАРСТВА
КАК ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЙ ФАКТОР РАЗВИТИЯ
ХРИСТИАНСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ**

В статье автор исследует ценностный фактор во взаимодействии церкви и государства. Выявляются объективные условия возникновения религиозных идей в истории, а также и обратное влияние христианских ценностей на выстраивание диалога государства и церкви. Ценностный диалог церкви и государства интерпретируется как цивилизационный феномен, что позволяет конструктивно использовать результаты многочисленных исследований диалога как специфической формы духовной коммуникации в ее персонифицированных проекциях, а также обосновать перспективность социокультурной и цивилизационной размерности диалога. Показана, в каких формах и по каким направлениям реализовался тот инвариантный нравственный потенциал христианства, который в огромной степени определял исторические перипетии западной цивилизации и в целом ее магистральную социодинамику. Наиболее эффективным механизмом обеспечения и реализации этой преемственности является культурная традиция и ценностный диалог, поэтому роли традиции и диалога в обосновании теократических моделей социального устройства на различных стадиях существования христианской западной цивилизации уделено приоритетное внимание.

Ключевые слова: диалог церкви и государства, христианская цивилизация, традиции, ценности, церковь, социальные ценности, религия.

N. S. Shchekin

Institute of Sociology of NAS of Belarus

**VALUE DIALOGUE OF CHURCH AND STATE AS FUNDAMENTAL FACTOR
IN DEVELOPMENT OF CHRISTIAN CIVILIZATION**

In the article the author explores the value factor in the interaction of church and state. The objective conditions for the emergence of religious ideas in history are revealed, as well as the reverse influence of Christian values on the building of a dialogue between the state and the church. The value dialogue of church and state is interpreted as a civilizational phenomenon that allows constructively using the results of numerous studies of dialogue as a specific form of spiritual communication in its personified projections, and justifying prospects of the sociocultural and civilizational dimension of the dialogue. It is shown in what forms and in what directions the invariant moral potential of Christianity has been realized. The role of tradition and dialogue in the justification of theocratic models of social order at different stages of the existence of Christian Western civilization is given priority attention.

Key words: dialogue of church and state, Christian civilization, traditions, values, church, social values, religion

Введение. Диалог церкви и государства, основанный на выборе духовных ценностей в качестве нормативных приоритетов организации жизни и регуляторов поведения людей, способствовал выработке стратегии развития христианской цивилизации. Тем самым «союз церкви и государства означал, что церковь становится гарантом существовавших общественных отношений...» [1, с. 203]. Именно религиозное отношение к действительности, которое доминировало в первых цивилизациях, во многом обосновывало цели общественного развития и определяло ход исторических событий. Более того, религиозная мотивация действий человека и стремящихся удовлетворить свои ценностные запросы групп общества выступала как фактор

возникновения новых социальных институтов, выполняющих функции обеспечения устойчивости и поддержания порядка социального мира. И именно религия как цивилизационный феномен всегда оставалась релевантной данной социокультурной традиции.

Основная часть. С появлением христианского комплекса верований европейская цивилизация совершила скачок в формировании новой цивилизационной парадигмы, перейдя в своем духовном развитии на иной, обусловленный историческими реалиями качественный уровень. Человеческая жизнь стала наполняться новой ценностной мотивацией, приобретать новый, жизнеутверждающий, смысл. Христианские традиции вдохнули новую жизнь в древ-

нюю историю, обеспечив историческую перспективу развитию общества и государства. Благодаря этим изменениям у человека появилась возможность «достигать бытие себя и мира сквозь призму вечности, ощущение которой стало для него мощным нравственным фактором, обуздания инстинктов ненависти и насилия» [2, с. 15].

Первые попытки диалога возникшего христианского движения с государством оказались неудачными. Это обусловлено тем, что государство видело в новом движении угрозу существующему социальному порядку и духовной традиции, а «христиане для ограждения себя от нападений правительства, народа и ученых предпринимали некоторые меры. Они обращались к властям, прося справедливо разобраться в их делах. Вместе с тем они старались опровергать то, что писалось о них языческими учеными» [3, с. 49]. Естественно, что проблематика христианского вероучения в тот период оказалась едва ли не единственной мировоззренческой площадкой, на которой столкнулись отживающий мир язычества и набирающий силу новый христианский мир со своей ценностной парадигмой.

В первые века своей истории христианство заметно эволюционировало, претерпев существенные внутренние трансформации, одновременно структурно выстраиваясь и гибко адаптируясь к социально-культурным реалиям. Начала формироваться традиция фронтального взаимодействия церкви и государства: в частности, «в III веке развернулись широкомасштабные общеимперские репрессии против приверженцев христианства. Но именно тогда... между государством и церковью складывались предпосылки для их многовекового союза» [4, с. 22].

Неоднородность раннехристианских общин по своему этническому и социальному составу на начальном этапе становления христианства и институционализации церкви предопределила парадигмальный статус социальных ценностей во взаимоотношениях государства и церкви. В конце I и первой половине II в. христианские общины состояли преимущественно из рабов и малоимущих свободных людей [5, с. 153], что изначально повлияло на антагонистический характер отношений между христианскими общинами и государством. Социальные различия нивелировались, поскольку «...нет ни Еллина, ни Иудея, ни обрезания, варвара, Скифа, раба, свободного, но все и во всем Христос» [6, Кол., 3, 11].

В процессе эволюции вероучения и культа социальный состав христианских общин изменился. Постепенно оформлялось руководство общинами и церковью – возник институт апо-

столов, учителей. Позже, со II века, появились должностные лица – пресвитеры, диаконы, епископы. Этот факт явился одним из важнейших при оформлении христианской идеологии в целом. Возникновение церковного аппарата, усиление церковной организации, трансформация символа веры определили особое место и роль церкви в жизненном пространстве социума и узаконили взаимоотношения с императорской властью.

Таким образом, «церковь – такое же исторически обусловленное явление, как, например, государство, феодализм и само христианство» [7, с. 220]. Следовательно, взаимоотношения государства и церкви определялись ценностной системой конкретной исторической эпохи, в условиях которой эти социальные институты реализовывали свои социально-исторические проекты. Показательно, что историческое развитие христианства начиная с епископальной церкви характеризовалось тенденцией к примирительному ценностному диалогу со светскими властями.

В раскрытии тенденций развития самого христианства особого внимания заслуживает внутрицерковная жизнь (учение, литургия, проповеди и т. д.), которая во многом определяла ценностно-нормативные регуляторы отношений, имеющие парадигмальный характер, церкви с государством. Так, почти все проповеди и послания церковных иерархов пронизаны эсхатологическими мотивами, своего рода пропагандой идеи равенства всех людей перед Богом, обсуждением вопросов догматики и обрядности. Особый интерес представляет то, что со временем в Посланиях стало отражаться некоторое сомнение по поводу неминуемо близкого второго пришествия Богочеловека, что, в свою очередь, нацеливало верующих на неизбежный компромисс с «власть имущими». Более того, если раньше упор в Посланиях руководителей церкви делался на равенстве всех людей перед Богом, то теперь усилили церкви все более были обращены на смирение рабов и простых людей: «Рабы, повинуйтесь господам своим по плоти со страхом и трепетом, в простоте сердца вашего, как Христу» [6, Эфес., 6, 5]. Под лозунгом «послушания рабов хозяевам» возникла тенденция к объединительной роли церкви как единственного актора, претендующего на роль государственного идеолога, формирующего нравственный и моральный облик общества.

В новозаветную эру появился новый императив нравственности, содержащий своего рода цивилизационно-культурный и социокультурный код корреляции между религиозными взглядами и экономическим поведением. Его яркой иллюстрацией могут служить строки из

Послания Иакова: «Вера, если не имеет дел, мертва сама по себе» [6, II, 17 и 26]. В этих строках уже можно обнаружить некоторые нотки присущего современной цивилизации христианского Запада прагматизма и приоритета телеологического (в терминологии Аристотеля) или целерационального (в терминологии М. Вебера) действия. Постепенно выкристаллизовывалась идея: «В этом греховном мире верующий должен трудиться во благо дела Божьего». Например, протестантство с его отношением к труду как основополагающему элементу протестантской этики оказало заметное влияние на социальную структуру общества и повлияло на связанные с ней проблемы современного Запада. Зачатки подобных идей, первоначально прослеживающиеся в Посланиях, а после отразившиеся в канонах церкви, стали предвестником формирования в будущем системы ценностей западного типа общества, с характерным для нее отстаиванием естественных и гражданских прав человека. Так, Я. С. Яскевич подчеркивает: «Христианская мораль предложила новую шкалу человеческих ценностей (крайний ригоризм – отказ от своеволия и полное подчинение воле бога; аскетизм; утешение – искупление страданий и вечное блаженство в ином мире; принцип любви как универсальный принцип морали; принцип милосердия, предполагающий прощение обид, сострадание и помощь страждущим и т. д.)» [8, с. 159]. Религиозная интерпретация этих процессов исключила всякий мистицизм, тем самым создавая благоприятные, но неоднозначные в своем понимании условия развития ценностного диалога государства и церкви.

Таким образом, анализ влияния христианства на социум выявляет как объективную обусловленность возникновения религиозных идей в истории, так и обратное влияние христианских ценностей и верований на светскую жизнь, в частности на выстраивание диалога государства и церкви. В итоге формируется новая система ценностей христианского мира, которая с течением времени обретает статус традиционной. Она задает новые формы для обретающего характер перманентного диалога государства и церкви. Церковь, выйдя из латентного периода своего существования, стала преследовать новые цели в своих отношениях со светской властью и вкладывать новый смысл в понимание задач государства и государственности. Человек уже не видел себя вне церковной жизни. Как заметил один из идеологов евразийства П. Н. Савицкий: «Истинной формой личного бытия как индивидуального, так и симфонического является бытие церковное» [9, с. 46–47].

Процесс создания христианских канонов тесно связан со становлением монархического епископата и развитием диалога с государством. Более того, клиром и представителями светской власти найден уникальный формат культурного сближения для преодоления ценностных преград в обществе, и в частности снижения влияния языческих традиций. Так, М. Мюллер, рассуждая о религиозном факторе как о сильнейшем импульсе, объединяющем людей, отмечал: «Все герои – христиане, и все они слились с историческими личностями четвертого, пятого и шестого столетий» [10, с. 187].

Эти взаимосвязанные социальные и религиозные ценности стали основой политической, хозяйственной и частной жизни людей. Наметившиеся с возникновением христианства некоторые их несоответствия, прежде всего в хозяйственно-экономической сфере, были нивелированы с учетом общих стратегических интересов. Однако всегда, независимо от исторической конъюнктуры, церковь во главу угла отношений с государством ставила незыблемость постулатов о временном и преходящем характере светской власти, обусловленном наличием в мире греха и необходимостью ему противодействовать. «Церковь всегда отчетливо осознавала коренное различие церковного и государственного начал в жизни человечества, ибо природа Церкви одна, а природа государства – иная» [11, с. 21].

Трансформация средневековой Европы, всей западной культуры радикально изменила отношение католической церкви к государству. Церковь и монастыри создавали своеобразные интеллектуальные анклав, аккумулирующие все духовные, научные достижения человечества. Церковь по негласной договоренности, может, даже исходя из корреляции собственных интересов с интересами государства, стала центром обучения и образования – учености. Нельзя оспаривать тот факт, что одновременно шел процесс жесткого противостояния в борьбе за влияние на интеллектуальный климат Европы. И государство, и церковь до определенного момента часто в резких формах отстаивали свою заинтересованность в использовании в своих целях тех или иных достижений духовной культуры. Однако и оно имело ограничения. С одной стороны, церковь обязана была придерживаться конкретных канонов (Священное писание, Послания, христианское учение), что являлось мощным средством влияния духовенства на массы рядовых членов христианской церкви. С другой стороны, государство неуклонно придерживалось позиции политической безопасности и экономической независимости и ревностно, даже, можно сказать, функцио-

нально, следило за тем, чтобы культурные новации соответствовали культурной традиции.

Непрекращающийся философский поиск баланса «нового» разума с верой – искания Фомы Аквинского, Ансельма Кентерберийского, Марсилиа Падуанского, Николая Кузанского и многих других христианских мыслителей – привел к необратимым процессам трансформации средневековой эпохи, западного мышления и поставил вопрос о духовной миссии церкви. Церкви пришлось пересмотреть свое отношение к государственным интересам и надеждам простых мирян. Р. Тарнас тонко отмечает основную проблему расхождения и противоречия видения жизненного пространства двух социальных институтов: церкви – государства. «Новые общественные образования – гильдии, братства, цеха – основывались скорее на горизонтальных линиях равенства, а не на прежних вертикально-деспотических отношениях феодалов и вассалов. Новый порядок в отношениях уже опирался не на освященную церковью клятву вассала в подчинении господину, но на более демократический консенсус между ними» [12, с. 147].

Достижения и преобразования, интеллектуальные поиски средневековой эпохи предопределили неизбежность государственно-национальных образований, а вместе с ними и зачатки манифестации социального самосознания. Конечно, в этот период еще не сложилось гражданское общество, но тот факт, что вскоре Дж. Локк, А. Смит и другие смогли выделить основные подходы к определению сущности гражданского общества на основе предшествующей исторической эпохи, существенно меняет наше отношение к Средневековью. Средневековый период в истории человечества уже не является «дремучим, темным временем» в западноевропейской истории. Это просвещенческое заблуждение, что Средневековье – это «спячка». Скорее наоборот. Неслучайно Н. А. Бердяев говорил о «новом Средневековье». В Средневековье произошла ценностная революция. Там было много достойного, когда парадигма выживания, устойчивости, стабильности стала ведущей.

Общество и государство Средних веков – это общество и государство транзита, поэтому христианский, а позже, после его разделения, католический тренд нужно было адаптировать к традиции западноевропейских национальных государств. Отсюда и потребность в диалоге церкви и государства, с одной стороны, а с другой – в диалоге между церковью и обществом в целом. Р. Арон делает любопытный вывод относительно ценностных перспектив религии: «Любая религия должна была в любую эпоху

находить компромисс между требованиями религиозных принципов и внутренними потребностями определенных областей деятельности» [13, с. 543]. Так происходило и в Новое время, так происходит и в современных обществах.

Что же касается христианского мира, то он находится сегодня в такой цивилизационной ситуации и таких исторических условиях, когда напряжение прошлого «сошло на нет», а в выработке стратегии будущего только начинают нащупываться реперные точки социально-исторического развития. В этой ситуации церковь предпринимает попытки, как пишет Э. Тоффлер, обрести свое «новое старое» пристанище «в мире, взболтанном индустриальной революцией, в котором, все, несомненно, было “не на своем месте”» [14, с. 106], в свободе человеческого прогресса.

Касаясь взаимоотношений церкви и государства, следует отметить, что современное государство не должно зависеть от религиозных настроений. Однако обществу и государству следует воспринимать религию как неотъемлемый сегмент социальных процессов и устойчивого созидательного фактора гражданского общества. Именно по этой причине государство в контексте приоритетов своего развития определяет парадигму, которая позволяет достичь гармоничного существования граждан. В таких случаях государство находит или выбирает основную религию, которая по всем критериям отвечает сложившимся традициям, нравственным и ценностным основаниям общества, что позволяет достичь баланса доверия власти и доверия личности. В свою очередь доминирующая религиозная организация как ключевой партнер государства взаимодействует с представителями иных религиозных объединений. На наш взгляд, следует придерживаться точки зрения, согласно которой «Диалог церкви и государства – это философско-историческая форма саморефлексии, залог устойчивого социального развития, толерантных отношений в обществе, сохранения и укрепления нравственных ценностей в непрерывно развивающемся многообразном и многополярном мире» [15, с. 33].

Другой важный вопрос относительно взаимоотношений церкви и государства – вопрос о том, каковы основные каналы влияния религии на гражданское общество и институты государственной власти. Здесь значительную роль играет взаимодействие церкви со структурами государства в контексте реализации социальных программ и межрелигиозное и межконфессиональное сотрудничество, также важный сегмент этого взаимодействия. Это естественно, поскольку внутрицерковные отношения, ровно как и сфера международного сотрудничества

церкви с религиозными структурами других стран и цивилизаций, составляют важнейшую сферу социокультурных компетенций и социальной ответственности религии в современных условиях. «Церковь всегда брала на себя исполнение важнейших моральных задач, в ряду которых, во-первых, она выступает от имени божественного авторитета; во-вторых, предстает как своеобразная “школа нравственности” (обойти ее было практически невозможно, так как вся жизнь – от крещения до отпевания – проходила в той или иной степени хотя бы в ритуальных или даже формальных рамках церкви); в-третьих, она выступала как хранитель и транслятор моральных ценностей. Помимо этого, церковь никогда не отказывалась от попыток сделать человека лучше, помочь в духовно-нравственном самоопределении личности. Как правило, в этих целях церковь использовала все доступные ей возможности, в том числе выходящие за рамки собственно церковных» [16, с. 127].

Заключение. Таким образом, социальные ценности выступают фундирующим основанием развития диалога церкви и государства. Поскольку это социальные ценности, постольку они сопровождали развитие общества на всем протяжении его исторического развития и в этом смысле носили конкретно-исторический характер, способствуя их закреплению в форме определенных традиций и, как следствие, преемственности и стабильности социодинамики. Перманентное изменение исторической ситуации, обуславливающее смену исторических эпох, не могло не отразиться на изменении характера самих социальных ценностей. В этом смысле социальные ценности начинали играть

роль новаций, которые с течением времени становились основой формирования новой традиции. Эта диалектика традиционного и новационного в динамике ценностей свидетельствует о том, что существует устойчивое нормативное «ядро» в цивилизационном развитии общества, которое составляют ценности константного, непреходящего характера.

Среди этих ценностей *ценность жизни*, осознание которой отчетливо проявилось в духовном строе Древней Греции, особенно на фоне некрофилического *отношения к смерти*, свойственно культуре Египта. Эти ценности связаны с попытками нахождения *смысла жизни* в духовном опыте христианского Средневековья, с осознанием важности *самоопределения и свободы человека* европейского Нового времени, пониманием самоценности человека и вместе с тем наличия у него таких качеств, как чувства *коллективизма* и *альтруизма*, что свойственно для русской и, шире, восточнославянской традиции. Если же рассматривать социальные ценности в их исторической преемственности, то к их числу необходимо отнести ценности *доверия* и *взаимопомощи*, *социальной справедливости*, *равенства*, *наконец, гармонии веры и знания, смысла и цели истории человечества* и др.

При этом не важно, какова природа и происхождение этих ценностей – конкретно-историческая или религиозная, поскольку их сущность и нравственный пафос совпадают. Главное, что это ценности, которые составляют основу единого дискурса – системы социокультурных значений, позволяющих церкви и государству «говорить на одном языке», а значит – вести конструктивный диалог.

Литература

1. Федосик В. А. Церковь и государство: критика богословских понятий. Минск: Наука и техника, 1988. 205 с.
2. Оргиш В. П. Истоки христианства: культурно-исторический генезис. Минск: Навука і тэхніка, 1991. 279 с.
3. Тальберг Н. Д. История христианской церкви. М.: Православ. Св.-Тихон. Богосл. ин-т, 2001. 517 с.
4. Федосик В. А. Киприан и античное христианство. Минск: Университетское, 1991. 208 с.
5. Лившиц Г. М. Происхождение христианства в свете рукописей Мертвого моря. Минск: Выш. шк., 1967. 319 с.
6. Библия: кн. Свящ. Писания Ветхого и Нового Завета. Минск: Белорус. Православ. Церковь (Белорус. Экзархат Моск. Патриархата), 2015. 1519 с.
7. Ленцман Я. А. Происхождение христианства. М.: Акад. наук СССР, 1958. 267 с.
8. Яскевич Я. С. Время кризиса – время надежды и диалога. Минск: Право и экономика, 2009. 189 с.
9. Савицкий П. Н. Континент Евразия: сборник. М.: Аграф, 1997. 461 с.
10. Мюллер М. От слова к вере. Миф и религия. М.: Эксмо; СПб.: Terra fantastika, 2002. 864 с.
11. Данилов С. А., Орлов М. О. Государство, общество, религия в западноевропейской цивилизации // Изв. Саратов. ун-та. Новая сер. Сер.: Философия. Психология. Педагогика. 2008. Т. 8, № 1. С. 20–27.
12. Тарнас Р. История западного мышления = The passion of the west mind. М.: Кронн-Пресс, 1995. 444 с.
13. Арон Р. Этапы развития социологической мысли. М.: Прогресс, 1992. 608 с.

14. Тоффлер Э. Шок будущего. М.: АСТ, 2002. 557 с.
15. Щёкин Н. С. Конструктивный диалог церкви и государства как фактор социально-исторического развития Беларуси // *Философия и социальные науки*. № 4, 2016. С. 33–37.
16. Лаптёнок А. С. Нравственная культура общества: преемственность и новации. Минск: Нац. ин-т образования, 1999. 201 с.

References

1. Fedosik V. A. *Tserkov' i gosudarstvo: kritika bogoslovskikh ponyatiy* [Church and state: critics of theological meanings]. Minsk, Nauka i tekhnika Publ., 1988. 205 p.
2. Orgish V. P. *Istoki khristianstva: kul'turno-istoricheskiy genezis* [Origins of Christianity: cultural and historic genesis]. Minsk, Navuka i tekhnika Publ., 1991. 279 p.
3. Tal'berg N. D. *Istoriya khristianskoy tserkvi* [History of Christian church]. Moscow, Pravoslavnyy Sv.-Tikhonovskiy Bogoslovskiy institut Publ., 2001. 517 p.
4. Fedosik V. A. *Kiprian i antichnoye khristianstvo* [Cyprian and antic Christianity]. Minsk, Universitetskoye Publ., 1991. 208 p.
5. Livshits G. M. *Proiskhozhdeniye khristianstva v svete rukopisey Mertvogo morya* [Origin of Christianity in light of manuscripts of Dead Sea]. Minsk, Vysheyshaya shkola Publ., 1967. 319 p.
6. *Bibliya: kn. Svyashch. Pisaniya Vetkhogo i Novogo Zaveta* [Bible]. Moscow, Belorusskaya Pravoslavnaya Tserkov' (Belorusskiy Ekzarkhat Moskovskogo Patriarkhata) Publ., 2015. 1519 p.
7. Lentsman Ya. A. *Proiskhozhdeniye khristianstva* [Origin of Christianity]. Moscow, Akademiya nauk SSSR Publ., 1958. 267 p.
8. Yaskevich Ya. S. *Vremya krizisa – vremya nadezhdy i dialoga* [Time of crisis is time of hope and dialogue]. Minsk, Pravo i ekonomika Publ., 2009. 189 p.
9. Savitskiy P. N. *Kontinent Yevraziya: sbornik* [Continent of Eurasia: collection of works]. Moscow, Agraf Publ., 1997. 461 p.
10. Myuller M. *Ot slova k vere. Mif i religiya* [From word to faith. Myth and religion]. Moscow, Eksmo; St. Petersburg, Terra fantastika Publ., 2002. 864 p.
11. Danilov S. A., Orlov M. O. State, society, religion in Western European civilization. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya ser. Ser.: Filosofiya. Psikhologiya. Pedagogika* [News of Saratov University. New series. Philosophy, Psychology, Pedagogics], 2008, vol. 8, no. 1, pp. 20–27 (In Russian).
12. Tarnas R. *Istoriya zapadnogo myshleniya* [The passion of the west mind]. Moscow, Kronn-Press Publ., 1995. 444 p.
13. Aron R. *Etapy razvitiya sotsiologicheskoy mysli* [Stages of development of sociological thought]. Moscow, Progress Publ., 1992. 608 p.
14. Toffler E. *Shok budushchego* [Choke of future]. Moscow, AST Publ., 2002. 557 p.
15. Shchekin N. S. Constructive dialogue between church and state as factor of social and historic development of Belarus. *Filosofiya i sotsial'nyye nauki* [Philosophy and Social sciences], 2016, no. 4, pp. 33–37 (In Russian).
16. Laptenok A. S. *Nravstvennaya kul'tura obshchestva: preemstvennost' i novatsii* [Moral culture of society: continuity and innovation]. Minsk, Natsional'nyy institut obrazovaniya Publ., 1999. 201 p.

Информация об авторе

Щёкин Николай Сергеевич – кандидат философских наук, доцент, руководитель Центра политической и экономической социологии. Институт социологии НАН Беларуси (220072, г. Минск, ул. Сурганова, 1, корп. 2). E-mail: biant14@icloud.com

Information about the author

Shchekin Nikolay Sergeevich – PhD (Philosophy), Associate Professor, Head of the Center for Political and Economic Sociology. Institute of Sociology of National Academy of Sciences of Belarus (1/2 Surганova str., 220072, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: biant14@icloud.com

Поступила 05.09.2017

УДК 930(476)

О. А. Матусевич

Белорусский государственный технологический университет

**ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ
БЕЛОРУСОВ: ПРОБЛЕМЫ, ДОСТИЖЕНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ**

В статье автор анализирует достижения в изучении исторической памяти белорусов на широком фоне европейской традиции мемориальных исследований, что позволяет определить степень разработанности проблематики исторической памяти в Беларуси и определить перспективы развития данных исследований. В зависимости от методологических оснований можно выделить следующие подходы к изучению исторической памяти: структурно-функциональный, феноменологический, культурно-семиотический, структуралистский, постструктуралистский, информационный. Из этого многообразия подходов только некоторые востребованы в исследованиях исторической памяти белорусов либо представлены в редуцированном виде. Автор приходит к выводу, что анализ опубликованных результатов изучения исторической памяти белорусов дает возможность определить перспективы дальнейшего развития исследований этой темы с применением различных подходов, выработанных зарубежной наукой.

Ключевые слова: историческая память, методология исследований, белорусская наука, научный подход.

O. A. Matusевич

Belarusian State Technological University

**BASIC APPROACHES TO THE STUDY OF THE HISTORICAL MEMORY
OF BELARUSIANS: CHALLENGES, ACHIEVEMENTS AND PROSPECTS**

The author analyzes the research of the Belarusian historical memory on a broad background of European tradition of memory studies. Basic research shortcomings, degree of knowledge of historical memory issues in Belarus, prospects of development of these researches are presented in the article. The author outlines the following approaches to the historical memory research: structural-functional, phenomenological, cultural-semiotic, structuralist, post-structuralist, information. Only some of these approaches are in demand in the studies of the historical memory of Belarusians or are presented in science in a reduced form. The author comes to the conclusion that the analysis of the published results of studying the historical memory of Belarusians makes it possible to determine the prospects for further development of the researches using various approaches developed by foreign science.

Key words: historical memory, methodology of research, Belarusian science, scientific approach.

Введение. Историческая / социальная* память является предметом изучения многих научных дисциплин: истории, политологии, социологии, социальной психологии, культурологии и других. В Беларуси представлены исторические / историографические и социологические исследования. К данным исследованиям можно отнести немногочисленные публикации по историческому сознанию. В статье мы попытаемся проанализировать достижения в изучении исторической памяти белорусов на широком фоне существующей европейской традиции исследования данного феномена, что позволит обозначить степень разработанности проблематики социальной памяти в Беларуси.

Основная часть. В зависимости от источниковой базы и метода, на который опираются ученые, можно выделить качественные и количественные исследования, последние в большей мере характерны для социологии и социальной психологии (к сожалению, необходимо

признать, что подобные исследования у нас представлены крайне скупо, в сравнении с нашими соседями). Французским ученым С. Московичи (Московиси) разработан в рамках социальной психологии очень интересный и информативный подход, который позволяет изучать социальные представления о прошлом. Концепция социальных представлений значительно обогащает социально-гуманитарную теорию памяти, имеет большой потенциал инструментального использования при изучении структуры и динамики образа прошлого в исторической памяти, а также дает возможность аргументированно объяснить происходящие изменения в обыденном историческом сознании на постсоветском пространстве. В России проведен ряд исследований на основе концепции социальных представлений, защищены диссертации.

Публикации по теме исторической памяти белорусов в основном представлены качест-

венными исследованиями, авторами которых являются обычно историки. Количественные исследования в Беларуси представлены результатами нескольких социологических опросов, проведенных Институтом социологии НАН Беларуси, социологической лабораторией «Новак», Независимым институтом социально-экономических и политических исследований, Центром социологических и политических исследований БГУ. В целом, социологических опросов по проблеме массовых представлений о прошлом в Беларуси, в сравнении с нашими ближайшими соседями, проведено крайне мало. Результаты этих исследований ввиду фрагментарности и разовости проведения не дают возможности комплексно анализировать социальную память белорусов. Весьма перспективным представляется обращение к опыту польских социологов в изучении обыденного исторического сознания. Начало социологических исследований социальной памяти в польской науке было положено Н. Ассордобрай еще в 1960-х гг. С точки зрения продолжительности, масштабов и частоты проведения польские исследования являются уникальными не только для нашего региона. У начинаний Н. Ассордобрай нашлось много последователей, и сейчас с уверенностью можно говорить о существовании варшавской социологической школы по изучению исторической памяти. Использование опыта польских социологов представляется весьма перспективным ввиду хорошо разработанной теории и методологии исследований, что для научного многоголосия и размытого понятийного аппарата социально-гуманитарной теории памяти весьма редкое явление.

В зависимости от методологических оснований можно выделить следующие подходы к изучению исторической памяти: структурно-функциональный, феноменологический, культурно-семиотический, структуралистский, постструктуралистский, информационный. Из этого многообразия подходов только некоторые востребованы в исследованиях исторической памяти белорусов либо представлены в редуцированном виде.

Структурно-функциональный подход ориентирован на изучение массовых социальных представлений о прошлом с точки зрения социальной роли памяти по легитимации и интеграции внутригрупповых отношений. Он пользуется большой популярностью как у историков, так и социологов.

В рамках феноменологического подхода исследуется опыт индивида и малых групп, проявление исторической памяти в повседневной жизни. Он позволяет рассмотреть механизм преобразования индивидуальных воспомина-

ний в коллективные, объяснить процесс формирования интерпретаций прошлого и исторической реальности на их основе. На наш взгляд, применение этого подхода может способствовать преодолению методологической слабости и в силу этого спорности многих исследований социальной памяти на основе методик устной истории, дальнейшее развитие которых невозможно без обращения к достижениям по изучению автобиографической памяти в психологии и когнитивным исследованиям.

Культурно-семиотический подход используется для изучения текстов как носителей исторической памяти, способов их кодирования и декодирования, а также способов передачи информации и организации коммуникации, благодаря которым формируются массовые представления о прошлом. Данный подход будет весьма продуктивным при обращении к проблеме социальной памяти с историографических позиций. Культурно-семиотический подход может быть использован для изучения преобразования мемориального символического пространства и культурных практик.

Структуралистский подход ориентирован на изучение устойчивых социальных структур, в том числе общественного сознания. На его основе можно осуществлять сравнительный анализ исторической памяти различных обществ, что было бы интересно при изучении социальной памяти населения постсоветских государств. Однако он не дает возможности проследить динамику мемориальных процессов. В рамках этого подхода отрицается возможность существования единого и разделяемого всеми образа прошлой реальности. Историческая память, с точки зрения структуралистов, формирует определенные нормы, механизмы социального контроля и тем самым формирует действительность. Но структуралисты игнорируют контекст, в котором возникает текст, политический миф и т. д., что значительно ограничивает эвристический потенциал методов, предлагаемых структуралистами.

Эта ограниченность была преодолена в постструктуралистском подходе, в котором смещается акцент с устойчивых структур на изучение контекста, признается плюрализм и размывание смыслов, а также обращается внимание на роль социальной и политической практик в конструировании исторической памяти. Разработанная в рамках данного подхода, концепция П. Нора о «местах памяти» активно используется учеными многих стран, так же как и предложенный постмодернистами нарративный анализ, который применяется для изучения как обыденного, так и научного исторического сознания.

Весьма продуктивным в изучении социальной памяти является дискурс-анализ (разработанный в рамках структурализма и постструктурализма). Он позволяет использовать критический подход к формированию массовых исторических знаний, учитывая историческую и культурную обусловленность способов понимания и репрезентации прошлого (способ организации версий прошлого), дает возможность проследить взаимосвязь между исторической памятью и социальными процессами, а также социальным поведением.

Еще одним подходом к изучению исторической памяти является информационный, разработанный в советской науке. В рамках этого подхода изучаются механизмы передачи социальной информации в зависимости от социокультурного контекста и ее роль в развитии социальной системы. Теоретические основания информационного подхода, на наш взгляд, важны для объяснения взаимовлияния социальной памяти и исторической науки, а также инструментального использования истории и кризиса исторического знания, связанного с так называемым «мемориальным бумом» или «торжеством памяти».

Из вышеперечисленных подходов наиболее востребованным в исследованиях исторической памяти белорусов является структурно-функциональный подход. Он используется для определения роли исторической памяти в формировании нации и национального государства и представлен, например, в работах А. Ластовского [1, 2, 3, 4]. Также опубликован ряд работ по местам памяти [11], активно используются элементы нарративного и дискурс-анализа [11], предпринимаются попытки деконструкции образа отдельных событий прошлого [9].

Если рассматривать исследования социальной памяти белорусов исходя из проблемного поля, то можно отметить, что достаточно востребованной является тема исторической политики [10, 11, 12]. По сути, в рамках изучения исторической политики осуществляется анализ содержания учебной литературы, в том числе учебника как места памяти. За редким исключением [7] авторы, скорее интуитивно, используют элементы нарративного и дискурс-анализа, нежели целенаправленно придерживаются выбранной научной методологии. Слабо изучена мемориальная культура и коммеморативная практика, наградная политика, трансформация символического пространства, в том числе городского ландшафта. На данный момент можно констатировать, что узловые проблемы формирования и функционирования исторической памяти белорусов рассмотрены эпизодически и отсутствуют попытки комплексного исследования данного феномена.

Анализ публикаций по заявленной теме** дает основания утверждать, что научное сообщество осознает актуальность и важность этой исследовательской проблемы, однако значительная часть авторов, обратившись к ней единожды, впоследствии не занимается изучением исторической памяти, что объясняет противоречивость и нередко поверхностность ряда публикаций, после прочтения которых становится очевидной слабая методологическая проработка исследования, что маскируется под воспитательно-нравоучительным стилем и урапатриотическими призывами охранительного толка.

Так, в некоторых работах звучат призывы бороться с «искажениями» памяти или не допустить оные (что с точки зрения теории памяти является весьма сомнительным), ответственность за формирование «правдивой / правильной» версии прошлого возлагается на учителей и школьное образование [5, 6, 13]. Последнее вызывает еще больше сомнений в условиях девальвации статуса учителя и деградации системы образования, а главное современного информационного пространства, в которое погружена молодежь, когда источником социальных представлений (не путать со знаниями!) уже давно является не школа. При этом способами формирования той самой «правильной» социальной памяти считается «отбор исторического материала, его объективный анализ, акцент на лучшее из прошлого» [5], что само по себе представляет взаимоисключающие подходы: либо мы объективно анализируем, либо акцентируем внимание на «лучшем», замалчивая неприглядные эпизоды истории. И такой подход непременно, как считают некоторые авторы, приведет к формированию патриотических чувств.

В этой связи хочется отметить необъяснимую тенденцию, которая присутствует и во многих публикациях и высказываниях представителей научного сообщества на конференциях, в работе которых принимала участие автор: исключается возможность быть патриотом, критически оценивая прошлое своей страны. Существует уверенность, и не только в белорусской научной периодике, что патриотизм может формироваться только при однобоком героическо-мариологическом образе национального прошлого, что патриотический дух граждан подпитывается героическими подвигами предков, особенно военными. Такой посыл содержится во многих публикациях, в которых анализируется память о Великой Отечественной войне. Однако в этом утверждении самими авторами публикаций заложено определенное противоречие: какие подвиги преды-

душих войн помнят белорусы? и как отсутствие опоры на героизм наших предков в многочисленных войнах до событий 1941–1945 годов сказалось на формировании патриотизма? или белорусы проявили героизм только в период Великой Отечественной войны? И совсем пугающе звучит утверждение, что образ войны в массовом сознании формирует «позитивный, конструктивный сценарий будущего» [8, с. 203],

что подтверждает риски архаизации общественного сознания.

Заключение. Таким образом, даже беглый анализ опубликованных результатов изучения исторической памяти белорусов дает возможность определить перспективы дальнейшего развития исследований этой темы с применением различных подходов, выработанных зарубежной наукой.

*В публикации, ввиду используемой терминологии в анализируемых статьях, автор употребляет данные понятия как синонимы.

**Объем статьи не дает возможности сослаться на значительное количество публикаций, проанализированных автором.

Литература

1. Ластовский А. Л. Историческая память как фактор укрепления белорусской национальной идентичности // Социологический альманах. 2010. Вып. 1. С. 187–195.
2. Ластовский А. Л. Историческая память в содержании культурной идентичности // Взаимодействие устойчивости и инновационности в развитии белорусского общества: сборник научных трудов. Минск, 2009. С. 284–299.
3. Ластовский А. Л. Специфика исторической памяти в Беларуси: между советским прошлым и национальной перспективой // Вестник общественного мнения: Данные. Анализ. Дискуссии. 2009. № 4. С. 88–99.
4. Ластовский А. Л. Историческая память белорусских поляков: между официальными нарративами и семейными преданиями // Социологический альманах. 2011. Вып. 2. С. 290–301.
5. Марецкий А. И. Проблема формирования исторической памяти у студенческой молодежи // Экалогія культуры: XVII Міжнар. Кірыла-Мяфодзіеўскія чытанні, прысвечаныя Дням славянскага пісьменства і культуры (Мінск, 26–28 мая 2011 г.) / Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт культуры і мастацтваў. Мінск, 2012. С. 62–68.
6. Мысливец Н. Л. Великая Отечественная война в исторической памяти молодежи: социологический анализ // Философия и социальные науки. 2015. № 4. С. 23–30.
7. Остовская Т. Генеалогия исторической памяти белорусов в контексте образовательных практик // Белорусский институт стратегических исследований [Электронный ресурс]. URL: <http://belinstitute.eu/images/doc-pdf/sa012010ru.pdf> (дата обращения: 12.08.2016).
8. Проказина Н. В. Историческая память о Великой Отечественной войне в общественном сознании жителей Беларуси и России // Социологический альманах. 2015. Вып. 6. С. 202–209.
9. Сагановіч Г. М. Грунвальд у беларускай гісторыі: спроба разбору палітычнага міфа. Мінск: Медысон, 2015. 414 с.
10. Снапковский В. Е. Историческая политика в Беларуси в период перестройки и парламентской республики (1985–1994 гг.) // Труды факультета международных отношений БГУ. 2014. № 5. С. 62–69.
11. АРСНЕ Пачатак: часопіс. 2013. № 2.
12. Шадурский В. Г. Историческая политика в Республике Беларусь: этапы развития и версии интерпретации прошлого // Труды факультета международных отношений БГУ. 2014. № 5. С. 9–24.
13. Ярошевич Л. А. Историческая память как один из параметров оценивания учебных достижений // Вестник Полесского государственного университета. Серия общественных и гуманитарных наук. 2011. Вып. 2. С. 37–39.

References

1. Lastovskiy A. L. Historical Memory as a Factor of Strengthening Belarusian National Identity. *Sotsiologicheskii al'manakh* [Sociological Almanac], 2010, no. 1, pp. 187–195 (In Russian).
2. Lastovskiy A. L. Historical memory in the content of cultural identity. *Vzaimodeystviye ustoychivosti i innovatsionnosti v razvitii belorusskogo obshchestva: sbornik nauchnykh trudov* [Interaction of sustainability and innovation in the development of Belarusian society: Collection of scientific papers]. Minsk, 2009, pp. 284–299 (In Russian).
3. Lastovskiy A. L. Specificity of historical memory in Belarus: between the Soviet past and the national perspective. *Vestnik obshchestvennogo mneniya: Dannyye. Analiz. Diskussii* [Public Opinion Bulletin: Data. Analysis. Discussions], 2009, no 4, pp. 88–99 (In Russian).

4. Lastovskiy, A. L. Historical Memory of Belarusian Poles: Between Official Narratives and Family Traditions. *Sotsiologicheskii al'manakh* [Sociological Almanac], 2011, no. 2, pp. 290–301 (In Russian).
5. Maretskiy A. I. [The problem of the formation of historical memory among students]. *Ekologiya kul'tury: XVII Mizhnar. Kiryla-Myafodzieuskiya chytanni, prysvechanyya Dnyam slavyanskaga pis'menstva i kul'tury* [Environmental Culture: XVII International Cyril and Methodius Readings dedicated to the Days of Slavic Written Language and Culture]. Minsk, 2012, pp. 62–68 (In Russian).
6. Myslivets N. L. The Great Patriotic War in the historical memory of youth: a sociological analysis. *Filosofiya i sotsial'nyye nauki* [Philosophy and Social Sciences], 2015, no. 4, pp. 23–30 (In Russian).
7. Ostovskaya T. *Genealogiya istoricheskoy pamyati belorusov v kontekste obrazovatel'nykh praktik* [Genealogy of the historical memory of Belarusians in the context of educational practices]. Available at: <http://belinstitute.eu/images/doc-pdf/sa012010ru.pdf> (accessed 12.08.2016).
8. Prokazina N. V. Historical memory of the Great Patriotic War in the public consciousness of the inhabitants of Belarus and Russia. *Sotsiologicheskii al'manakh* [Sociological Almanac], 2015, no. 6, pp. 202–209 (In Russian).
9. Saganovich G. M. *Grunval'd u belaruskay gistoryi: sproba razboru palitychnaga mifa* [Grunwald in Belarusian history: an attempt to parse the political myth]. Minsk, Medysont Publ., 2015. 414 p.
10. Snapkovskiy V. E. Historical policy in Belarus during perestroika and the parliamentary republic (1985–1994). *Trudy fakul'teta mezhdunarodnykh otnosheniy BGU* [Proceedings of the Faculty of International Relations of the Belarusian State University], 2014, no. 5, pp. 62–69 (In Russian).
11. ARCHE Pachatak: journal, 2013, no. 2 (In Belarusian).
12. Shadurskiy V. G. Historical policy in the Republic of Belarus: stages of development and versions of the interpretation of the past. *Trudy fakul'teta mezhdunarodnykh otnosheniy BGU* [Proceedings of the Faculty of International Relations of the Belarusian State University], 2014, no. 5, pp. 9–24 (In Russian).
13. Yaroshevich L. A. Historical memory as one of the parameters for assessing learning achievements. *Vestnik Poleskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Polesky State University], 2011, issue 2, pp. 37–39 (In Russian).

Информация об авторе

Матусевич Ольга Александровна – кандидат исторических наук, доцент кафедры философии и права. Белорусский государственный технологический университет (220006, г. Минск, ул. Свердлова, 13а, Республика Беларусь). E-mail: matusevich.olga@gmail.com

Information about the author

Matusevich Olga Aleksandrovna – PhD (History), Assistant Professor, the Department of Philosophy and Law. Belarusian State Technological University (13a, Sverdlova str., 220006, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: matusevich.olga@gmail.com

Поступила 04.09.2017

УДК 130.1+316.3

Н. Н. Брюховецкий

Криворожский государственный педагогический университет

МНОГОАСПЕКТНОСТЬ ЗНАНИЯ КАК ФАКТОРА РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА

В статье исследуется вопрос многоаспектной природы знания в контексте его рассмотрения как фактора развития общества. Отмечается принадлежность знания к духовным и одновременно материальным факторам развития общества. Делается вывод о существовании знания как фактора развития общества, по меньшей мере, в трех формах. В первой, субъективной форме знание, как состояние сознания, выступает субъективным духовным фактором общественного развития. Во второй, кодифицированной форме знание, как вид информации, в знаковом, символическом проявлении, предстает в роли объективного духовного фактора. В третьей, материализованной форме знание, как средство и другие элементы общественного производства, является материальным опосредствованным практикой фактором развития общества.

Ключевые слова: знание, фактор развития общества, информация, субъективное знание, кодифицированное знание, материализованное знание.

N. N. Briukhovetskyi

Kryvyi Rih State Pedagogical University

**MULTIDIMENSIONAL NATURE OF KNOWLEDGE
AS A FACTOR OF SOCIAL DEVELOPMENT**

The paper explores the multidimensional nature of knowledge in the context of its consideration as a factor in the development of society. It is noted that knowledge belongs to the spiritual and at the same time material factors of the development of society. It is concluded about the existence of knowledge as a factor of social development at least in three forms. In the first subjective form the knowledge, as states of mind, is the subjective spiritual factor of social development. In the second codified form the knowledge, as the type of information in the sign, symbolic kind, acts as an objective spiritual factor. In the third materialized form the knowledge as the means and other elements of social production, is the mediated by practice material factor in the development of society.

Key words: knowledge, factor of social development, information, subjective knowledge, codified knowledge, materialized knowledge.

Введение. В связи с глобальными тенденциями развития мировой экономики, информатизацией и технологизацией производства феномен знания все чаще попадает в поле интереса разных исследований. Не исключением являются и социально-философские исследования, которые рассматривают знание с наиболее широкой точки зрения.

Пожалуй, одним из наиболее бесспорных постулатов в социальной философии является понимание знания как важнейшего фактора развития общества. Тем не менее уже следующий шаг – отнесение знания к какой-то определенной категории названных факторов – будет весьма неоднозначным актом. Ключевыми же причинами такой неоднозначности выступают сама природа знания, а также характер и формы его связи с обществом.

Основная часть. Так, под факторами развития общества мы понимаем определенные агенты влияния, которые находятся в детерминационной связи с обществом. Прежде всего, выделяют факторы материальные и духовные (идеальные) [1, с. 422; 2, с. 11–23]. К духовным факторам общественного развития относят ре-

лигию, мораль, право, идеологию, менталитет [1, с. 390–402]. Также история науки знала примеры выделения и такого рода духовных факторов, как рок-фортуна Н. Макиавелли [1, с. 263], провидение Ж. Б. Боссюэ, Дж. Вико и Л. фон Ранке [2, с. 115, 117, 120], мировой дух Гегеля [3, с. 70–73, 102–103], капиталистический дух М. Вебера [4, с. 70–71, 76–77] и т. д. В качестве материальных факторов чаще всего называют природные условия существования социального организма: климат, ландшафт, население, экологию, экономику и т. д. [1, с. 366–477; 5, с. 27–28, 80].

В указанной классификации целесообразно будет учесть критерий человеческой практики, поделив все факторы развития общества на те, которые опосредованы практикой, и такие, которые не опосредованы практикой.

Вместе с тем идеальные факторы можно разделить на субъективные – такие, которые непосредственно связаны с сознанием человека, и объективные – такие, что существуют вне сознания человека.

В соответствии с такой дополненной классификацией к материальным, не опосредствованным

практикой факторам развития общества прежде всего следует отнести естественные условия существования социального организма: климат, ландшафт, население. В то время как к материальным факторам, опосредствованным человеческой практикой, – производством, хозяйство, технику, технологии и т. д.

К духовным субъективным факторам могут принадлежать состояния сознания и психики личности: взгляды и убеждения, ценности, эмоции и влечения. Духовными же объективными факторами могут считаться право, мораль, религиозные и идеологические доктрины.

Но, как мы уже упоминали, возникают определенные трудности с отнесением знания к той или иной группе факторов. Так, в эпистемологии знание традиционно определяется как обоснованное истинное убеждение (мнение, утверждение). Указанное понимание имеет достаточно давнюю традицию и уходит своими корнями в диалог Платона «Геэтет» [6, с. 313], но является весьма актуальным и до сих пор [6, с. 16; 7; 8, с. 34; 9, с. 121; 10, с. 79–80; 11, с. 4]. Однако использование указанного понимания знания связано с определенными ограничениями. Здесь мы ограничиваемся рамками лишь субъективного понимания этого явления. В частности, философия еще со времен Платона тесно связывает понятие «знание» с понятием «обоснования» [11, с. 4]. Вообще, в понимании знания как истинного обоснованного убеждения, как, собственно, «убеждение», так и его «обоснованность», имеют такие атрибуты, которые невозможны вне сознания человека.

В данном случае мы полностью разделяем точку зрения Карла Поппера о том, что теорию познания, основанную только на таком понимании знания, следует считать по своей сути субъективистской [10, с. 81]. Безусловно, в этом случае вполне очевидным будет отнесение знания к субъективным духовным факторам.

На первый взгляд, указанная точка зрения может показаться в полной мере обоснованной. Так, декартовское «мыслю – следовательно существую» заложило фундаментальное представление о том, что познавательная деятельность невозможна без субъекта познания. Даже последовательно материалистическая эпистемология не может игнорировать тот факт, что познавательные мыслительные операции осуществляются в человеческой психике, сознании, человек мыслит «про себя», «в уме» [12, с. 169]. Кроме того, на неразрывной связи с сознанием, а затем и на «молчаливом» характере знания, его «неявной» и «личностной» природе акцентировал внимание Майкл Полани [13, с. 19, 101, 140].

Действительно, знание не обязательно должно быть выраженным и переданным кому-то. Бо-

лее того, знание содержит моменты, которые сложно выразить объективно [12, с. 169]. Такое знание основано на своего рода «неактуализированной», «невербальной» информации [14, с. 40–41]. Даже последовательный критик «субъективистской» эпистемологии Поппер признавал атрибутивным компонентом знания его субъективную составляющую – состояния ума, сознания или диспозиции действовать определенным образом [10, с. 111].

Личностные и сознательные признаки знания, казалось бы, дают бесспорное основание, чтобы отнести его к духовной группе факторов развития общества. Но вступить в детерминационную связь с социумом знание может лишь в случае его объективизации, только когда знание становится, по выражению С. Батищева, «достоянием бессубъектного фонда знания, более того – фонда информации» [15, с. 253].

Так, согласно Попперу, знание существует в двух разновидностях – знание в объективном смысле, состоящее из проблем, теорий, рассуждений, аргументов как таковых [10, с. 111], что представляет собой основу «третьего мира» [10, с. 108], а также знание в субъективном смысле, состоящее «из состояний ума, сознания или диспозиций действовать определенным образом» [10, с. 71, 78, 111, 122].

Попперовское разделение знания на субъективное и объективное помогает провести различия между знанием и информацией. Собственно субъективное знание, проходя процесс объективизации через устную речь, печатный текст, изображения и т. д., начинает существовать в форме информации. Конечно, это не означает, что любая информация представляет собой знание в объективной форме существования. Понятие информации гораздо шире: к ней можно отнести сведения, которые не имеют никакого отношения к знанию.

Однако, на наш взгляд, отнесение знания только к группе духовных факторов развития общества, пусть и в обоих видах – субъективном и объективном, – значительно сужает поле влияния знания как общественного фактора. К подобному выводу приближает толкование знания в русле материалистической концепции. Здесь знание является следствием и результатом интериоризации внешнего мира и развернутых действий индивида [16, с. 131]. В результате такой интериоризации знания, согласно А. Н. Леонтьеву, попадают на внутренний план, приобретая характер свернутых операций и умственных актов [16, с. 131]. При этом внешняя деятельность в виде оперирования объектами является не только простым средством объективизации истинной деятельности мышления. Как справедливо замечает В. А. Лекторский, эта деятельность и является подлинной основой

мышления [12, с. 171]. То есть знания, по мнению философа, опосредованы общественно сложившимся миром предметов [12, с. 169–181]. Близок к этой мысли и другой известный российский исследователь гносеологической проблематики В. С. Степин, по мнению которого знание формируется на основе практики и представляет собой идеализированную схему практически преобразованных материальных объектов [17, с. 36–37].

Учитывая подобное понимание социальной природы знания, интересную и весьма плодотворную, как нам представляется, классификацию предлагает С. М. Климов [18, с. 52]. По его мнению, знание может существовать не только в субъективной и объективной форме, но и в кодифицированной. Субъективная форма представлена системой усвоенных или произведенных понятий, которые опосредуют отношение человека к действительности, а также схемой и алгоритмами деятельности. Кодифицированное знание представляет собой знаковую форму или форму символов, которые передаются в процессе коммуникации, фиксируются и сохраняются. Объективированное знание – это интеллектуальные модели, воплощенные в объективной форме процессов деятельности. Так, любой «промышленный продукт», по мнению С. М. Климова, представляет собой объективированное знание [18, с. 52].

Важным преимуществом данной классификации является фиксация вида знания, которое воплощено в промышленных продуктах, хотя мы видим определенную непоследовательность авторского названия такого вида знания, как объективированное знание. Очевидно, что второй вид знания в указанной классификации – знание кодифицированное – является также объективированным знанием, поскольку, например, в знаковом или символическом виде знание получило объективную форму своего существования. С учетом этого кодифицированное знание реально тоже подпадает под вид объективированного. Поэтому, чтобы выделить последний вид знания как относительно самостоятельный, по нашему мнению, более удачным был бы термин «материализованное знание». Таким образом, в случае выделения трех

видов знания – субъективного, кодифицированного и материализованного – мы, во-первых, избежим путаницы в классификации и, во-вторых, охватим знание в качестве фактора развития общества во всех его проявлениях.

Процесс материализации знания приводит к воплощению его в определенном результате практической деятельности и непосредственного участия в производстве. Собственно в этом смысле материализованное знание в социуме выступает в качестве элементов общественного производства. Такое понимание знания как результата и одновременно фактора практической деятельности человека, то есть деятельности по преобразованию материальных объектов, позволяет включить знание в группу материальных, опосредованных практикой факторов развития общества.

Заключение. Следовательно, на наш взгляд, есть все основания говорить о своеобразной двойственности природы знания как фактора развития общества. Эта двойственность знания воплощается в его принадлежности к духовным и в то же время к опосредствованным практикой материальным факторам развития общества:

- в субъективной форме существования знание является духовным субъективным фактором развития общества;

- в кодифицированной форме знание можно отнести к духовным объективным факторам развития общества;

- в материализованных формах знание принадлежит к опосредствованным практикой материальным факторам развития общества.

Личностный характер и неразрывная связь с сознанием дают возможность говорить о субъективной форме существования знания и отнести его к субъективным духовным факторам развития общества. Существование знания в форме информации образует его кодифицированную разновидность и позволяет определить как объективный духовный фактор развития общества. В материальной форме существования знание предстает как опосредствованный практикой фактор общественного развития, воплощаясь во всех составных элементах общественного производства – средствах и предметах труда, технологии и организации производственных процессов.

Литература

1. Семенов Ю. И. Философия истории (Общая теория, основные проблемы идеи и концепции от древности до наших дней). М.: Современные тетради, 2003. 776 с.
2. Вико Дж. Основания Новой науки / пер. с итал. М.; Киев: REFL-book – ИСА, 1994. 656 с.
3. Гегель Г. В. Ф. Лекции по философии истории. СПб.: Наука, 2000. 480 с.
4. Вебер М. Избранные произведения / пер. с нем. М.: Прогресс, 1990. 808 с.
5. Боден Ж. Метод легкого познания истории. М.: Наука, 2000. 412 с.
6. Платон. Теэтет // Платон. Сочинения. В 4 т. Т. 2 / под общ. ред. А. Ф. Лосева и В. Ф. Асмуса; пер. с древнегреч. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2007. 626 с.
7. Chisholm R. M. Percieving: A Philosophical Study. N. Y.: Valley offset, inc., 1969. 215 p.

8. Ayer A. J. *The Problem of Knowledge*. London: Macmillan & Co Ltd, 1956. 258 p.
9. Gettier E. Is Justified True Belief Knowledge? *Analysis*, 1963, vol. 23, pp. 121–123.
10. Поппер К. Р. *Объективное знание. Эволюционный подход*. М.: УРСС, 2002. 384 с.
11. Шрамко Я. В. Знания и убеждения: их развитие и критический пересмотр // *Философия науки*. 2005. № 1 (24). С. 3–19.
12. Лекторский В. А. *Субъект, объект, познание*. М.: Наука, 1980. 360 с.
13. Полани М. *Личностное знание* / пер. с англ. М.: Прогресс, 1985. 344 с.
14. Поліщук О. П. Інтуїтивне мислення // *Практична філософія*. 2003. № 2. С. 37–44.
15. Батищев Г. С. Проблема овещнения и ее гносеологическое значение // *Гносеология в системе философского мировоззрения* / отв. ред. В. А. Лекторский. М.: Наука, 1983. С. 250–272.
16. Леонтьев А. Н. *Избранные психологические произведения*. В 2 т. Т. I. М.: Педагогика, 1983. 392 с.
17. Степин В. С. *Теоретическое знание*. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 744 с.
18. Климов С. М. *Интеллектуальные ресурсы общества*. СПб.: Знание, 2002. 199 с.

References

1. Semenov Yu. I. *Filosofiya istorii (Obshchaya teoriya, osnovnyye problemy idei i kontseptsii ot drevnosti do nashikh dney)* [Philosophy of history (General theory, basic problems, ideas and concepts from antiquity to the present day)]. Moscow, Sovremennyye tetradi Publ., 2003. 776 p.
2. Viko Dzh. *Osnovaniya Novoy nauki. Perevod s ital'yanskogo* [Foundations of the New Science. Translation from Italian]. Moscow; Kiev: REFL-book – ISA Publ., 1994. 656 p.
3. Gegel' G. V. F. *Leksii po filosofii istorii* [Lectures on the philosophy of history]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2000. 480 p.
4. Veber M. *Izbrannyye proizvedeniya* [Selected Works]. Translation from German. Moscow, Progress Publ., 1990. 808 p.
5. Boden Zh. *Metod legkogo poznaniya istorii* [The method of easy knowledge of history]. Moscow, Nauka Publ., 2000. 412 p.
6. Platon. Teetet. *Platon. Sochineniya* [Platon. Works]. In 4 vols. Vol. 2. Translation from Ancient Greek. St. Petersburg, St. Petersburg University Publ., 2007. 626 p.
7. Chisholm R. M. *Percieving: A Philosophical Study*. N. Y, Valley offset, inc. Publ., 1969. 215 p.
8. Ayer A. J. *The Problem of Knowledge*. London, Macmillan & Co Ltd. Publ., 1956. 258 p.
9. Gettier E. Is Justified True Belief Knowledge? *Analysis*, 1963, vol. 23, pp. 121–123 (In English).
10. Popper K. R. *Ob'yektivnoye znaniye. Evolyutsionnyy podkhod* [Objective knowledge. Evolutionary approach]. Moscow, URSS Publ., 2002. 384 p.
11. Shramko Ya. V. Knowledge and belief: their development and critical revision. *Filosofiya nauki* [Philosophy of Science], 2005, no. 1 (24), pp. 3–19 (In Russian).
12. Lektorskiy V. A. *Sub'yekt, ob'yekt, poznaniye* [Subject, object, knowledge]. Moscow, Nauka Publ., 1980. 360 p.
13. Polani M. *Lichnostnoye znaniye* [Personal knowledge]. Moscow, Progress Publ., 1985. 344 p.
14. Polishchuk O. P. Intuitive thinking. *Praktichna filosofiya* [Practical philosophy]. 2003, no. 2. pp. 37–44 (In Ukrainian).
15. Batishev G. S. The problem of omnification and its epistemological significance. *Gnoseologia v sisteme filosofskogo mirovozzreniya* [Gnoseology in the system of philosophical worldview]. Moscow, Nauka Publ., 1983, pp. 250–272.
16. Leont'yev A. N. *Izbrannyye psikhologicheskiye proizvedeniya* [Selected psychological works]. In 4 vol. Vol. 1. Moscow, Pedagogika Publ., 1983. 392 p.
17. Stepin V. S. *Teoreticheskoye znaniye* [Theoretical knowledge]. Moscow, Progress-Traditsiya Publ., 2000. 744 p.
18. Klimov S. M. *Intellektual'nyye resursy obshchestva* [Intellectual resources of society]. St. Petersburg, Znanie Publ., 2002. 199 p.

Информация об авторе

Брюховецкий Николай Николаевич – ассистент кафедры философии. Криворожский государственный педагогический университет (50086, Украина, г. Кривой Рог, пр. Гагарина, 54). E-mail: nicko2004@rambler.ru

Information about the author

Briukhovetskyi Nikolay Nikolaevich – assistant lecturer of the Department of Philosophy. Kryvyi Rih State Pedagogical University (54, Gagarin Ave., Kryvyi Rih, Ukraine). E-mail: nicko2004@rambler.ru
Поступила 15.03.2017

УДК 347.78

Л. А. Кулис

Белорусский государственный технологический университет

**ОСОБЕННОСТИ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ДОГОВОРОВ
В СФЕРЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ**

Особенности заключения договоров в сфере интеллектуальной собственности обуславливаются специфическим характером объектов интеллектуальной собственности. Установленные законодательством особенности договоров в сфере интеллектуальной собственности не исключают необходимости соблюдения общих правил заключения, исполнения, изменения и расторжения гражданско-правовых договоров, которые предусмотрены гражданским законодательством Республики Беларусь. В Республике Беларусь сформирована система договоров в сфере интеллектуальной собственности. В статье анализируется необходимость более широкого использования договора присоединения. Открытая лицензия предоставляет широкие возможности для вовлечения в гражданский оборот объектов интеллектуальной собственности. Данный вид договора в настоящее время используется для объектов права промышленной собственности. Обосновывается необходимость правового закрепления использования данного вида договора применительно к объектам авторского права и объектам смежных прав.

Ключевые слова: объект интеллектуальной собственности, лицензионный договор, договор уступки права, принудительная лицензия, открытая лицензия.

L. A. Kulis

Belarusian State Technological University

**PECULIARITIES OF THE CONCLUSION OF AGREEMENTS
IN THE SPHERE OF INTELLECTUAL PROPERTY**

Peculiarities of the conclusion of agreements in the sphere of intellectual property are determined by the specific nature of the objects of intellectual property. The established rights, contracts, agreements and agreements on civil law contracts, which are provided for by the civil legislation of the Republic of Belarus. A system of contracts in the field of intellectual property has been formed in the Republic of Belarus. The article analyzes the need for wider use of the accession agreement. An open license provides ample opportunities for involving intellectual property in civil circulation. This type of contract is currently used for objects of industrial property law. The necessity of legal fixation of the use of this type of contract with respect to copyright objects and objects of related rights is substantiated.

Key words: object of intellectual property, license agreement, contract of assignment of rights, compulsory license, open license.

Введение. Участие имущества и имущественных прав в гражданском обороте опосредуется заключением договоров. Гражданским законодательством договор определяется как соглашение двух или нескольких лиц об установлении, изменении или прекращении гражданских прав и обязанностей. В отличие от объектов материального мира возникновение, передача или прекращение прав на объекты интеллектуальной собственности имеет существенные особенности, которые обуславливаются двойственным характером данных объектов и спецификой возникающих в отношении них прав.

Основная часть. Создание объектов интеллектуальной собственности влечет возникновение личных неимущественных и исключительных (имущественных) прав. Неимущественные права не имеют экономического содержания. Они неотчуждаемы и непередаваемы. Следовательно, любые договоры о передаче личных неимущественных прав будут

считаться ничтожными, так как они противоречат законодательству. Обладателями неимущественных прав являются только авторы, причем даже в том случае, когда имущественные права в установленном порядке переходят к другим лицам.

В гражданском обороте участвуют только имущественные (исключительные) права на объекты интеллектуальной собственности. При этом договорные отношения могут возникать только по поводу тех объектов интеллектуальной собственности, которым предоставляется правовая охрана. Объектам авторского права и объектам смежных прав правовая охрана предоставляется с момента их создания, то есть для их правовой охраны не требуется дополнительных формальностей, в том числе совершения регистрационных действий. Для правовой охраны объектов права промышленной собственности требуется получение охранного документа – патента либо свидетельства о государственной регистрации объекта.

Срок действия договора, касающегося объекта интеллектуальной собственности, не должен превышать установленного законом срока действия правовой охраны имущественных прав на данный объект. Например, имущественные права на произведения науки, литературы и искусства действуют в течение всей жизни автора и пятидесяти лет после его смерти.

Следует учитывать, что исключительные права на объект интеллектуальной собственности существуют независимо от права собственности на материальный носитель, на котором зафиксирован данный объект интеллектуальной собственности. Соответственно, договоры о передаче исключительных прав на объекты интеллектуальной собственности следует отличать от договоров о передаче прав на материальные носители, на которых зафиксированы объекты интеллектуальной собственности.

Так как большинство договоров в сфере интеллектуальной собственности являются возмездными, необходимо четко разграничивать стоимость передаваемого имущественного права на объект интеллектуальной собственности от стоимости материального носителя, в котором этот объект воплощен. Например, сравнивая скульптуру из дорогого материала и музыкальное произведение, записанное на диске, можно представить, насколько значительным является удельный вес стоимости материала при создании различных объектов интеллектуальной собственности.

Договорные отношения в сфере интеллектуальной собственности относятся к гражданско-правовым. Требования, предъявляемые к таким договорам, можно разделить на две группы: общие требования к гражданско-правовым договорам; специфические требования, предусмотренные законодательством об интеллектуальной собственности.

Специфический характер договоров в сфере интеллектуальной собственности не исключает необходимости соблюдения общих правил заключения, исполнения, изменения и расторжения гражданско-правовых договоров, которые установлены главами 27–29 Гражданского кодекса Республики Беларусь.

Законодательно закрепленный принцип свободы договоров означает, что граждане и организации свободны в заключении договоров, выборе партнеров по договору, определении его условий. Однако в случаях, прямо предусмотренных законодательством, допускается понуждение к заключению договора. Понуждение выражается в виде вынесения судебного решения, обязывающего сторону заключить договор. В сфере интеллектуальной собственности примером может служить так называемая принудительная лицензия, когда заинтересо-

ванная сторона путем обращения в Верховный Суд Республики Беларусь может понудить другую сторону заключить лицензионный договор.

Принудительная лицензия может быть потребована при наличии определенных условий: 1) неиспользование или недостаточное использование патента без уважительной причины в течение определенного срока (изобретений – 5 лет, полезных моделей, промышленных образцов – 3 лет с даты публикаций сведений о патенте, сортов растений – 3 лет с даты внесения сорта растений в Государственный реестр); 2) отказ патентообладателя от добровольного заключения лицензионного договора. В выдаче принудительной лицензии должно быть отказано, если патентообладатель докажет, что его бездействие было обусловлено уважительными причинами. Если требование о принудительной лицензии будет удовлетворено, суд определяет пределы использования, размеры, сроки, порядок платежей и другие необходимые условия.

Кроме того, обязанность заключить договор может быть предусмотрена добровольно принятым обязательством сторон. В иных случаях любые формы проявления порока воли сторон (обман, угроза, насилие, заблуждение, стечение тяжелых обстоятельств, недееспособность физического лица) влекут недействительность заключенного договора.

По общему правилу договор должен соответствовать обязательным для сторон правилам, установленным законодательством. Содержание большей части договоров в сфере интеллектуальной собственности регулируется императивными нормами, которые являются обязательными для сторон. Условия договора, не соответствующие требованиям законодательства, являются недействительными. В отличие от императивных, диспозитивные нормы применяются постольку, поскольку иное не предусмотрено договором. То есть, стороны могут своим соглашением установить условие, отличное от предусмотренного в диспозитивной норме. При отсутствии иного соглашения сторон условие договора определяется диспозитивной нормой. Диспозитивную норму отличает наличие в ней фразы «если иное не предусмотрено договором».

Стороны могут заключать договоры как предусмотренные, так и не предусмотренные гражданским законодательством, а также смешанные договоры, то есть содержащие элементы различных договоров. Примером может служить договор соавторов о распределении долей их участия в созданном объекте интеллектуальной собственности, правах соавторов на заключение договоров о передаче имущественных прав на совместно созданный объект интеллектуальной собственности и т. д.

Для договоров в сфере интеллектуальной собственности является обязательной письменная форма. Для большинства договоров (авторский договор, лицензионный договор) закреплена конкретная разновидность письменной формы – в виде единого документа, подписанного сторонами, а также обязательность регистрации договора. Несоблюдение письменной формы либо требования о регистрации влечет недействительность договора. Если данная разновидность письменной формы прямо не предусмотрена для заключаемого договора, то стороны могут воспользоваться иными разновидностями письменной формы: обмен документами посредством почтовой, электронной или иной связи либо совершение действий в ответ на письменное предложение, содержащее определенные условия договора.

В законодательстве об интеллектуальной собственности закреплена система договоров, которая включает в себя три основных вида договоров: 1) договор уступки исключительного права, 2) лицензионный договор, 3) договор о создании и использовании результатов интеллектуальной деятельности.

По договору уступки исключительного права правообладатель передает принадлежащие ему имущественные права на объект интеллектуальной собственности в полном объеме другой стороне. Данный договор предполагается возмездным, если в нем отсутствует прямое указание на безвозмездность.

Лицензионный договор предполагает передачу исключительного права на объект интеллектуальной собственности от лицензиара, обладающего данными правами, другой стороне – лицензиату, в определенных пределах. Законодательством закреплено несколько разновидностей лицензионного договора: договор простой (неисключительной) лицензии, договор исключительной лицензии, открытая лицензия, принудительная лицензия. Применение принудительной и открытой лицензии белорусским законодательством предусмотрено только для некоторых объектов права промышленной собственности. Сущность открытой лицензии состоит в том, что патентообладатель через патентный орган публикует заявление о предоставлении любому лицу разрешения использовать объект интеллектуальной собственности в определенных пределах на условиях неисключительной лицензии. Лицо, желающее использовать данный объект, вправе требовать от патентообладателя заключения лицензионного договора на условиях, соответствующих заявлению об открытой лицензии.

Полагаем, что в таком виде открытая лицензия предоставляет широкие возможности

для вовлечения в гражданский оборот объектов интеллектуальной собственности. В этой связи представляется целесообразным правовое закрепление использования данного вида договора применительно к объектам авторского права и объектам смежных прав.

В российском законодательстве открытая лицензия отождествляется с договором присоединения (ст. 1286.1 Гражданского кодекса Российской Федерации) и применяется к объектам авторского права и смежных прав. Закон Республики Беларусь «Об авторском праве и смежных правах» (ст. 44) предусматривает заключение договора присоединения только в отношении компьютерной программы и базы данных. При этом законодатель устанавливает определенный способ доведения условий договора до сведения заинтересованных лиц, предписывает излагать условия лицензионного договора на каждом экземпляре компьютерной программы или базы данных. Начало использования лицензиатом данных объектов считается заключением договора.

Договор о создании и использовании результатов интеллектуальной деятельности закрепляет обязательство автора создать в будущем произведение, изобретение или иной результат интеллектуальной деятельности и предоставить заказчику исключительные права на использование этого результата. В договоре должны быть конкретизированы сущность создаваемого объекта интеллектуальной собственности, а также цели и способы его использования.

Для системного восприятия и анализа договоров в сфере интеллектуальной собственности их можно классифицировать по различным критериям.

1. По предмету регулирования названные договоры можно разделить на:

- договоры на создание и использование результатов интеллектуальной деятельности;
- договоры о передаче имущественных прав на уже созданные объекты интеллектуальной собственности.

2. По объему передаваемых прав:

- лицензионные договоры;
- договоры уступки прав.

3. По способу передачи имущественных прав:

- по специальному договору;
- по общегражданской сделке (заклад, наследование, вклад в уставный фонд организации и др.).

Заключение. Правильное применение договоров, используемых в сфере интеллектуальной собственности, способствует правомерному вовлечению в гражданский оборот имущественных (исключительных) прав на объекты интеллектуальной собственности.

Литература

1. Гражданский кодекс Республики Беларусь: принят Палатой представителей 28 октября 1998 г., одобрен Советом Республики 19 ноября 1998 г. Минск: Нац. центр правовой информации Респ. Беларусь, 2013. 656 с.
2. Об авторском праве и смежных правах: Закон Респ. Беларусь от 17 мая 2011 г. № 370 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. 2011. № 60. 2/1813.
3. О патентах на изобретения, полезные модели, промышленные образцы: Закон Респ. Беларусь от 16 декабря 2002 г. № 160 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. 2003. № 1. 2/909.
4. О товарных знаках и знаках обслуживания: Закон Респ. Беларусь от 05.02.1993г. № 2181 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. 2001. № 60. 2/381.

References

1. *Crazhdanskiy kodeks Respubliki Belarus': prinyat Palatoy predstaviteley 28 oktyabrya 1998 g., odobren Sovetom Respubliki 19 noyabrya 1998 g.* [The Civil Code of the Republic of Belarus: adopted by the House of Representatives on October 28, 1998, approved by the Council of the Republic on November 19, 1998]. Minsk: Natsional'nyy tsentr pravovoy informatsii Respubliki Belarus' Publ., 2013. 656 p.
2. On Copyright and Related Rights: Law of the Republic of Cyprus. Belarus of May 17, 2011. No. 370. *Natsional'nyy reestr pravovykh aktov Respubliki Belarus'* [National register of legal acts Belarus], 2011, no 60, 2/1813 (In Russian).
3. On patents for inventions, utility models, industrial designs: Law of the Republic of Kazakhstan. Belarus from December 16, 2002 No. 160. *Natsional'nyy reestr pravovykh aktov Respubliki Belarus'* [National register of legal acts Belarus], 2003, no 1. 2/909 (In Russian).
4. On trademarks and service marks: the Law of the Republic of Belarus on 05.02.1993 No. 2181. *Natsional'nyy reestr pravovykh aktov Respubliki Belarus'* [National register of legal acts Belarus], 2001, no 60. 2/381 (In Russian).

Информация об авторе

Кулис Лидия Андреевна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры философии и права. Белорусский государственный технологический университет (220006, г. Минск, ул. Свердлова, 13а, Республика Беларусь). E-mail: lidia.kylis@gmail.com

Information about the author

Kulis Lidziya Andreevna – PhD (Law), Associate Professor, Assistant Professor, the Department of Philosophy and Law. Belarusian State Technological University (13a, Sverdlova str., 220006, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: lidia.kylis@gmail.com

Поступила 04.09.2017

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ	5
Воронич Т. В. Дети в городской среде Беларуси последней трети XIX – начала XX в.	5
Острога В. М. Повседневная жизнь учителей средних учебных заведений Беларуси во второй половине XIX – начале XX в.	9
Семенчик Н. Е. Сельское хозяйство и промышленность Беларуси накануне и в начале Первой мировой войны	14
Коваль В. У. Дзейнасць беларускай эканамічнай эміграцыі ў Францыі ў міжваенны перыяд	20
Райченко А. А. Литовско-Белорусская ССР: неудачный эксперимент советской государственности	25
Каляда І. У. Тэатральныя дыскусіі 1920-х – 1930-х гг.: станаўленне тэатральнага прафесіяналізму	30
Мосейчук Л. И. Из истории развития еврейского образования в Белорусском государственном университете (20-е гг. XX в.)	34
Козляков В. Е. Роль Союзного государства в развитии межвузовского сотрудничества Беларуси и России	38
Зайцев А. А., Зайцева Н. В. Строительство системы противоракетной обороны НАТО в Европе	42
ФИЛОСОФИЯ	46
Шалаев В. П. Синергетическая теория творчества (опыт философского анализа)	46
Бурак П. М. Инварианты коэволюции и их взаимосвязь в природе и социокультурной реальности	51
Водопьянов П. А., Сидоренко И. Н. Сверхрационализация и деструктивность общества потребления	57
Хренков В. В. Общество потребления и реклама как условия объективации человека: неомарксистское понимание проблемы	63
Щёкин Н. С. Ценностный диалог церкви и государства как фундаментальный фактор развития христианской цивилизации	68
Матусевич О. А. Основные подходы к изучению исторической памяти белорусов: проблемы, достижения и перспективы	74
Брюховецкий Н. Н. Многоаспектность знания как фактора развития общества	79
Кулис Л. А. Особенности заключения договоров в сфере интеллектуальной собственности	83

CONTENTS

.....

HISTORY	5
Voronich T. V. Children in the city environment of Belarus of the last third XIX – the beginning of the XX century	5
Ostroga V. M. Daily life of teachers of secondary schools Belarus in the second half of XIX – early XX century	9
Semenchuk N. E. Agriculture and industry of Belarus before and at the beginning of the First world war	14
Koval V. U. Activities of belarusian economic emigration in France during the inter-war period ...	20
Raychenok A. A. Lithuanian-Belarusian SSR: the failed experiment of the soviet state	25
Kolyada I. U. The theatrical debate of the 1920s and 1930s: formation of theatrical professionalism	30
Moseichuk L. I. From the history of development of jewish education in the Belarus state university (20th years of the XX century)	34
Kazliakou U. Ye. The role of the Union state in the development of Belarus and Russia university partnership	38
Zaytsev A. A., Zaytseva N. V. Building NATO'S missile defence system in Europe	42
PHYLOSOPHY	46
Shalaev V. P. Synergetic theory of creativity (experience of philosophical analysis)	46
Burak P. M. Coevolution invariants (patterns) and its interrelation in nature and social and cultural reality	51
Vodop'yanov P. A., Sidorenko I. N. Superrationalization and destructivity societies of consumption	57
Khrenkov V. V. Consumer society and commercial as conditions of the social objectification of a person: neo-marxist understanding of a problem	63
Shchekin N. S. Value dialogue of church and state as fundamental factor in development of christian civilization	68
Matusevich O. A. Basic approaches to the study of the historical memory of belarusians: challenges, achievements and prospects	74
Briukhovetskyi N. N. Multidimensional nature of knowledge as a factor of social development	79
Kulis L. A. Peculiarities of the conclusion of agreements in the sphere of intellectual property	83

Редактор *Р. М. Рябая*
Компьютерная верстка *Е. В. Ильченко, С. С. Белявская*
Корректор *Р. М. Рябая*

Подписано в печать 15.12.2017. Формат 60×84¹/₈.
Бумага офсетная. Гарнитура Таймс. Печать ризографическая.
Усл. печ. л. 10,4. Уч.-изд. л. 11,0.
Тираж 100 экз. Заказ .

Издатель и полиграфическое исполнение:
УО «Белорусский государственный технологический университет».
Свидетельство о государственной регистрации издателя,
изготовителя, распространителя печатных изданий
№ 1/227 от 20.03.2014.
Ул. Свердлова, 13а, 220006, г. Минск.